

Гуана Етхер

ИСТОРИИ

para que

recuerda

Илья Мороз не смог пройти мимо женщины, нуждающейся в помощи, а я не смогла противостоять влечению к этому мужчине. Хотя все во мне и твердило, что слишком рано бросаться в отношения, после того, как предыдущие закончились настолько катастрофически. Да и то, что моему сыну так понравился наш громкий сосед, сыграло немаловажную роль. Но иногда такая стремительность — то, что нужно для израненного сердца.

Настоящий папа для хоккеиста

Арина Стен

Глава 1

Илья

В очередной раз широко зевнув, с грустью посмотрел на стопку договоров, которые мне за сегодня надо просмотреть. Их штук пять, не меньше. И все страниц по тридцать. Точно усну за изучением, к гадалке не ходи.

Потянувшись за кружкой кофе, стоящей на другом конце стола, с грустью обнаружил, что она опустела.

— Настенька, — громко позвал нашу помощницу, не потрудившись воспользоваться телефоном, — сделай мне, пожалуйста, еще кофе.

В ответ, естественно, ничего не услышал. Девушка была слишком воспитана, чтобы орать через дверь, но я точно знал, что через пять минут передо мной вновь будет стоять божественный напиток, способный воскресить мертвых.

Поймав насмешливый взгляд Оксаны, уютно расположившейся на диване (длинном, мягком, на котором я не раз засыпал, задерживаясь в офисе, и на котором сейчас с удовольствием бы растянулся), нахмурился.

— Чего? — буркнул, не способный в этот день на излишнюю вежливость.

Жена моего друга и партнера по бизнесу и бровью не повела, проигнорировав мой тон.

— Это уже третья чашка кофе за последние полчаса, — заметила укоризненным тоном. — Вредно для здоровья.

— Плевать, — отмахнулся, с благодарностью глядя на входящую помощницу, несущую громадную кружку, от которой исходил живительный аромат. — Спасительница, — выдохнул, когда она поставила ее передо мной.

— Ночью спать надо, — фыркнула девушка, выходя из кабинета.

— Я бы с удовольствием, — крикнул ей в спину, припадая к кружке, делая громадный глоток.

Я прямо-таки ощущал, как по моим венам начала растекаться бодрость. Жаль, что хватит этого заряда ненадолго. Как справедливо заметила Оксана, это была третья кружка за полчаса, следовательно, одной хватало минут на десять, не больше.

— И что же тебе не дает? — скептически подняла бровь Строганова.

— Бабы, милая, — громким шепотом возвестил ее муж, не отрываясь от экрана компьютера. — Бабы.

Оксана поморщилась и вопросительно на меня посмотрела. Прежде, чем ответить, запустил в Макса скомканной бумажкой, удачно подвернувшейся под руку. Тот, конечно же, увернулся. Продолжая, между прочим, смотреть в экран.

— С радостью бы подтвердил в очередной раз мой статус плейбоя, — криво ухмыльнулся, — но сегодня это были всего лишь соседи.

— Ты же живешь сейчас на своей старой квартире? — нахмурилась молодая женщина.

Кивнул, вновь отпивая из кружки.

— Неужели там такие тонкие стены?

— Угу, — буркнул, безуспешно стараясь подавить зевок. — Клянусь, они сделаны из картона.

— Сделал бы себе звукоизоляцию и не мучился, — бросил Максим.

— Смысл? — отмахнулся, хотя подобная мысль посещала и меня. — Все равно через

неделю съеду. Когда ремонт в доме закончится.

Год назад я купил участок в том же поселке, в котором жило семейство Строгановых. Соседний, кстати. С уже построенным на нем домом, которому требовался капитальный ремонт. Продал свою квартиру, вложил в это дело все сбережения, поэтому не стал тратиться на съемную хату, а временно переехал в старую квартиру матери, оставшуюся без хозяев, когда матушка покинула этот бренный мир.

Максим только головой покачал, когда узнал. Друг был прекрасно осведомлен, как сильно я ненавижу все, что связано с моими родителями. Отцом-алкоголиком и матерью, всю жизнь прожившей с этим чудовищем и закрывавшей глаза на то, как часто он меня поколачивал в детстве. Ровно до тех пор, пока я не научился давать сдачи. Я и в армию-то сбежал, когда мне исполнилось восемнадцать, чтобы от них избавиться. И контрактником стал по этой же причине.

— Так что делали твои соседи? — оторвала меня от совершенно нерадужных мыслей Оксана.

— Орала друг на друга всю ночь, — проворчал. — Успокоились только под утро.

Я познакомился с этой семьей в первый же день, когда въехал в квартиру.

Забирал последнюю коробку из джипа. В тот момент, когда я балансировал на одной ноге, пытаясь достать из заднего кармана ключи, дверь подъезда широко распахнулась, чуть не дав мне по носу. Спасибо моей отличной реакции — успел от нее отскочить.

Первым вышел громко матерящийся мужик лет тридцати. Он размахивал руками, что-то яростно доказывая идущему за ним мальчишке.

— Если ты будешь вести себя на поле, как последний сопляк, никто тебя уважать не будет. Так и проведешь все время на скамейке запасных. Какого хрена я плачу столько денег за эту ерунду, если ты постоянно прохлаждаешься?

Пацан шел, низко опустив голову, и ничего не говорил в ответ на эту отповедь. Только кулаки яростно сжимал. Следом за ним шла молодая женщина, в руках у нее была клюшка и тяжеленная сумка для хоккейной формы.

Прекрасно знал, как она выглядит, сам в школе ходил на хоккей. Занятия были единственным, в чем моя мать смогла проявить твердость, ей с трудом, но удалось уговорить отца на них меня отдать. О чем он в последствии пожалел.

Потому что хоккей научил меня не только стойко сносить физическую боль в любом ее проявлении, но и со временем, благодаря занятиям, я нарастил довольно внушительную мышечную массу — долгие занятия в спортзале, к которому у членов хоккейной команды был постоянный доступ, дали о себе знать.

Глядя на меня сейчас, трудно поверить, но где-то лет до десяти я был хлюпиком. И идеальной грушей для своего отца. Удивительно, что он ни разу мне ничего не сломал. Ублюдох прекрасно знал, как и куда надо бить, чтобы не было заметно следов. А мать все знала и молчала.

Мазнув взглядом по проходящей мимо тройце, поспешил зайти внутрь. Мало того, что от коробки начали уставать руки, так еще и их семья слишком уж сильно напоминала мне мою собственную. А это могло закончиться чем-то неприятным.

— Ирка, прекрати плестись так, словно у тебя ног нет, — успел услышать недовольный рык, — пошевеливайся! Опаздываем!

В этот же вечер я узнал его по голосу, когда он, в очередной раз чем-то дико недовольный, орал на свою жену. «Прекрасно, эта горе-семейка еще и сверху живет», —

подумал недовольно, поворачиваясь на другой бок и закрывая голову подушкой, в надежде, что пух и перья смогут как-то приглушить крики. Не помогло. К сожалению.

Засыпая, думал, что дом проклят. Не может быть, чтобы в одном и том же доме (хоть и в разное время) жили две абсолютно одинаковые семьи: отец — тиран, мать — тряпка и сын — несчастный ребенок, застрявший в их болоте.

Строганова недовольно на меня посмотрела:

— А если он ее бьет?

— Бьет, значит, любит, — фыркнул и равнодушно пожал плечами. — Не мое дело. Хотят друг друга убивать — пожалуйста. Делали бы они это только в дневное время, когда меня нет на работе... — протянул мечтательно.

Глаза Оксаны опасно сузились, и она, судя по виду, собралась прочитать мне проповедь о том, как надо вести себя с соседями, и кому звонить, если возникают подозрения в домашнем насилии. В принципе, хорошо зная жену друга, я мог практически дословно воспроизвести все, что меня ожидало.

Спас ситуацию Строганов, с шумом захлопнув рабочий ноут и стремительно поднявшийся со стула.

— Так, все, дорогая, — улыбнулся он жене, — я закончил. Поехали за детьми.

Оксана шумно выдохнула, закатила глаза и ткнула в меня пальцем.

— Пообещай мне, что, если подобное повторится, ты позвонишь в полицию.

— Как скажете, генерал, — отсалютовал женщине, широко улыбаясь.

Мы все прекрасно знали, что ничего подобного я делать не буду. Слишком хорошо знаю, чем такие звонки заканчиваются. Менты приезжают, снимают показания, иногда побои, возможно, уговаривают жену написать заявление на мужа, забирают того в кутузку, а через пару дней, она приходит за своим благоверным, и сообщает полицейским, что подобное было в первый раз, она сама виновата, знает, что такого больше не повторится и прочая, прочая, прочая... Фу! Противно!

— Передавайте привет бандитам, — крикнул, когда пара была уже практически у двери.

— Ждем тебя завтра в гости, — обернулась на выходе Оксана. — Не забудь.

— Обижаешь, Нечаева, — возмутился. — Как я могу забыть про день рождения моих крестников?

— Смотрю, ты уже успел забыть, что я — Строганова, Мороз, — парировала та, — не удивлюсь, если и даты перепутаешь.

Громко расхохотался, откинув голову.

— Один-один.

— По-моему, мы остановились в этот раз где-то на ста двадцати? — задумчиво постучала пальчиком по губам. — Опять решил начать все с начала?

— Не могу запомнить цифры, что больше двухзначных, — оскалился в ответ.

Макс закатил глаза, подталкивая жену в спину.

— Пойдем уже. Должен сказать, — добавил он, натягивая пиджак, — я безумно рад, что словесными баталиями ты занимаешься теперь не со мной.

— Лучше бы он с женой со своей этим занимался, — покачала головой Строганова, — а не со мной или тобой.

— Для этого ему необходимо найти женщину, способную поддержать беседу, а не только восклицать — «Ах!», «Да» и «Еще!», — хмыкнул друг.

Вместо ответа, я показал ему средний палец.

— Некультурщина, — пробормотала Оксана, помахав мне ручкой.

Макс только кивнул и показал два пальца, закрывая за собой дверь, намекая, что ждут меня завтра к двум часам дня.

Илья

Когда двое из представителей моего любимого семейства, покинули-таки кабинет, желание работать и что-либо делать пропало вообще. Его и так было немного, учитывая недосып, пятницу, хорошую погоду и тот факт, что после обеда меня совсем разморило. Теперь же я всерьез раздумывал над тем, чтобы плюнуть на все дела и отправиться домой. Глядишь, удастся поспать.

Встал, блаженно потянулся, кинул взгляд на стопку договоров, молчаливым укором возвышающуюся на моем столе.

— Да ну на хер, — махнул рукой. — До понедельника подождет. Все равно ничего не соображаю.

Выключив компьютер, широким шагом покинул кабинет. Настя удивленно на меня посмотрела, но ничего не сказала. Да, было довольно непривычно, что такой трудоголик, как я, решил забить на работу, но сегодня был особенный день.

— Хороших выходных, — попрощался с помощницей.

В спину мне прилетело ответное пожелание.

Выйдя на улицу, вдохнул полной грудью. Ярко светило солнце, воздух прогрелся до приятных двадцати пяти градусов, ветер отсутствовал напрочь. Посему я не стал натягивать пиджак, а потащил его в руках.

Машину сегодня оставил у дома, думал с утра, что засну за рулем, поэтому пришлось добираться до квартиры на общественном транспорте. Благо, вышел я рано, а значит в час пик не попал. Народу было немного, даже у такого бугая, как я, оставалось пространство для маневра.

Один несомненный плюс в квартире родителей был — она находилась всего в паре остановок от офиса. Впрочем, это был ее единственный плюс. Тонкие стены, шумные соседи и плохие воспоминания с лихвой его перечеркивали.

Открывая дверь подъезда, прислушался к разговору сидящих на лавочке бабулек.

— Он опять ее бил сегодня, — громко возмущалась одна. — Я всю ночь заснуть не могла. Такой шум стоял.

— С чего ты взяла, что он ее бьет? — с сомнением проговорила ее товарка. — Может, они просто ругаются.

— Да я ее синяки видела как-то, — воскликнула старушка, возмущенная до глубины души тем фактом, что в ее словах усомнились.

— Синяки могут быть от чего угодно, — справедливо заметила собеседница.

Бабуля фыркнула и уже собиралась было выдать очередное доказательство своим словам, но тут ее взгляд наткнулся на меня. Заслушавшись, не успел прошмыгнуть в подъезд незамеченным, о чем мне предстояло пожалеть. В этом я был уверен.

— Илюша, — протянула Зоя Макаровна (если я правильно вспомнил имя бабуси), — ты сегодня рано.

— Решил немного отдохнуть от работы, — улыбнулся старушкам, придерживая дверь для выходящей в этот момент из подъезда молодой девушке с коляской.

Дернулся было помочь, но та решительно отказалась.

— Спасибо, я сама.

Пожал плечами. Сама, так сама.

— Илюша, — вновь позвала меня бабка.

Подавив дрожь, самопроизвольно возникавшую каждый раз, когда слышал этот вариант моего имени (единственная, кто мог меня так называть — мать Макса, у нее это получалось как-то... мило что ли, и совсем не раздражающе, да и плохих воспоминаний не навевало), повернулся к главным сплетницам двора, размышляя, что же они от меня хотели.

— Ты поговори с ним, а то прибьет девчужку ненароком. А у нее сын, между прочим.

Нахмурился было, не сразу осознав, о ком идет речь. Точно, мои шумные соседи.

— Макаровна, — закатила глаза соседка, — отстань от него. Не будет он лезть в семейные разборки. И тебе не советую, — ткнула в нее скрюченным пальцем.

— Вот случится что, — заворчала Зоя Макаровна, — вспомните мои слова. И волосы на голове рвать будете.

Хмыкнув про себя, поспешил скрыться в подъезде, пока бабушки-старушки не решили, что меня все-таки необходимо вписать в это блудень.

Зайдя в квартиру, прислушался. Вроде, сверху тихо. Не смотря на то, что я сказал Оксане в офисе, а также на весь мой жизненный опыт, если мне действительно покажется, что мужик бьет свою жену и ребенка, я вмешаюсь. Не смогу остаться в стороне. Хотя, как правило, такие вмешательства оказываются нежеланными и никому не нужными. Макаровна, правда, будет счастлива, что хоть кто-то к ней прислушался.

Наскоро поужинав полуфабрикатами (талантами Макса по части готовки я не обладал, поэтому до сих пор, если выпадала такая возможность, старался заглянуть к Строгановым, чтобы нормально поесть), засобиравшись в магазин. Надо было купить мелким подарки. До самого последнего момента тянул, в кои-то веки сомневался, что им подарить. Чем старше бандиты, тем тяжелее становилось им что-то покупать.

От Олеськи теперь не откупишься просто куклой, обязательно нужно к ней кучу прибабасов покупать. Причем, все должно быть самое дорогое и модное. Клянусь, у этой девчонки есть встроенный ценник, если что-то дешевле определенного уровня, то она и спасибо не скажет.

Поморщился, поняв, что наговариваю на свою любимую крестницу. На самом деле, она с одинаковой благодарностью смотрит и на безделушку, и на дорогий подарок.

Это мне все кажется, что у них должно быть все самое лучшее и дорогое. Вот и скупаю игрушки целыми отделами с самого их рождения. Хотя, уж Макс-то может и сам позволить себе побаловать своих детей. Но почему-то я решил взять эту функцию на себя. То ли из-за того, что кроме них мне, по сути, деньги больше не на кого было тратить. То ли еще по какой причине.

Вновь вернулся мыслями к подаркам. Строганов как-то называл мультик, от которого фанатеет мелкая. Можно купить что-то с ним связанное. Осталось только вспомнить, что это за мультфильм. Почесав затылок, махнул рукой. Если что — спрощу у Оксаны.

С Кириллом было чуть проще. Малой увлекался опытами — то вулкан смастерит, то взорвет что-нибудь, потому что смешает не те реагенты. Поэтому, спустя какое-то время, потраченное на раздумья, решил купить ему домашнюю лабораторию. Выбранный мной в интернет-магазине вариант был довольно громоздким, благо размеры особняка Строганова позволяли разместить ее в отдельной комнате. Надеюсь, что там, куда я собрался за подарками, он тоже будет. Если верить информации в интернете — пока что он присутствовал.

Выходя на улицу, опасливо огляделся по сторонам. Не затаились ли где поблизости бабульки? Горизонт был чист, что не могло не радовать. На лавочке сидел только какой-то пацан.

Присмотревшись, узнал в нем Никиту, сына той самой бедовой пары сверху. Мальчишка сосредоточенно ковырял носком ботинка землю и то и дело кидал нетерпеливый взгляд на часы. Рядом с ним стояла спортивная сумка. Видимо, собрался на тренировку. Только чего он ждет?

Встретившись со мной глазами, Никитос нахмурился, но головой кивнул в знак приветствия.

— Привет! — махнул рукой, подходя к нему. — Ты чего тут один сидишь?

— Маму жду, — буркнул пацан, не поворачивая в мою сторону голову.

— А где она?

Зачем мне эта информация была нужна не знал, но что-то во мне протестовало против того, чтобы пройти мимо одиноко сидящего мальчишки.

— Собирается, — бросил в ответ.

Решив больше не приставать к нему, но и не собираясь оставлять его одного, молча сел рядом, в ожидании его матери, которая вот-вот должна была выйти из подъезда. Прошло минут пять, а ее все не было. Никитка начинал нервничать, да и у меня на душе было беспокойно.

Я год наблюдал за этой семьей. Опуская отца-тирана, очень часто повышавшего на жену голос, они были довольно благополучными. По крайней мере, с виду. Конечно, картинка не всегда отражает реальное положение вещей, но у меня не сложилось впечатления, что матери на сына плевать. Она всегда сопровождала его на все тренировки, график которых даже я успел выучить, поскольку начинались они обычно в то время, когда я возвращался с работы.

Меня вообще терзали противоречивые чувства по отношению к этой женщине. То хотелось ее хорошенько встряхнуть и потребовать уйти от этого уroda, пока дело не зашло слишком далеко, то — держаться от нее и ее семейки как можно дальше. Довольно странные мысли, на самом деле, учитывая, что мое знакомство с Ириной ограничивалось вежливыми приветствиями при случайной встрече в подъезде. Да редкой помощью с сумками, если доводилось ее с ними видеть.

Вот с Никиткой я успел даже подружиться, на фоне общей любви к хоккею, конечно. Он тогда также, как и сейчас, ждал свою мать на тренировку. И также, как и сейчас, я не смог пройти мимо. Не только потому, что сидящий в одиночестве вечером на скамейке восьмилетний пацан смотрелся странно и неправильно (по крайней мере в моем видении мира), но и потому, что мне хотелось проверить — все ли с ним в порядке.

На тот момент, я уже месяц слушал крики сверху. Видел их не раз втроем. И их семья все больше напоминала мне мою собственную, а подобного детства, как у меня, врагу не пожелаешь. Поэтому, если был хоть малейший шанс, что его отец распускает руки, я хотел знать об этом и сделать все, что в моих силах, чтобы помочь пацану. Раз уже его мать ничего с этим не делает.

Убедившись тогда, что все в порядке — Никита не вздрагивал от громких звуков, не пытался от меня отодвинуться, если я неожиданно для него поднимал руку или делал резкое движение — успокоился. И вот тогда и решил, что не буду лезть к ним со своими советами. А хотелось. Особенно сильно, когда муж начинал орать на весь дом в два часа ночи.

Точно знал, что Макаровна пару раз вызывала на него ментов, но те лишь приезжали, выписывали ему штраф за нарушение порядка в ночное время, и уезжали. Ни слова о том, что он что-то такое делал со своей женой или сыном, за что его можно было бы упечь за решетку.

Прошло еще пять минут. Никита встал со скамейки, потянулся было за сумкой, потом посмотрел на меня.

— Илья Владимирович, можете последить, а я пока за мамой схожу? — осторожно попросил он, явно ожидая, что злобный мужик ему сейчас откажет.

— Конечно, — кивнул, а потом решил все-таки добавить, — может, мне с тобой сходить?

Пацан нахмурился и посмотрел на меня недоуменно.

— Зачем?

Пожал плечами, решив, что не стоит вдаваться в подробности. Как объяснить ему то, что у меня в душе поселилось противное чувство, что что-то произошло. Что-то нехорошее. Не знаю, отчего.

Дурацкое предчувствие, что за подарками я сегодня так и не схожу, не отпускало. В голове также начинало рождаться подозрение, что и на день рождения бандитов я завтра не попаду. Черт его знает, почему мне так казалось. Но что-то в гробовой тишине моих соседей сверху было неправильным. Хотя, если бы что-то у них происходило дома, Никита бы знал. Не из школы же он в это время пришел с сумкой наперевес, явно вышел из квартиры.

Проводив мрачным взглядом фигуру мальчишки, скрывшегося в дверях, постарался подавить тревогу. И чего меня так волнуют чужие проблемы? Своих что ли мало?

На самом деле, особых проблем у меня в жизни не было. С бизнесом все хорошо. После того, как наш мэр, с подачи бывшей жены Макса, пытался доставить нам неприятности, прошло достаточно времени. Он успокоился, все было тихо. Проверки проходили, как обычно — без лишней нервозности. Семьи, из-за которой я мог бы дергаться, у меня не было. Только Строгановы, но у тех все спокойно. Может, поэтому? Нужны были острые ощущения? Да нет. Мне их с лихвой на службе хватило.

Тряхнув головой, посмотрел на часы. Никита зашел в подъезд минут пять назад. На то, чтобы подняться к себе, зайти в квартиру и выйти, ему нужно было не более десяти минут. При условии, что он будет еле передвигать ногами. Но судя по тому, с какой прытью малой забежал в дом, двигался он довольно быстро. Значит, на все про все ему хватило бы этих пяти минут.

Нахмурился еще сильнее. Чувство тревоги усилилось. Зайти в подъезд помешал звонок от моего прораба, занимавшегося ремонтом дома. С надеждой, что он звонит мне рассказать о закончившихся на участке работах, а не об очередном увеличении расходов на ремонт, ответил на звонок.

— Илья Владимирович, у меня для вас хорошие новости, — донесся из трубки его веселый голос.

— И какие же? — буркнул, не выпуская из виду дверь подъезда. На всякий случай.

— Уже завтра вы сможете въехать в дом, мы закончили на неделю раньше.

— В чем подвох? — в чудеса я не верил с детства. Вчера только был в особняке — весь двор в строительном мусоре, а внутрь даже заходить страшно.

Он сконфуженно помолчал, прокашлялся и, наконец, соизволил ответить:

— Гараж пока не готов, — и спешно добавил, — но дом в полном порядке, можно жить.

Тяжело вздохнув, кивнул сам себе. Боже храни меня от лентяев и идиотов! С этой импровизированной молитвой бросил отрывисто:

— Хорошо. Завтра приеду — посмотрю. Поговорим.

И повесил трубку.

Я прекрасно понимал, зачем звонил Захарыч. Им нужны были бабки. Те, что я заплатил им как залог в начале, они уже давно пропили, вот и звонит, в надежде, что я оценю работу и заплачу остаток. Прикинул, насколько сильно я хочу покинуть злополучную квартиру, решил, что можно немного подождать. Не люблю, когда что-то делается наполовину.

И только я собирался позвонить ему, дабы сообщить о принятом решении, чтобы не тратить завтра на это время, как дверь в подъезд резко распахнулась, ударившись ручкой о стену, и оттуда вылетел взъерошенный мужик. Глаза бешенные, оскал как у злобного пса. Зыркнул на меня и рванул куда-то в сторону проспекта, который проходил рядом с нашим домом.

От неожиданности, и из-за того, что голова была занята совершенно другим, я не сразу осознал, кто это был. А когда до меня дошло, что есть силы рванул в дом. Предчувствие меня не обмануло. Раз уж этот субъект бежал так, словно за ним кто-то гнался, у Ирины и Никиты что-то произошло.

Илья

Пока бежал по ступенькам, костерил себя, на чем свет стоит. За такую халатность, мой командир во время службы с дерьмом бы меня смешал. Раззевался и проворонил придурка. А мог ведь схватить его, была возможность. Ну ничего, до него потом доберусь. А в том, что я это все так не оставлю, был уверен железобетонно.

На лестничной площадке, этажом ниже нужной мне квартиры, столкнулся с Никитой. Малой, не обращая внимания на выглядывающих из квартир соседей, кубарем скатился с лестницы, врезавшись в меня.

— Стоять, — рывкнул, схватив его за плечи.

Мальчишка поднял на меня шальной взгляд. Осмотрел его — по щекам бегут слезы, губы дрожат, на скуле намечается синяк, руки в чем-то красном. Дьявол! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы опознать кровь.

Выругался сквозь зубы и с удвоившейся скоростью двинулся к квартире горе-семьи, таща за собой пацана. Тот не сопротивлялся, лишь то и дело всхлипывал.

Дверь открыта нараспашку. В коридоре темно, но света с площадки хватает, чтобы разобрать силуэт лежащей на полу женщины.

«Так, Моров, спокойно, — мысленно прочитал себе лекцию. — Вдох. Выдох. Мудака убьешь потом. Сначала надо выяснить, что с Иррой.»

Служба научила меня бесстрастно осматривать место происшествия. И сейчас я был ей за это благодарен. Засунув эмоции куда подальше, оставил Никитку стоять за дверью, строго наказав тому не двигаться с места. Дождавшись неуверенного кивка, вошел в квартиру, включив в свет.

— Блять, — тихо выругался, осмотревшись.

Вешалка с верхней одеждой валялась на полу, обувь размазана ровным слоем по нему же. Недалеко от тела Ирины — сломанная клюшка. Окинув это все беглым взглядом, перевел его на лежащую молодую женщину.

Руки раскинуты в стороны, одна нога согнута, лодыжка вывернута под неестественным углом, на лице живого места нет.

Сжал кулаки, выматерился, пытаюсь унять клокочущую ярость. Первые пару секунд, кроме красной пелены перед глазами, ничего не видел. Но все-таки смог взять себя в руки. Мой гнев сейчас никому не поможет. А вот звонок другу очень даже.

Опустившись на корточки, потрогал пульс на шее женщины. С облегчением почувствовал слабое биение. Значит, жива. Слава богу! Другой рукой достал из куртки мобильный, не глядя, разблокировал. Пара нажатий и вот я уже слушаю длинные гудки.

— Давай, Стас, возьми трубку, мать твою, — шептал, распрямляясь и нетерпеливо постукивая ногой. На счастье друга, ответил он после третьего гудка.

— Моров, у меня через пару минут операция, если ты звонишь просто так, то я перезвоню, — услышал вместо приветствия.

— А я стою над телом сильно избитой соседки, ее сын — за дверью, мудака-муж куда-то сбежал, и пульс еле заметен, — парировал я. Старался говорить быстро, как мог, пока тот не повесил трубку.

На другом конце провода сначала повисла тишина, взорвавшаяся через мгновение

отборным матом.

— Прекрати вгонять в краску медсестер, — прервал словоизлияния Стаса, оборачиваясь на дверь, проверяя, не решил ли Никита просунуть в квартиру свою любопытную головку. И не вылезла ли из своей квартиры вездесущая Макаровна. Не дай боже она увидит Иру в таком состоянии — через полчаса весь двор будет об этом знать.

Хотя, если учитывать то количество соседей, которое я встретил, поднимаясь по лестнице, все и так к ночи будут в курсе, что тут произошло. Естественно, каждый рассказчик будет считать своим долгом приукрасить историю, и, в конце концов, она станет похожа на триллер. С мужем-убийцей, сыном-сиротой и бедной жертвой домашнего насилия, которой не суждено увидеть, как ее ребенок окончит школу.

Но пока рядом с дверью никого не наблюдалось. Что меня только радовало.

— Вези сюда, — бросил друг. — Только переноси ее осторожно. Надеюсь, что в твоей машине достаточно места на заднем сидении.

— Не переживай, места хватит, — ответил, снова присаживаясь на корточки для вторичного осмотра пострадавшей. — Судя по ее тяжелому дыханию — сломаны ребра. Нога точно. Да и сотрясение мозга я бы не стал исключать.

— Понял. Вези. Скажешь в приемном покое, что ко мне, я предупрежу, чтобы приготовили палату.

— Спасибо, — прикрыл глаза, радуясь, что у меня есть такие друзья.

— Пока не за что, — хмуро ответила трубка, и Стас отключился.

Убрав телефон в карман, отодвинул с лица Иры прядь светлых волос, запачканных кровью. Молодая женщина дернулась и тихо застонала.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал, надеясь, что не испугаю ее еще больше. — Сейчас поедem в больницу.

— Никита... — сорвалось с ее губ.

Она попыталась открыть глаза, но с трудом смогла разлепить только правый.

— С ним все хорошо, — поспешил успокоить, — стоит за дверью. Сейчас поедem в больницу.

— Спасибо... — выдохнула, вновь закрывая глаза и теряя сознание.

Последнее меня только обрадовало. Нести ее, пока она находится в беспамятстве, будет гораздо проще. Надеюсь, что у нее нет внутреннего кровотечения, и ребра ничего не проткнули, осторожно поднял Иру на руки. Не самый лучший способ переносить человека, но искать в доме что-то из чего можно было соорудить носилки, не было ни времени, ни желания. Да и нести ее, кроме меня, было некому. Никитка мне был в этом деле не помощник.

Пацан, размазывая по щекам слезы, безуспешно пытаясь успокоиться, посмотрел на меня с такой надеждой, что у меня внутри все сжалось — от сочувствия к мальчишке и от желания ему помочь. Сделать что-то, чтобы он больше никогда в своей жизни не увидел свою мать в таком состоянии.

Стараясь не показывать ту бурю чувств, что бурлила во мне, махнул головой, призывая его следовать за мной.

— Поехали в больницу. Там работает мой друг, он поможет твоей маме.

— С ней все будет хорошо? — дрожащим голосом спросил мальчик.

На секунду прикрыл глаза, переводя дыхание. Каждое его слово было словно удар под дых. В голосе мальчонки было столько отчаяния...

— Все будет хорошо, малыш, — сказал, даже не зная, правда это или нет. — Борись, девочка, — склонив голову, прошептал на ухо женщине, которую держал в руках, — ради него — борись.

Надеюсь, что Ира меня услышала, а Никита — нет.

Илья

Пока спускались вниз, как мог грозно зыркал в сторону высовывающих свой любопытный нос соседей. Те, пугаясь моего взгляда, тут же юркали в недра квартир. Лишь одна Макаровна гордо вскинула подбородок, увидя нашу маленькую процессию. В глазах старушки читалось довольство собой — она оказалась права, а ей никто не поверил. Теперь, как она и предсказывала, будем локти кусать от досады и рвать на себе волосы.

Когда бабка открыла рот, чтобы что-то сказать по этому поводу, я не сдержался и зарычал.

— Ни слова.

Недовольно поджав губы, Макаровна злобно зыркнула на меня и тоже скрылась в квартире, захлопнув за собой дверь. Не ожидавший такого громкого звука, Никитка подпрыгнул и чуть не свалился с лестницы, вовремя схватившись за перила.

— Осторожнее, малой, — недовольно посмотрел на него. — Двоих одновременно я не утащу.

— Извините, — робко в ответ.

Мысленно дав себе подзатыльник, постарался послать в его сторону ободряющую улыбку.

— Не вешай нос, сейчас приедем в больницу, маме там помогут.

Мальчик неуверенно кивнул, не поднимая глаз. Когда мы проходили мимо скамейки, у которой осталась его форма, Никита, поморщившись, посмотрел на нее, но даже не дернулся, чтобы забрать.

— Ты чего? — удивился. — Забирай форму, украдут же.

— Она мне не нужна, — махнул головой малец. — Я не буду больше заниматься хоккеем.

— Ишь, чего удумал, — воскликнул недовольно. — Забирай форму. Ключку новую купим. А заниматься ты продолжишь. Возражения не принимаются, — добавил, когда он поднял на меня возмущенный взгляд.

Не знаю — почему, но мне было важно, чтобы он продолжал играть в хоккей. Может, потому, что я видел в нем потенциал. Да, он еще был слишком мал, чтобы стать профессиональным хоккеистом, и да, это было странно, когда чужой дядя приходит на игры соседского пацана, но... Я приходил. Видел, как он играл. И был уверен, что если он продолжит, то его ждет большое будущее.

Какое лично мне до всего этого дело? Хрен его знает. Об этом я не задумывался. Наверное, понимал, что ответ, который я могу получить, не совсем вписывался в мою нынешнюю картину мира.

Не знаю, что в моем взгляде увидел Никита, но недовольно вздохнув, он поплелся за своей формой. Ира все также не приходила в себя. Благо, до машины идти было недалеко.

Моя ласточка, которой не удалось покатать меня с утра, приветливо мигнула фарами, когда Никитка, которому я сказал, где в моей куртке лежат ключи, нажал на брелок. Мальчик открыл заднюю дверь, я аккуратно, стараясь не потревожить больную ногу, и ни обо что не ударить Иру, положил ее на сиденье. Но она все равно слабо застонала. Правда, этот звук был для меня скорее благословением. Раз не молчит, значит — жива, а это сейчас

было самое главное.

Никитос порывался было взгромоздиться на сиденье рядом с матерью, но я вовремя его одернул.

— Куда? Там места нет. Садись спереди.

Машина у меня, конечно, большая, но Ира, хоть и миниатюрная, в лежачем положении заняла все пространство сзади.

— Мне нельзя, — нахмурился пацан. — Тебя могут оштрафовать.

— Ничего, — отмахнулся, помогая ему залезть в машину и пристегивая ремнем безопасности. — Это все ерунда.

Никита прикусил губу и неуверенно кивнул, глаза его то и дело обращались к зеркалу заднего вида.

— Все будет хорошо, — я поймал его взгляд, когда сел рядом на водительское сиденье, предварительно закинув в багажник сумку с хоккейной формой.

Чуть сжав плечо, пытаясь приободрить, дождался слабой улыбки, от которой он тут же поморщился. Синяк с каждой минутой проявлялся все сильнее. От его вида мне еще больше захотелось из-под земли достать папашу и закопать. Да так, чтобы он ни за что не выбрался. Причем, закопать живьем. Это было обязательным условием.

Осторожно тронувшись с места, поехал с черепашкой для меня скоростью. Хотелось втопнуть педаль газа в пол и мчаться к больнице на всех парах, но я не мог рисковать. При достаточно резком торможении Ира могла свалиться с сиденья, а от этого ей сделалось бы только хуже. Может, надо было все-таки позволить Никите сесть рядом с матерью? Положил бы ее голову себе на колени и держал бы, на случай чего.

Но было уже поздно что-либо переигрывать. Останавливаться и терять драгоценные минуты, я не хотел. К тому же, мы почти приехали. Хорошо, что Стас работал в центральной больнице города, а не на окраине.

Потратив еще какое-то время на то, чтобы припарковаться, вытащить Иру из машины и добраться до приемного покоя, я, наконец, сдал молодую женщину под присмотр засуетившейся, стоило ей услышать, что мы от Карпина, медсестры.

Придержал Никитку, который хотел последовать за матерью.

— Пойдем, обработаем твой синяк, — мягко развернул его в противоположную сторону. Насколько я помню, кабинет Стаса находился на втором этаже. Удостоверившись в этом у пробегавшей мимо медсестрички, повел к нему мальчика.

Карпина мы встретили выходящим из кабинета.

— У тебя же должна была быть операция, — поприветствовал друга, хлопнув по плечу.

— Мне сказали, что ты приехал, поэтому, прекрасно зная, что ты не будешь нарезать круги в приемном покое, решил встретить тебя здесь, — хмыкнул Стас. — А операция уже закончилась. Ничего интересного — пара разрезов и дело готово.

Я покачал головой. На моей памяти для Карпина лишь несколько случаев были интересными. Один из них — когда он по кусочкам собирал разбившегося в аварии автомобилиста. Все остальное для него — ерунда, не стоящая его внимания.

— Привет, малой, — поздоровался он с прячущимся у меня за спиной Никиткой.

Нахмурился, тут же разглядев синяк. Покачал головой, кивнул в сторону шкафчика с препаратами первой помощи.

— Для его матери мы освободили сто шестую палату. Я осмотрю ее, вернусь и сообщу — можно ли навестить.

— Хорошо, спасибо, — выдохнул с благодарностью, почувствовав, что узел, сжимавший все мои внутренности последний час, начал расправляться.

Ира в больнице, в надежных руках. Никита тоже под присмотром. Сейчас обработаем его синяк и поговорим. Во-первых, надо бы выяснить, есть ли, где ему переночевать, в больнице он это сделать не сможет, а, во-вторых, мне надо знать, что же все-таки произошло у них в квартире.

Стас молча вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. Я усадил оглядывающегося вокруг себя мальчика на стул, достал из аптечки мазь от ушибов и синяков, обезболивающие таблетки, налил воды в стакан. Сунул ему в руки, Никита молча выпил. Пока я обрабатывал синяк, он не проронил ни звука, лишь пару раз вздрогнул.

Закончив, сел напротив мальчугана, подтянув к себе стул.

— Когда я смогу увидеть маму? — тихо спросил он, не встречаясь со мной взглядом.

— Когда доктор ее осмотрит, — терпеливо повторил слова Стаса, прекрасно понимая, что Никита мог не прислушиваться к нашему с Карпиным разговору.

Мальчик сидел, опустив голову, теребя в руках телефон. Судя по судорожным вздохам, ему с трудом удавалось держать себя в руках. Стиснул зубы, понимая, что мне придется все-таки задать ему такие неприятные вопросы. К тому же, после того, как Ира придет в себя, и если удастся уговорить ее подать заявление, Никите придется повторить это еще раз. Но это будет позже. Если вообще будет. Неизвестно, с какими мыслями очнется женщина. Может, она вообще захочет обо всем забыть и вернуться к мужу.

Мысль эта оставила после себя неприятный привкус во рту, словно я съел что-то испорченное. Скривившись, взял телефон из рук мальчика, положил его на стол рядом.

— Ник, расскажи, что произошло сегодня вечером? — спросил настолько тихо, насколько мог, пытаясь поймать его взгляд, который он продолжал упорно отводить.

Посмотрев в окно, Никита несколько раз глубоко вздохнул и, наконец, встретился со мной взглядом.

— Мы собирались на тренировку, когда они начали ругаться. Я стоял и слушал в коридоре. Потом мама вышла из большой комнаты, сказала мне спускаться вниз, а она потом догонит.

Малой замолчал, видимо, проигрывая в голове вечер, виня себя, что ушел из квартиры, оставив мать наедине с монстром. Конечно, я не мог знать этого наверняка, но на его месте вел бы себя именно так.

— Когда поднялся обратно, — продолжил он через некоторое время, — дверь была открыта, а он... — паренек судорожно вздохнул, а я осторожно сжал его пальцы, безмолвно говоря, что в подробностях не нуждаюсь. И без слов понятно, что, когда Никита подошел к квартире, этот мудака уже избивал Иру. — Я крикнул ему остановиться, но он все продолжал... — с каждым словом голос мальчика становился все тише. Перестать бы его мучить, но мне нужна полная картина, чтобы понимать, как действовать в дальнейшем. Если моя помощь вообще понадобится. — Потом я схватил клюшку, которая стояла у двери и... ударил его по спине.

Никитка вопросительно на меня посмотрел, словно спрашивал — правильно ли он поступил? Я поспешил ответить.

— Ты сделал все правильно. Не переживай.

Он дернул головой, посмотрел на мигающий телефон. Звук у мобильного был выключен, но он продолжал звонить практически не переставая. На экране светилось имя

звонящего, точнее, его должность — «Тренер».

— Забудь, — вновь перетянул его внимание на себя. — Я потом с ним поговорю.

Никита снова кивнул.

— Когда клюшка сломалась, он резко развернулся и ударил меня, — рука мальчика дернулась, словно он хотел потрогать место удара, но передумал. — Когда он снова занес кулак, хлопнула дверь этажом выше, и... он убежал.

На глаза мальчишки навернулись слезы, он всхлипнул, отвернулся, пряча мордашку, чтобы я ничего не видел. Уверен — ему с детства вбивали в голову чушь про то, что мужчины не плачут.

Еще как плачут, черт возьми! Особенно, если что-то дорогое и важное для тебя ломается. И я сейчас не про вещи.

Телефон снова засветился. Нахмурившись, я поднялся со стула, схватил мобильный. Если этот тренер хоть чем-то похож на того, что был у меня, то он не успокоится, продолжит звонить, пока ему не ответят.

— Как зовут тренера?

— Валерий Аркадьевич.

Ткнув пальцем в стакан с водой, приказал ему еще выпить, а сам вышел из кабинета.

— Соколов! — рывкнула трубка, стоило мне принять звонок, я даже к уху поднести не успел. — Где тебя черти носят, еб... — сдержавшись, тренер грозно замолчал.

Я же хмыкнул. Как в старые добрые времена. Все тренера одинаковые — скоры на расправу и несдержанны на язык.

— Здравствуйте, Валерий Аркадьевич, — поприветствовал мужчину.

— Ты кто, бля? — со мной он уже не сдерживался.

Вопреки всему, что сегодня происходило, мои губы растянулись в широкой улыбке. Как же это все знакомо.

— Друг семьи, — не стал вдаваться в подробности

Главным образом потому, что и сам понятия не имел, кем я для них являюсь. Просто соседом, добрым самаритянином, я себя не считал. Но и до какого-то конкретного статуса — друг, сват, брат — я тоже не дорос.

— Тогда скажи мне, друг семьи, — ехидно протянул Аркадьич, — где шляется Соколов, вместо того, чтобы присутствовать на тренировке?

— Его мать попала в больницу. Сегодняшнюю тренировку он пропустит. На следующей обязательно будет.

В трубке повисло молчание.

— Хорошо, — уже гораздо более спокойным и серьезным голосом сказал тренер. — Если что-то понадобится — звоните.

Хотел было буркнуть, что сами справимся, но не стал. Никогда не знаешь, когда может понадобиться помощь того или иного человека.

— Спасибо, — сказал вместо этого.

— Я надеюсь, что она оказалась в больнице не из-за мужа, — неожиданно для меня, да и, наверное, для него самого, заявил Валерий Аркадьевич, когда я уже собирался повесить трубку.

— Почему? — брови взлетели вверх от удивления.

Я только начал проникаться уважением к этому человеку. Не говорите мне, что он дружит с этим отбросом человечества.

— Боюсь не сдержаться, — прорычал сквозь зубы тренер. — А если я сяду в тюрьму за нападение, то некому будет тренировать ребят. Мне еще из них звезд КХЛ, как минимум, сделать надо.

— Занимайтесь ребятами, Валерий Аркадьевич, — ответил весело, — а с ее мужем я разберусь.

«Если Ира захочет», добавил мысленно.

Из трубки донеслось довольное кряканье.

— Отлично, — я прямо-таки видел, как он потирает руки. — Никитка — хороший пацан, и ему нужен перед глазами пример настоящего мужика, — мне показалось, или в его голосе был слышен намек?

Отбросив ненужную в данный момент мысль, постарался побыстрее свернуть разговор — на другом конце коридора увидел хмурого Стаса. Судя по его виду, новости у него для меня были не самые радужные.

В груди что-то екнуло. Последний раз я так переживал за другое человеческое существо, когда Кирюха заболел воспалением легких. Да так сильно, что пришлось везти в больницу. Мы тогда по очереди дежурили у его кровати — я, Оксана и Макс — пока врачам не надоело смотреть на наши рожи, и нас с Максом не выставили вон, сказав возвращаться утром и разрешив остаться только одному из родителей.

Положив телефон во внешний карман куртки, молча воззрился на Карпина.

— Ты был прав — у нее легкое сотрясение, — без предисловий начал друг, стоило ему подойти поближе. — Также сломаны два ребра и правая нога. Как получилось последнее — не очень уверен. Ребра точно сломались от сильного удара. Множественные гематомы. Такое ощущение, что он ее ногами бил, — покачал головой Стас, глядя куда-то мимо меня. — Но не все свежие, кстати, — добавил, словно только что вспомнил. — На руках синякам дней пять — не меньше.

— Все? — рыкнул, когда он замолчал.

Карпин кивнул и открыл дверь в кабинет.

— Пойдем, пацан, отведу тебя к матери. Можешь посидеть с ней некоторое время, но учти, что она спит, и долго навещать ее я не дам. Ей нужен покой, да и тебе поспать не мешает.

Сквозь туман перед глазами, смотрел, как Стас ведет Никиту мимо меня. Парень бросил на меня затравленный взгляд, но увидев мой кивок, последовал за доктором. Я же снова и снова проигрывал в голове сказанное другом. В голове не укладывалось, что кто-то может сотворить такое с незащитной женщиной. Неожиданно вспомнил, как выглядела Ира, когда я видел ее вчера вечером.

Маленькая, мне еле до плеча достает, несла в руках три тяжелых пакета (вполне успешно изображала из себя ломовую лошадь, как и многие женщины в нашей стране). Светлые волосы то и дело лезли в лицо от ветра. Она недовольно морщилась и пыталась их сдуть. Не получалось, отчего молодая женщина злилась все сильнее.

Улыбнувшись, подошел к ней, предложил помочь с сумками. По глазам было видно, что она собирается отказаться, но один из пакетов выбрал именно этот момент, чтобы порваться. На землю высыпались картошка, какие-то крупы и яблоки.

Чертыхнувшись, Ира бросилась это все поднимать, а я изо всех сил пытался помочь. Но, наверное, больше мешал.

Кое-как мы собрали все в кучу. Не слушая возражений, взял порванный пакет, два

оставшихся тоже захватил, и жестом предложил ей следовать за мной. Не обменявшись ни словом, мы поднялись на ее этаж. Я хотел занести пакеты в квартиру, но мне не дали.

Вяло улыбнувшись, Ира тихо попросила оставить пакеты у двери. Сказала, что сама занесет. Недоуменно пожав плечами, оставил ношу у дверей и, попрощавшись, спустился на свой этаж. Звук открывающейся двери я услышал только, когда уже подходил к своей.

Только сейчас я начал осознавать, что она могла все это время ждать, пока я не скроюсь из вида, чтобы открыть дверь. Но почему? Хотя, что за глупый вопрос. К гадалке не ходи, под дверью ждал мудака-муж. И если бы он увидел рядом с женой чужого мужика — скандала было бы не избежать. А, может, он и увидел?

Мысль, что все произошедшее могло быть следствием моей помощи Ире по доставке пакетов до двери квартиры, заставила вздрогнуть. Надеюсь, что это не так. Иначе чувство вины, терзавшее меня с того момента, как я увидел Ирину, лежащую на полу в прихожей, вырастет до невообразимых размеров.

Если бы я поднялся вместе с Никитой. Если бы раньше чухнулся и попытался выяснить, что происходит, а не ждал полчаса у подъезда... Чувствовал же, что что-то не так! И мне не надо было зевать, а стоило поймать этого ублюдка, когда он пробежал мимо меня.

Проведя рукой по лицу, постарался взять себя в руки. История не терпит сослагательного наклонения. Что было, то было. Терзать себя сейчас этим — глупая трата времени. В данный момент передо мной стоит более важная задача — пристроить Никиту на ночь к родне. Надеюсь, что она у него есть.

Илья

Нужную палату нашел довольно быстро, она была этажом выше кабинета Стаса. Первое, что мне бросилось в глаза, когда я вошел внутрь — сгорбившийся Никита, сидящий у постели матери, обмотанной всевозможными проводами и трубками. Она на их фоне казалась еще более хрупкой, чем была на самом деле.

Высокие потолок и окна давали достаточно света, от которого неестественная бледность женщины выглядела практически потусторонней. Если бы не тихое пиканье приборов, возвещавшее о том, что пациент, подключенный к ним, жив, подумал бы, что на кровати лежит труп.

Карпин стоял рядом с мальчиком, что-то тихо ему объясняя. Мужчина обернулся на звук открывшейся двери, отошел от Никиты, увидев меня.

— Я бы порекомендовал полежать ей минимум неделю, а лучше — две. Хочу посмотреть, как будут срастаться кости, — сказал, подходя.

— Хорошо, — согласился с другом, словно у меня было право решать за эту женщину и ее сына.

— Пацану есть, где жить? — махнул он головой в сторону мальчишки.

— Сейчас узнаем, — буркнул в ответ.

— Оставлю вас вдвоем.

Когда за другом закрылась дверь, тишина в палате стала оглушающей. Я молча стоял и смотрел на мальчика и его маму, не зная, как себя повести. Пока шел сюда, думал, что сказать, как начать разговор. Но стоило нам остаться одним, все нужные слова вылетели из головы.

Вид практически обездвиженной Иры ничего, кроме злобы, грозящей захлестнуть все мое существо, не вызывал. Хоккей, а затем и служба, научили меня сдерживать свои эмоции. Сначала думать, а потом действовать. Взвешивать каждое свое решение.

Это Макс у нас был человеком действия, порывистым, предпочитавшим не распылать драгоценные минуты на ненужные, по его мнению, раздумья. Я же старался поступать наоборот. Может, именно поэтому мы были такими хорошими друзьями и партнерами по бизнесу. Дополняли друг друга. Там, где я слишком долго думал, он брал быка за рога (как говорит Оксана), а там, где он через чур спешил, я его тормозил.

В случае же с Ирой вся моя хваленая выдержка вылетела в трубу. Черт его знает, почему я так остро отреагировал на эту ситуацию. Наверное, из-за того, что все было слишком похоже на то, что происходило со мной в детстве.

Да, мой отец никогда не поднимал руку на мать, предпочитая изливаться злобу только на меня. Но, видимо, именно похожесть наших семей — наличие тирана-папаша, использовавшего своих родных в качестве груши для битья — была тем фактором, из-за которого я воспринял все так близко к сердцу.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и то, что Ира с Никитой мне нравились. Пацан был чем-то напоминал меня в его возрасте, а Ира... Иру я желал, чего уж скрывать. Она казалась мне каким-то неземным существом. Загадочной феей, которую хотелось приручить. Макс вот считал свою жену волшебницей, мне же досталась фея.

Никогда бы не вмешался в семью, будь она нормальной, но в данном случае... Можно и

попробовать. Вот только хрен его поймешь, как женщина отреагирует на мои попытки с ней сблизиться, когда придет в себя после всего случившегося. Да и надо ли ей это будет? И мне?

Все-таки излишним терпением я не отличался. Стоило мне принять решение, я, как правило, шел напролом. Но здесь было так нельзя. Отношения с женщиной, пережившей домашнее насилие, это ходьба по минному полю — никогда не знаешь, какой шаг может стать последним, как для меня, так и для нее.

Помня себя мелким, мог себе представить, что пройдет немало времени, когда она перестанет напрягаться, находясь рядом с мужчиной, и ожидать, что от любого неосторожного слова он выйдет из себя и вновь отправит ее на больничную койку. И вот чего во мне точно было маловато, так это чуткости и деликатности. Со Строгановой что ли поговорить? Попросить совета...

Пока я размышлял, Никита выпрямился, осторожно сжал руку матери, словно боялся ей еще больше навредить, повернувшись ко мне боком, тяжело вздохнул. Не представляя, как нормально начать разговор, решил не сюсюкаться с ним, а общаться, как с настоящим мужиком (кем он, по сути, уже и был, не каждый решится замахнуться на мужика, в два раза выше и сильнее его самого, который еще и являлся твоим отцом).

— Тебе есть, где ночевать?

В гробовой тишине мой голос прозвучал, словно удар грома. Никита вздрогнул и резко повернулся, чуть не свалившись со стула. Инстинктивно подобрался, ожидая чего-то плохого, но тут же расслабился, когда понял, что кроме нас троих никого больше в палате нет. Посмотрев на меня исподлобья, отрицательно мотнул головой, упрямо сжав губы.

— Я останусь с мамой.

— Тут ей ничего не угрожает, Стас проследит, — возразил, присаживаясь рядом с ним на корточки. На Иру старался не смотреть, потому что каждый брошенный в ее сторону взгляд, усиливал мое желание из-под земли достать этого сукиного сына и укокошить. — И ты слышал, что сказал доктор, ночевать с ней нельзя.

Парень пожал плечами, ничего не говоря. Он явно принял решение, и выдворить его из палаты без боя не удастся.

— Бабушки, дедушки, тети, дяди есть? — отвлек его внимание на себя, пытаюсь выяснить, есть ли хоть кто-нибудь адекватный в его жизни.

При всем моем влечении к Ире, пока я не смогу с ней поговорить и выяснить реальные причины, по которым она продолжала оставаться с этим подонком, не смотря на то, что он вытворял, я не мог и ее причислить к категории адекватных. Она вполне могла оказаться такой же, как и моя мамаша — люблю, не могу, а на остальное насрать. Бьет, значит, любит, и прочая поебень.

Сердце подсказывало, что Ира не из тех женщин, кто будет терпеть подобное отношение, без веской на то причины. Но чужая душа — потемки, а я в детстве уже один раз обжегся (и сильно), когда думал, что если расскажу обо всем матери, то она мне поможет. В ответ лишь получил совет не размазывать сопли и терпеть.

До сих пор в ушах звучат ее слова о том, что, если отец считает нужным меня наказывать, значит, я это заслужил. Теперь я редко доверяю тому, что советует мне эта мышца. Поступаю с ней, как с женщиной — послушай и сделай наоборот.

подавив очередной приступ злости, посмотрел на хмурого ребенка.

— Так, как?

— Никого у нас нет, — огрызнулся тот. — Поэтому я останусь здесь.

— Тогда переночуешь у меня, — решил я.

Снова отказываясь прислушиваться к голосу разума, твердившего мне, что это все — не мое дело; напомнившего, что скоро закроются магазины, а я так и не купил подарки крестникам; и предложившего махнуть на все рукой и оставить пацана на персонал больницы, и пусть они думают, где ему сегодня ночевать. Глядишь, разрешат остаться с матерью. Из жалости.

Но что-то внутри меня противилось этому. Не давало так поступить с мальчишкой. Даже всерьез размышлять над этим вариантом не стал. Вместо этого, выпрямился во весь рост, положил руку ему на плечо, крепко сжал (достаточно сильно, чтобы он поднял голову и посмотрел на меня, но недостаточно, чтобы причинить боль).

— Я дам тебе еще пару минут, подожду за дверью, а потом поедem ко мне. Надо выспаться.

По глазам видел, что Никита хочет возразить, но в какой-то момент в нем как будто что-то надломилось. Все упрямство выветрилось без следа, осталась лишь какая-то обреченность.

— Хорошо, — ответил он тихо и повернулся к матери, закрывая ее своим телом, как щитом. Маленьким, не способным укрыть от всех опасностей мира, но все же щитом.

В груди сдавило от мысли, что никакой ребенок не должен переживать подобное в его возрасте (да ни в каком, раз уж на то пошло). Оставив мальчонку нести пост у постели мамы, стремительно вышел из палаты, постаравшись как можно тише закрыть за собой дверь, дабы не нарушать хрупкий, и довольно странный, учитывая обстоятельства, покой, воцарившийся в помещении.

Илья

На следующее утро мы с Никитой встали ни свет, ни заря. И это при том, что легли хрен знает во сколько. После больницы пришлось-таки устроить рейд по закрывающимся магазинам, потом надо было накормить пацана, устроить место для ночлега. В итоге утомонились мы лишь к часу ночи. И оба не смогли сразу заснуть, если судить по тихим всхлипам, доносившимся до меня из гостиной.

Проснувшись, не сразу осознал, что помимо меня в квартире есть кто-то еще, а именно — восьмилетний пацан, мать которого вчера загремела в больницу. Да и тишина в квартире наверху удивляла. Когда же до меня дошло, что эти два события связаны, выругался сквозь зубы.

Кинул взгляд на часы — семь часов утра. Несусветная рань. Но вновь заснуть у меня точно не получится. Тихо встал, выглянул из комнаты. Никита лежал на спине и пялился на потолок.

— Доброе утро, — поздоровался.

Мальчонка подпрыгнул на кровати от неожиданности. Да, парень, обычно я не умею тихо разговаривать. Привыкай.

— Доброе утро, — услышал в ответ.

— Раз уж ты не спишь, поднимайся. Будем собираться, съездим в больницу, — сказал по пути в ванную.

— А что потом? — донеслось в спину.

— Потом поедем на день рождения, — хмыкнул, скрываясь в санузле.

Решение взять Никиту с собой к Строгановым пришло только что, и являлось для меня такой же неожиданностью, как и для него. Но не оставлять же парня одного в больнице на весь день. Неизвестно — пришла ли в себя Ира, а бросить его я не мог. Чувствовал странную ответственность за ребенка. Нетипичную для меня по отношению к незнакомым детям.

С другой стороны, Никитоса с трудом можно было назвать незнакомцем. Учитывая не только то, что я весь вечер вчера с ним провозился, но и то, что, ощущая какую-то связь с мальчишкой, я ходил практически на все его домашние матчи по хоккею.

Посмотрел на свое отражение в зеркале — хмурый, бородатый, невыспавшийся дядька.

— Походу, Моров, ты влип в эту семейку по уши. И никуда тебе теперь от них не деться, — сообщил сам себе, проводя руками по лицу.

Оставалось надеяться, что после разговора с Ирой, я не разочаруюсь в женщине. Что она не перестанет быть для меня загадочной феей, которую надо спасти от злого волшебника. И не превратится в злобную ведьму, не стоящую не только усилий, уже потраченных на нее, но и даже малейшей мысли.

Ирина

Я медленно приходила в себя. Поначалу ничего, кроме тихого разговора двух людей и писка каких-то машин над ухом, не слышала. Даже слов толком разобрать не могла. Только отрывки, не складывающиеся в единую картину.

— ...сломана... две недели... может, повезет...

— ...не знаю... придется... поживет пока у меня...

Ничего не понимаю. Кто поживет? Какие две недели? О ком вообще речь?

Спустя какое-то время почувствовала чье-то легкое пожатие. Постаралась открыть глаза. Яркий свет, заливавший комнату, ослепил. Я застонала и хотела было поднять руку, чтобы прикрыть их, защититься от солнца или чего-то еще, слепившего меня, но поняла, что не могу — что-то мешало. В руке была игла. Странно.

Голоса стихли. Пожатие усилилось. А затем раздался такой знакомый, родной голосок.
— Мама?

Никитка. Сынок. С этой мыслью вернулись воспоминания. Болезненные. Страшные. Но «благодаря» им мне удалось-таки открыть глаза. Свет уже не казался таким ужасным. По сравнению с тем, что мне довелось вчера пережить, он был сущей ерундой.

Осторожно повернула голову, пытаюсь осмотреться. Судя по окружающей обстановке, я находилась в больничной палате. Кроме моей, иных кроватей в ней не было. Из чего мой мозг сделал единственно верный вывод — палата одиночная.

У двери стояли двое мужчин. Один — высокий, хорошо сложенный, в белом халате. Видимо, доктор. Второй — настоящий шкаф. Под два метра ростом, короткие темные волосы, широкие плечи, мощная шея; спортивная фигура, облаченная в футболку и джинсы; и зеленые глаза, которые пристально меня изучали.

Мужчина смотрел с легким прищуром, словно ждал от меня какого-то подвоха. Но что я могла в таком состоянии? Я и рукой-то пошевелила с трудом, что уж говорить про что-то более серьезное.

Почему-то самой яркой деталью его внешности мне показалась борода. Смешно. Но именно на нее я поначалу обратила внимание, а потом и на все остальное. А еще мне казалось, что я его уже где-то видела.

Спустя минуту напряженных размышлений, осознала — сосед с низу. Не раз помогавший мне с сумками, если мы сталкивались у парадной. А еще... мне кажется, что я видела его на нескольких магчах Ника в толпе. Хотя быть точно уверенной в этом я не могла. Не присматривалась.

Никита с тревогой смотрел на меня, неуверенно улыбнулся, когда я встретилась с ним взглядом. Попыталась улыбнуться в ответ. Было больно, но терпимо.

— Доброе утро, — очаровательно улыбнулся врач и подошел к моей кровати (здоровяк так и остался стоять у двери). — Меня зовут Станислав Карпин. Благодаря этому медведю, — кивнул головой в сторону второго мужчины, — я — ваш лечащий врач.

— Доброе, — прохрипела в ответ, недоуменно глядя на соседа. Благодаря? Что это значит?

Сын подскочил, услышав мой голос, и схватил стакан с водой, стоящий на тумбочке рядом. Благодарно вздохнула, сделав пару глотков. Ощущение, будто в глотку песка насыпали, прошло.

Видимо заметив мое непонимание ситуации, Станислав поспешил добавить:

— Илья доставил вас к нам вчера вечером.

— Спасибо, — прошептала, посмотрев на бородача.

Тот коротко кивнул, по-прежнему не двигаясь с места.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Карпин, что-то проверяя на пиликающих приборах.

Прислушавшись к своему телу, постаралась ответить как можно подробнее. По опыту знала — чем больше информации я сообщу, тем больше получу в ответ.

— Ноет правая нога, болят ребра, лицо... и голова. Хочется есть, — добавила, слабо

улыбнувшись.

Станислав коротко хохотнул, присаживаясь на стул рядом с Никитой, не сводившим с меня глаз.

— Я распоряжусь, и вам принесут поесть в ближайшее время. Что касается остального, — улыбка пропала, будто ее и не было, — у вас сломаны два ребра, а также лодыжка. Без смещения, что определенно хорошо, но приятного все равно мало.

Моргнула, соглашаясь. Но учитывая то, с какой силой она меня бил (даже в мыслях не хотела называть по имени), удивительно, что сломаны только два ребра. А не все двенадцать пар.

— Присутствует еще легкое сотрясение, — продолжал тем временем говорить Карпин. — И множественные гематомы. Внутренние органы не повреждены, так что недели через две я вас выпишу. И то только потому, что хочу подольше понаблюдать, как будут срастаться кости. Сдается мне, что, если выпишу раньше — вы будете скакать, как лань, стоит вам только выйти из больницы, — мужчина очаровательно улыбнулся.

Вот только я ответить на улыбку не смогла. Две недели? Ужас! Как же Никита? За ним кто-то должен все это время присматривать, он должен чем-то питаться. В конце концов, его кто-то должен водить на занятия.

И я точно знала, что доверить все это моя не могла. Я вообще не хотела больше иметь никаких дел с этим человеком, хотя прекрасно понимала, что мне придется рано или поздно с ним встретиться. Надеюсь только, что он не знает, где я сейчас нахожусь.

— Но... как же... — пробормотала, пытаюсь облечь мои мысли в слова.

Слишком много вопросов роилось в голове. От их обилия она начала болеть еще сильнее. Впечатление было такое, будто кто-то изнутри бил по моей черепной коробке множеством маленьких молоточков.

— Стас, — позвал Карпина мужчина у двери, открыв, наконец, рот. Впервые за последние несколько минут.

— Я оставлю вас, — сказал неожиданно для меня мой врач и торопливо вышел из палаты.

Что за...?

Вопросительно посмотрела на... Илью? Правильно запомнила? Уверенности не было, но спросить не решалась. Почему-то наедине с этим мужчиной меня обуяла дикая робость. Не хотелось выглядеть перед ним идиоткой, не способной запомнить имя человека, спасшего ее и доставившего в больницу. Да еще и оставившего на попечение, судя по всему, своего друга.

— Здравствуйте, Ирина, — громыхнул он, садясь на стул, занимаемый ранее Карпиным.

— Здравствуйте, — пискнула в ответ. Ну и голос у него! Как гром, не иначе.

— Никит, — повернулся он к моему сыну, — можно я поговорю с твоей мамой наедине?

— Хорошо, дядя Илья, — легко согласился тот, чем привел меня в еще большее замешательство.

Что я пропустила? Складывалось впечатление, что я смотрю фильм, не зная сюжета и даже названия. Причем, смотрю его с середины, а герои изъясняются на неизвестном мне языке.

Ирина

«Дядя Илья» дождался, пока Ник выйдет из палаты и вновь посмотрел на меня с тем же подозрительным прищуром, который я увидела, когда открыла глаза.

— Ирин, — опять громыхнул он, — давайте сначала я скажу, а потом вы будете задавать мне вопросы, — к окончанию фразы Илья говорил уже тише. Или это я привыкла к его манере речи.

По идее, громкие и неожиданные звуки должны были меня пугать. Но вот только... почему-то не пугали. Почему-то этот здоровяк меня в принципе не пугал. Хотя, при желании, он мог бы отделать меня похлеще. Сил точно на это хватит.

Сумбур в чувствах и ощущениях решила отложить на потом. Сейчас я точно плохо соображаю. Да и есть дела поважнее.

— Вчера вечером, — начал свой рассказ мужчина, — я встретил вашего сына у дома. Он сидел на лавочке с хоккейной сумкой и ждал, пока вы спуститесь, чтобы отвезти его на тренировку. Когда вы не пришли через пять минут, он решил подняться к вам. Еще через некоторое время, из дома выбежал ваш муж...

— Он мне не муж, — резко прервала речь Ильи, отчего-то возмущенная его предположением, что это чудовище могло быть моим мужем.

— Хорошо, — невозмутимо кивнул он, хотя я успела заметить его удивление. — Ваш сожитель, — подобрал он подходящее слово, — выбежал из подъезда. Я не сразу понял, что это он, но затем решил также подняться и посмотреть, где Никита.

— Зачем? — нахмурилась.

Пока что мне не очень удавалось уложить в голове тот факт, что практически незнакомый нам мужчина решил влезть в чужие семейные разборки.

— Он оставил внизу свою сумку, — пояснил Илья. — Поднявшись, я столкнулся с бегущим вниз Никитой. Он был напуган, — на мои глаза навернулись слезы, бедный мой мальчик. Не представляю, как на нем отразилось вчерашнее. Надо бы, наверное, сводить его к психологу. Потом, когда мне станет лучше, и меня выпишут из больницы. — Когда мы подошли к вашей квартире, сквозь распахнутую дверь я увидел вас, лежащую на полу. Сильно избитую. Поскольку мой друг работает хирургом в больнице, я решил отвезти вас к нему. Пока вы находились тут, Никита ночевал у меня.

Здоровяк замолчал, изложив основные факты и предоставляя мне возможность осознать случившееся. Что же... надо бы сказать ему спасибо. Зачем ему это надо — непонятно, но я была благодарна, что он смог позаботиться о Никите. Да и обо мне тоже.

— Мне нужно знать, — осторожно продолжил он, — вы собираетесь писать заявление?

В голосе мужчины слышалось недовольство. Словно он уже заранее решил, каким будет мой ответ, и он ему не нравился. Прекрасно понимая, что именно он предполагал, я решительно помотала головой, отрицая саму возможность возвращения к нему. Илья нахмурился, неправильно истолковав мой жест, и уже открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но я его прервала.

— Да, — заявила, посмотрев на него настолько твердо, насколько могла. Мой ответ его удивил, но на лице Ильи мелькнуло удовлетворение. А мне стало отчего-то радостно, что я его не разочаровала. — Он ударил моего сына. Я заметила синяк. Одного этого мне

достаточно для того, чтобы хотеть от него избавиться. Что уж говорить про мое состояние...

— Отлично. Тогда я приведу завтра знакомого полицейского, составим протокол. Я прослежу, чтобы его нашли и засадили за решетку.

— У вас и знакомые юрист и киллер, наверное, есть, — вспомнила старую шутку про подобных друзей.

Илья недоуменно сдвинул брови, а потом, усмехнувшись, покачал головой.

— Юрист есть, а вот с киллером пока не довелось подружиться.

Я улыбнулась, довольная тем, что он меня понял и поддержал мою неуклюжую попытку пошутить.

— Тогда с вами полезно водить знакомство.

— Очень, — в зеленых глазах блеснул озорной огонек.

— Простите, — я, вдруг, осознала, что кроме имени и того, что он — мой сосед снизу, ничего про него не знаю, и решила начать с фамилии, — а как вас зовут?

— Моров Илья Владимирович, — представился мужчина. — У меня еще к вам пара вопросов, — поспешил добавить.

— Давайте на «ты», Илья Владимирович? — предложила.

Было довольно странно обращаться друг к другу так холодно и отчужденно, после подобного.

— Хорошо, — улыбнулся Илья. Какая очаровательная у него улыбка, широкая, заразительная, он даже моложе казался, когда улыбался. Хотя и так был не слишком старым. Лет тридцать пять-тридцать семь.

— Какие еще у тебя вопросы? — подтолкнула, потому что Моров неожиданно замолчал.

— Я так понял, что кроме тебя у Никиты никого нет?

— Все верно, — подтвердила, а сердце сжалось от застарелой боли.

Родители погибли в автокатастрофе несколько лет назад, а я до сих пор не могла привыкнуть к тому, что больше никогда не смогу поговорить с мамой. Услышать, как она ворчит, сетуя на беспокойного отца, в очередной раз решившего отправиться исследовать необъятные просторы нашей родины. Или поговорить с папой, спросить у него совета.

С отцом же Никитки мы не поддерживали отношения. Он знал о том, что у него был сын, но не более того. Он оказался просто донором спермы, сбежавшим от меня, как только я объявила о своей беременности. А ведь обещал золотые горы, твердил о вечной любви...

— Тогда у меня предложение, — выдернул меня из воспоминаний голос Морова.

— Какое?

— Пусть Никита поживет пока у меня.

От неожиданности, широко раскрыла рот от удивления.

— Почему? — смогла выговорить спустя некоторое время. — Зачем тебе это?

Мужчина неловко передернул широкими плечами. Перевел задумчивый взгляд на окно. Помолчал некоторое время, видимо, собираясь с мыслями.

— Затем, что я не могу просто так бросить его на произвол судьбы, пока ты лежишь в больнице, — Илья говорил медленно, подбирая слова и не отрывая взгляда от окна. Я даже повернулась в ту же сторону, посмотреть — вдруг, там происходит что-то интересное, или ему кто-то подсказывает, что именно говорить.

Последняя мысль вызвала улыбку. Учítывая то, что мы находились не на первом этаже, а из окна ничего, кроме деревьев не рассмотреть, если бы Морову и правда кто-то подсказывал, ему приходилось бы сидеть на ближайшей ветке с табличками. Представив

подобную картину, тихо рассмеялась.

Илья недоуменно на меня посмотрел, не понимая причины моего веселья. Я покачала головой. Если бы и хотела, объяснить я бы этого не смогла. Даже для меня мои мысли были очень странными. Особенно, если учитывать то, что незнакомый мне мужчина в этот момент предлагал позаботиться о моем сыне, пока я прохлаждалась в больнице со сломанными ребрами и лодыжкой из-за собственной глупости и неспособности вовремя уйти от человека, поднимавшего на меня руку.

В свою защиту могу сказать, что ничего подобного до вчерашнего вечера не было. Иногда он через чур сильно сжимал руку. Пару раз давал пощечины. Но каждый раз извинялся, говорил, что такое больше не повторится. И что я сама во всем виновата. А я... я почему-то ему верила. Верила и сносила все с покорностью.

Сейчас же готова была волосы на себе рвать, что вела себя, как последняя идиотка. Подобное поведение для меня было совершенно не свойственно. Но после смерти родителей я долгое время, не смотря на наличие у меня Никиты, находилась в каком-то трансе.

Заботилась о сыне, о себе, работала. Но делала все механически. Не жила — существовала. Аемуудалось вытащить меня из этого состояния. И я была ему безмерно благодарна поначалу. И эта благодарность отключила мой разум, чувство самосохранения. Да и здравый смысл, говоря откровенно.

И вот я словно очнулась ото сна. Кошмара, в котором жила последние несколько лет. И определенно не хотела в него возвращаться. Жаль, что мне понадобилась подобная встряска, чтобы прийти в себя. Чтобы сказали на это мои родители?

— Ир, — позвал меня Моров.

Чуть громче, чем следовало, отчего я подпрыгнула на кровати, от неожиданности. Точнее, попыталась. Сделать это было сложно, учитывая то, что меня опутывали провода и трубочки.

Мужчина чертыхнулся и виновато на меня посмотрел.

— Прости, не хотел тебя пугать.

— Ничего страшного, — поспешила успокоить, — просто задумалась.

— Так что ты скажешь?

— Насчет твоего предложения?

— Да.

Что я скажу? Не знаю. Наверное, мне не стоит соглашаться. Да нет. Мнеточноне стоит соглашаться. Доверять незнакомцу сына — неправильно. Так настоящие и нормальные матери, к числу которых я себя причисляла до вчерашнего дня, не поступают. Но... выбора-то у меня особо не было.

Ночевать вместе со мной в больнице ребенку не дадут. Жить один в квартире он тоже не сможет. И не только потому, что вездесущие старушки нашего подъезда обязательно нажалуются в полицию. Но еще и из-за большого риска — он может вернуться в квартиру, ключи есть. И неизвестно, что он сделает с Никитой, когда застанет его там одного. И если с моим ребенком что-то случится, я не переживу.

Но могу ли я довериться Илье? Я ведь совсем не знаю Морова. Какой он человек? На что он способен? Сможет ли он позаботиться о ребенке?

Правда, я думала, что иегознаю. А оказалось, что знаю недостаточно хорошо. Или, наоборот, я все знала. Но не обращала на это внимание. Или же мне было все равно. Возможно ли это? Могла ли я быть настолько глупой, что сознательно оставалась с

человеком, который мог навредить моему сыну? Но ведь я же жила с ним, не так ли? Значит... значит, была?

От осознания того, что я столь долгое время подвергала сына опасности, мне стало плохо. К горлу подступила тошнота, на висках выступила испарина. Сердце бешено колотилось, грозясь выскочить из груди.

— Ира, что с тобой? — взволнованно вскочил Моров, метнувшись к двери, наверное, чтобы позвать врача.

— Нет, — прохрипела, попытавшись его остановить. Под дверью сидел Никитка, я не хотела его пугать.

Илья остановился, подошел ко мне, подозрительно поглядывая. Подал стакан с водой, который я приняла с благодарной улыбкой (если мою гримасу можно было принять за улыбку). Сделав пару глотков живительной воды и несколько глубоких вдохов, успокоилась.

— Если такая реакция была вызвана моим предложением, — буркнул мужчина, — то уверяю тебя, что я и пальцем не трону твоего сына. Клянусь всем, что для меня дорого. Понимаю, что у тебя нет причин мне доверять. Ты меня совсем не знаешь, но я — не этот ублюдок. У меня в жизни рука не поднимется на ребенка или женщину. Если хочешь, можешь поговорить со Стасом. Он подтвердит мои слова. Врать не станет. Могу еще привести сюда лучшего друга с детьми, моими крестниками, и его женой. Они тоже могут дать мне рекомендации.

Мужчина все говорил, говорил и говорил, не давая мне вставить и слова, а я все смотрела, смотрела и смотрела на него, не пытаясь прервать этот словесный понос. Здоровяк выглядел таким забавным, пытаюсь доказать мне, что он — лучший вариант, который только может быть, для присмотра за моим сыном.

На самом деле, он был моим единственным вариантом. И пусть это было довольно глупо — довериться незнакомцу, но я не могла в данный момент придумать ничего другого. «Благодаря» ему подруг, которые могли бы мне помочь, у меня не было. Всех растеряла. Еще и голова начала болеть сильнее.

Поморщившись от усиливающейся боли, перебила все еще тараторившего Морова:

— Илья, остановись.

Он замолчал на середине фразы. В зеленых глазах застыл вопрос.

— Если Никитка не против, он может пожить с тобой.

Мужчина широко улыбнулся. От явного облегчения, которое отразилось на его лице, я захихикала.

— Спасибо, Ир, — горячо поблагодарил меня Моров. — Спасибо, что доверила мне своего сына. Обещаю, ты не пожалеешь.

Очень сильно на это надеюсь. Сказать, что я уже начала об этом жалеть, значит, сказать не совсем правду. Илья не вызывал у меня неприязни. Я видела, что он искренне хочет помочь. Но... надо быть честной, хотя бы с самой собой, если бы у меня был выбор — я бы не приняла его помощь.

Илья

Итак, на моем попечении оказался восьмилетний пацан. Пока я упрашивал его мать разрешить мне приглядывать за ним, все пытался понять — на кой хер мне это надо? Жил себе, не тужил, периодически потрахивал малознакомых баб, баловал детей Строгановых. В общем, радовался жизни и не собирался в ней что-то менять. И тут, на тебе, по собственной воле ввязался в сомнительную авантюру.

Вообще, альтруизмом я не страдаю. Но и разбирать себя на винтики я не привык. Раз уж решил, что так будет правильно, значит, буду идти по этому пути до конца.

Я догадывался, что Ира не в восторге от моей затеи. Но ей пришлось согласиться. Видимо, выбора у женщины особого не было. И я был этому рад.

Какая-то часть меня, животная, была в восторге от всего происходящего. Она считала, что так я смогу завоевать доверие женщины и в последствии затащить ее в постель. Не скажу, что я и правда собирался так поступить, но мысль проскакивала. Довольно грубо и не по-джентльменски, да, но и праведником я себя не считал.

Выйдя из палаты после того, как получил кучу наставлений, чем кормить Никиту, а также уточнив расписание его тренировок, подозвал мальчика, сидящего недалеко на стуле, к себе.

— Мама зовет тебя, пообщаешься и поедem в гости, — сообщил ему, открывая дверь.

— Хорошо, — кивнул неохотно Никита.

Видно было, что ему хочется остаться с матерью, но перечить он не решался. Ничего, когда мы приедем на день рождения бандитов, он отвлечется, развеется. Всяко лучше, чем провести весь день в больнице.

Пока малой общался с мамой, решил переговорить со Стасом. Найти друга не удалось, пришлось перехватить спешащую куда-то медсестру. Та не очень любезно сообщила, что доктор Карпин находится в операционной и освободится примерно через час. Ждать его столько времени я не собирался, поэтому вернулся к нужной палате, забрать Никиту и отправиться, наконец, на праздник.

— Мы приедем завтра, — сообщил волнующейся женщине, — а сейчас съездим на день рождения к моим крестникам. Они одного возраста с Никитой, так что ему там должно быть интересно.

— Хорошо, — кивнула Ира, прикусив полную нижнюю губку.

Против воли залип на этом, по сути, невинном жесте. В голове промелькнула картинка: уже я сам прикусываю ее губки, целую, срывая легкие стоны. Купаясь в ее и своем желании. Хотелось, чтобы вместо настороженности, ее взгляд был полон желания и... любви?

Тряхнул головой, отгоняя подобные мысли. Какой еще любви, черт возьми? Что за бред лезет в голову? Подобные мысли уж точно сейчас не к месту. Может, потом... когда-нибудь...

— До завтра, Ир, — натянуто улыбнулся блондинке, кивая Никите, чтобы следовал за мной.

— Пока, мам, — улыбнулся он, целуя мать в щеку.

— До завтра, дорогой, — нежная улыбка в ответ. — До свиданья, Илья, — неуверенный взгляд в мою сторону.

Подавил тяжелый вздох. Черт его знает, зачем и почему, но мне очень хотелось завоевать доверие этой женщины. Все-таки, Мороз, ты влип. По полной.

Когда мы садились в машину, Никитка подозрительно на меня посмотрел, открыл рот, чтобы задать какой-то вопрос, но тут же его захлопнул.

— Что такое? — поинтересовался, заводя мотор.

— Почему мама разрешила мне остаться с вами? — немного подумав, спросил он.

Теперь думать и подбирать слова пришлось мне. И что на это можно ответить? Потому что у твоей мамы нет никого, кому она могла бы довериться, и ей пришлось вручить жизнь и благополучие своего сына в руки малознакомого мужика, который вполне мог оказаться извращенцем и психопатом?

Скажи я такое, малец выскочит из машины на полной скорости. И тогда у меня точно не будет никаких шансов завоевать доверие его матери.

Так и не решив, как правильно ответить, сказал, как есть:

— Я предложил твоей маме присмотреть за тобой, пока она приходит в себя. Она согласилась.

— Но она же вас совершенно не знает, — справедливо заметил малой.

— Мы общались с ней пару раз, — ответил уклончиво.

Никита нахмурился, явно не принимая такое объяснение. Вот только ничего другого я предложить не мог.

— А ты бы предпочел остаться в одиночестве?

— Нет, но... — мальчик закусил губу, чем очень сильно напомнил мне свою мать. — Это странно...

Согласен, малой, согласен. Эти два дня вообще очень странные выдались. И что-то мне кажется, что дальше будет еще страннее.

Пока ехали до дома Строгановых, он сидел молча, задумчиво глядя в окно. Не задавал больше вопросов, на которые я не мог ответить, но и не интересовался, куда мы едем и зачем. Я, конечно, вкратце обрисовал ему ситуацию еще вчера, когда мы искали подарки бандитам, но, честно говоря, ожидал от него больше любопытства. Олеся бы, например, уже весь мозг мне вынесла вопросами, а этот молчит, словно в рот воды набрал.

Подъезжая к воротам дома друга, кинул взгляд на свой участок. Сквозь открытое окно в машине до меня доносились звуки, которые ни с чем не спутаешь, стройка была в самом разгаре. Интересно, если там так кипит работа, почему Захарыч считал, что в доме уже можно жить? Надо будет сходить — посмотреть. В конце концов, я именно это пообещал вчера прорабу.

На территории Строгановых кипела жизнь. По двору бегала ребятня — школьные друзья Олеси с Кириллом, взрослые копошились около расставленных столов: женщины раскладывали продукты, мужчины что-то мудрили у мангала.

Первыми нас заметили бандиты. Леся с криком, которому бы позавидовали индейцы, понеслась ко мне на всех парах. Запрыгнув на руки, заверещала в ухо. Чуть поморщившись от громкого крика девчушки, прижал ее к себе.

— С днем рождения, малая, — проговорил, улыбаясь подбежавшему вслед за сестрой Кирюхе. — И тебя с днем рождения, боец.

— А где подарки? — бесхитростно спросила девочка.

— Олеся! — возмутилась Оксана, подходя к нам и отряхивая руки. — Дай дяде Илье прийти в себя после дороги. К тому же мы договаривались, распаковка подарков будет

позже.

Ребенок недовольно надул губки, но согласно кивнул.

— Да, мам, — с тяжелым вздохом она слезла с моих рук и с интересом уставилась на вылезшего из машины Никиту. — А ты кто?

— Боже, — страдальчески закатила глаза госпожа Строганова. — И чему я тебя только учу?

Усмехнулся, потрепал по макушке Кирюху, обменялся с ним нашим традиционным приветствием, а затем повернулся к сыну Ирины.

— Это Никита, — представил его ребятам. — Примете его в банду?

Олеська важно кивнула и подошла к мальчишке. Оксана удивленно вскинула брови, ожидая каких-либо объяснений, но я покачал головой, без слов говоря, что объясню все позже.

— Меня Олеся зовут, а это, — показала на своего брата, — Кирилл.

— Никита, — тихо представился пацан.

— А откуда ты знаешь дядю Илью?

— Он наш с мамой сосед.

— Пойдем, — посчитав знакомство завершенным, Леся схватила мальчонку за руку и потянула за собой. — У нас во дворе стоит батут. Тебе нравится прыгать?

Никитка кивнул, но неуверенно на меня посмотрел, словно спрашивая разрешения, можно ли ему отойти от меня, поиграть.

— Иди, — улыбнулся малому. — Ради этого мы сюда и приехали.

Мальчик широко улыбнулся, впервые за последние сутки, и поспешил за продолжавшей тянуть его за руку Олеськой. Кирилл, не говоря ни слова, последовал за ними.

Илья

Проводив их взглядом, повернулся к Оксане. Та стояла, уперев руки в боки, и молча на меня смотрела. Не успел я ничего сказать, как к нам присоединился ее муж.

— Здорово, — хлопнул меня по плечу Макс и тоже посмотрел в сторону скрывшихся за домом детей. — Где ты украл этого ребенка?

— Не украл, — фыркнул, следуя за семейной парой в дом.

На ходу поздоровался с парочкой взрослых, которых помнил по предыдущим дням рождения бандитов, успешно увернулся от несшейся прямо на меня оравы малолетних траглотитов, и, наконец, оказался в кухне, встретившей нас блаженной тишиной.

— Знаете, после этих визгов, мне начинает казаться, что я — самый тихий человек в мире, — заметил, доставая из холодильника бутылку пива, которого всегда было у Максима в избытке. Еще, когда ехали сюда, решил, что мы с Никитой переночуем у Строгановых. Был уверен, что они нам не откажут.

— Тебе только кажется, — фыркнул друг, скрестив руки на груди, он облокотился о кухонный стол и воззрился на меня с тем же вопросом в глазах, что и его жена.

Сделав пару больших глотков, удовлетворенно прикрыл глаза. Блаженство. Я мечтал хотя бы о капле алкоголя со вчерашнего вечера. Пиво, конечно, не совсем то, но тоже сойдет. Напиваться в зюзю, когда у меня на руках малой, не собирался.

— Иль-я, — по слогам проговорила мое имя Оксана, так и не дождавшись хоть каких-нибудь комментариев произошедшего.

— Помните моих шумных соседей сверху?

Семейная пара дружно кивнула.

— Это их сын. Точнее, — поправился, вспомнив появившееся в голосе Иры возмущение, когда я предположил, чтоэтотбыл ее мужем, — ее сын. Мужик оказался обычным проходимцем.

— И что же ее сын делает с тобой на празднике наших детей? — осведомилась Оксана.

— Вчера вечером он ее сильно избил, а сам смылся. Я отвез ее к Стасу в больницу, а малого взял с собой, поскольку, как выяснилось, других родственников, кроме матери у него нет, — изложил основные факты.

Оксана ахнула, приложив руку к губам, на глаза женщины навернулись слезы. Затем они грозно сверкнули, и она ткнула в меня пальцем, в голосе, когда заговорила, сквозило неприкрытое возмущение и осуждение:

— Я же говорила, что что-то подобное могло произойти! А ты отмахивался!

— Ты сейчас очень похожа на мою старую соседку — Макаровну, — поморщился, вспомнив осуждение в глазах старушки.

— Вот, если бы ты нас послушал... — начала было Оксана, но Максим ее перебил.

— Это бы все равно произошло, любимая, — чуть сжал ее за плечи, поцеловав в макушку, пытаюсь сбить воинственный настрой. Помогло. Женщина как-то разом расслабилась, откинулась на грудь мужа и прикрыла глаза.

Я благодарно посмотрел на друга, одними губами сказал «Спасибо», Макс кивнул. Мы с ним оба понимали, что ничего бы мой звонок ментам не решил, даже если бы я позвонил нашему общему знакомому.

— В таких семьях очень редко бывают благодарны при постороннем вмешательстве. Ты же знаешь, — добавил он, озвучив его и мои мысли.

Оксана тяжело вздохнула и открыла глаза, в которых плескалась неприкрытая грусть.

— Знаю, но все равно мне хочется верить, что именно в этом случае, звонок мог бы помочь.

— Теперь мы этого никогда не узнаем, — пожал плечами, отворачиваясь от них к окну, мимо которого в этот момент с улюлюканьем пронеслась стая детишек.

— Его мама пришла в себя? — спросил Максим, когда понял, что я задумался и не собираюсь продолжать.

— Да, — кивнул, — у нее сломана лодыжка, два ребра, легкое сотрясение. Стас хочет оставить ее в больнице недели на две. Поэтому я предложил ей присмотреть за малым, пока ее не выпишут.

— И она согласилась? — по голосу Оксаны было слышно, что она хмурится.

— У нее не было выбора, — грустно ухмыльнулся, вновь поворачиваясь к друзьям. — Родных нет, друзей, как я понял, тоже. Не оставлять же его одного.

— Не в обиду тебе будет сказано, — пробормотала Строганова, — я бы не доверила ребенка незнакомому человеку.

— Я бы тоже, — согласился с ней, — но либо так, либо соцентр. Из двух зол, как говорится...

— У нас не такие ужасные социальные центры, как о них говорят, — встала на защиту госслужбы Оксана, которой приходилось в свое время, пока она работала в садике, с ними сталкиваться.

— Но есть и не очень, согласись, — возразил ей муж.

— Есть, но это не значит, что мальчик попал бы именно в такой, — парировала та.

— А мог бы и попасть, — я решил закончить ненужную дискуссию.

На самом деле, мысль о том, чтобы отдать Никитку на время на попечение социальным службам, даже не приходила мне в голову. Ире, видимо, тоже. Хотя, вот ее-то как раз можно было понять — она в больнице, плохо себя чувствует, еще и сотрясение. По опыту знал, что с ним первое время соображаешь из рук вон плохо.

— Почему Стас не согласился оставить мальчика в больнице? — справедливо спросил Максим. — Насколько я помню его центр, там достаточно места. У него целое крыло оборудовано под детское отделение.

— Стас в этом месяце дежурит в центральной больнице, — ответила за меня Оксана. — Но даже там ребенку нашли бы место, — заметила она. — Или можно было бы поговорить с Карпиным, и определить пока мальчика к нему. Да и маму потом туда перевезти.

— Я не предлагал последнего, — посмотрел на женщину, затем, на ее мужа, — и не уточнял насчет первого. Когда мы приехали, Стас спросил, есть ли где ночевать пацану. Я не знал, а когда выяснил, что они одни, решил забрать себе.

— Почему? — пыталась выпытать у меня Оксана.

— Вопрос на миллион, блять, — огрызнулся, не заботясь о том, что в дом в любой момент могут залететь дети. Оксана кинула на меня укоризненный взгляд, который я успешно проигнорировал. — Не знаю я — почему. Сам голову сломал уже с этим вопросом. Просто решил, что так будет правильно.

— Знаешь, — задумчиво проговорила женщина, в то время, как ее муж сверлил меня взглядом, — если бы на твоём месте оказался Максим и принял подобное решение, я бы не

удивилась. Это в его стиле — поступать так, как велит сердце, не думая о последствиях и не ища альтернативных решений. Но ты... — покачала она головой.

Но я... Да, мне подобные поступки были не свойственны. Как уже говорилось, я сначала думаю, а потом действую. С этой же семьей я творил всякую дичь, не задумываясь над тем, как это будет выглядеть со стороны, и насколько это уместно.

— Ладно, — хлопнул в ладоши Макс, отвлекая жену и меня от размышлений о моей персоне. — Что сделано, то сделано. Раз уж наш дорогой Моров решил обзавестись семьей таким нетрадиционным способом, мы просто обязаны его поддержать.

— Я... — хотел было сказать, что помогаю Ире не ради этого, но Оксана меня перебила.

Неожиданно обрадовавшись словам мужа, рассмеялась, лукаво подмигнула и, прихватив со стола вазу с фруктами, направилась к выходу из дома.

— Пойду посмотрю, как там дети. Заодно познакомлюсь с Никиткой. Чувствуется, он теперь будет частым гостем в нашем доме. Как и его названный папаша, — последние слова она пропела уже с улицы.

Ошарашенно посмотрел на веселящегося Строганова.

— Что такое взбрело твоей жене в голову?

Макс пожал плечами и поспешил вслед за Оксаной на улицу, но на пороге обернулся:

— Ты должен знать, что в подобных вещах мы с волшебницей редко ошибаемся.

— В каких еще вещах? — крикнул ему в спину, но ответа, естественно, не услышал.

Если бы я слушал свое сердце, то оно бы подсказало мне в этот момент, о чем говорили Оксана с Максимом, но я его слушать не собирался. Вообще старательно гнал от себя мысли, что моя вовлеченность в семью Иры как-то связана с моим желанием быть с ней.

Одно дело хотеть малознакомую женщину из-за ее внешнего вида (Анджелину Джоли же хотят, почему я не могу хотеть соседку?) и в порядке бреда допускать мысль, что ее благодарность за помощь может быть выражена именно таким образом (в горизонтальной плоскости), и совсем другое дело — рассматривать это всерьез. И не просто всерьез, но еще и как ступеньку к семейной жизни.

Да ну нет! Бред, не иначе.

Ирина

Лежа в одиночестве в палате, изредка навещаемая медсестрами, я тихо сходила с ума. Поскольку оказалась я здесь не по своей воле, так сказать незапланированно, никаких нужных вещей у меня с собой не было. Даже телефона, такого важного и неизменного спутника нашей жизни.

Доктор Карпин принес мне пару книг из личной коллекции, чтобы было не так скучно. Но сосредоточиться на чтении у меня не получалось. В голове то и дело прокручивались события вчерашнего вечера, да и вообще последних нескольких лет моей жизни сним.

Очнувшись от того кошмара, в который сама превратила свою жизнь, теперь не могла понять — как я дошла до такого? Как допустила подобное?

Раньше, читая про домашнее насилие, удивлялась, как это женщины позволяют с собой вытворять такое. Неужели у них совсем отсутствует чувство самосохранения и собственного достоинства, что они продолжают жить с этими монстрами, не смотря на постоянные побои и унижение.

А оказавшись на их месте, найти ответа на все эти вопросы не могла. Объяснение типа — это было помутнение рассудка — мне не подходило. Хотелось понять наверняка, что со мной не так, чтобы больше не вляпываться в подобные ситуации.

Определенно, надо было обратиться к психологу. Может, хоть с его помощью у меня получится разобраться в себе. Вот только где найти нормального психолога? Надо бы поинтересоваться у Морова, среди его знакомых наверняка такие есть.

Как только я коснулась в своих мыслях этого загадочного мужчины, уже не смогла перестать о нем думать. О нем и о том, как проводит сейчас время мой сын.

Илья что-то сказал про день рождения его крестников. Вроде бы они одногодки с Никиткой. Хочется верить, что ему там весело, что он не сидит где-то в сторонке, в одиночестве, в ожидании того, когда праздник закончится.

А еще я никак не могу прогнать из головы дурацкие мысли о том, что Моров мог повезти моего сына совсем не на праздник. Что я больше никогда не увижу Никиту. Черт! Моя любовь доводит мысленно любую ситуацию до абсурда когда-нибудь меня погубит.

Развить мысль до похищения и детского рабства я не успела. Дверь в палату отворилась, и в нее вошел Станислав, держа в руке телефон.

— Скучаем? — широко улыбнулся мужчина и, не дожидаясь моего ответа, протянул мне смартфон. — Это Илья.

С тревожно забившимся сердцем взяла в руки устройство. Старательно гоня от себя плохие мысли, воззрилась на экран, с которого на меня смотрел Моров, собственной персоной. Я думала, что он хочет просто поговорить, но, как оказалось, у мужчины были немного другие планы.

— Привет! — Помахал он мне рукой, старательно перекрикивая резвившихся позади него детей. — Мы с Никиткой вспомнили, что во вчерашней суматохе, да и сегодня с утра, забыли тебе телефон принести. Его тоже валяется где-то у вас в квартире. Поэтому решил, что позвоню Карпину и в очередной раз воспользуюсь его хорошим отношением ко мне.

— Его осталось немного, Моров, запомни это, — весело крикнул Стас, подмигивая и оставляя меня наедине с телефоном и мужчиной в нем.

— Как у вас дела? — спросила, жадно обшаривая взглядом сцену за спиной здоровяка, пытаюсь рассмотреть среди этой кучи-малы моего сына.

Мне показалось, что удалось разглядеть светловолосую макушку, но быть уверенной на сто процентов я не могла. Моров занимал собой практически весь экран.

Заметив мой ищущий взгляд, мужчина по-доброму ухмыльнулся и развернул экран так, что мне стал виден прыгающий на батуте и беззаботно хохочущий Никитка. От сердца тут же отлегло. С моим сыночком все в порядке. Ему весело.

Смахнув наверхнувшиеся слезы, прислушалась к тому, что говорил тем временем Моров.

— Девчущка, скачущая рядом с ним — Олеся — одна из именинников. Вон там, — картинка чуть сместилась, чтобы мне была видна небольшая группка мальчишек, собравшихся вокруг какого-то стола, похожего на детскую лабораторию (я видела такие в магазине, стоили баснословных денег), — юный химик по середине, в ярко-синей рубашке и светлых штанах с зеленым пятном на заднице, ее брат — Кирилл. А вон та целующаяся парочка, — изображение вновь передвинулось чуть левее, открывая мне обзор на мужчину и женщину, стоящих в обнимку, улыбаясь друг другу. На самом деле, они не целовались, женщина всего лишь чмокнула мужа в щеку, но Илья говорил так, словно они чуть ли не сексом занимались у всех на виду, — подающая плохой пример детям, их родители — Максим и Оксана.

Я с улыбкой смотрела на разворачивающуюся передо мной сцену детского праздника. Мне остро захотелось оказаться там — рядом с сыном, воочию наблюдать за тем, как он веселиться. Ведет себя, наконец, как настоящий ребенок.

Нет, в школе он довольно общительный, и когда встречается с друзьями — развлекается, смеется. Если мы куда-то ходим вдвоем, то он тоже ведет себя беззаботно, как и подобает ребенку.

Но вот стоит ему оказаться дома... точнее, рядом сним, моего ребенка словно подменяют. Выкачивают из него всю радость.

Скатиться к самобичеванию мне опять не дал Моров, повернув экран к себе.

— Так что, как ты видишь, с ним все в порядке. Мы заедем завтра, перед тренировкой.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась мужчине. — На следующей неделе последние дни учебы.

— Знаю, — кивнул Илья. — Не переживай, я буду отводить его в школу.

В очередной раз подумав, зачем ему все эти сложности, хотела было спросить об этом мужчину, но сдержалась. Почему-то мне казалось, что четкого ответа он не сможет мне дать. И не хотелось его мучить напрасно.

Увидев, как весело проводит время мой сын, я успокоилась. И была безмерно благодарна Илье, что взял на себя ответственность за чужого ребенка. Что решил мне помочь.

— Мы останемся сегодня ночевать тут, — добавил он, глядя на меня вопросительно. — Не против?

— Нет, конечно, — поспешила ответить, проводить время с новыми друзьями лучше, чем сидеть дома и киснуть от одиночества.

— Отлично, — вновь улыбнулся Моров. Какая у него все-таки шикарная улыбка. Открытая, честная. Смотрела бы и смотрела, не отрываясь. — Я позвоню еще раз попозже. Стас будет в больнице часов до восьми.

— Еще раз спасибо.

— Сочтемся, — подмигнул мне здоровяк.

В его глазах мелькнуло что-то такое, отчего все внутри меня сладко сжалось. Почему-то показалось, что это его «сочтемся» было неким обещанием. Обещанием чего-то хорошего... и немного порочного.

— Хорошо, — ответила внезапно охрипшим голосом.

— Пока, — попрощался мужчина и отключил видеосвязь.

— Пока, — прошептала темному экрану.

На душе стало легче. И хоть я не смогла поговорить с сыном, этот звонок меня успокоил. Подтвердил, что Мороз — не какой-нибудь маньяк и извращенец, что все, что он сказал мне утром — правда. Он действительно отвез моего сына на день рождения к своим крестникам, где ребенок сейчас хорошо проводит время. Надеюсь, что при вечернем звонке мы сможем поговорить.

— Закончили? — просунул голову в щель между дверью и косяком Стас.

— Да, спасибо вам большое, — протянула мужчине телефон.

— Не за что, — улыбнулся в ответ он, забирая смартфон. — А теперь нам пора на перевязки. Да и синяки стоит еще раз обработать. Быстрее заживут.

Я не возражала. Делайте со мной, что хотите, лишь бы я побыстрее выздоровела и оказалась рядом со своим сыном. И мужчиной, который нам помогает.

Илья

Засунув телефон в карман джинс, посмотрел на соседний участок. Мой участок. Надо бы проведать строителей, переговорить с Захарычем. Все, что угодно, лишь бы не думать о серых глазах некой блондинки, счастливое выражение которых мне будет еще долго сниться. И в не самых приличных снах. А виноваты во всем — Макс и Оксана, заронившие в мою душу зерно чего-то такого, чему я пока не готов дать определение.

— Никит, — окликнул мальчика.

Тот спрыгнул с багута, оставив на нем Олеську резвиться в одиночестве. К ней, правда, тут же присоединилась пара девчушек, похожих друг на друга, как две капли воды. Если я правильно помню, это дети нашего охранника, Николая. Им недавно исполнилось четыре, и бедный друг на стенку лез от их гиперактивности.

— Я отойду ненадолго, — сказал пацану, когда он оказался рядом со мной. — На соседнем участке идет ремонт моего дома, — показал на высокий забор, разделяющий наши с Максимом дома. — Надо глянуть, что там творится. Если хочешь, можешь пойти со мной, — предложил Никите, заметив его интерес.

— Давай, — аж подпрыгнул от радости мальчонка.

Взяв его за руку, повел мальчика за собой. Мы вышли за пределы участка Строгановых и пошли на звук стройки.

Ворота на мой участок были широко распахнуты, из них то и дело выходили рабочие, таскавшие мешки со строительным мусором. Если быть честным, я ожидал увидеть на участке разруху, но на проверку все оказалось не так страшно.

Кое-где валялись спиленные обрубки, мешки с землей для клумб у дома, на которых настояла нанятый мною дизайнер. В ближайшем к воротам углу я заметил даже рамы от старых окон. Но и только.

В остальном все было довольно чинно и благородно. Неужели, Захарыч не соврал и дом действительно готов к проживанию?

Прораба мы нашли в самом доме. Матерясь, как сапожник, он показывал рабочим, куда поставить привезенную несколько дней назад мебель. Дизайнер стояла рядом с ним, хмурилась и то и дело поправляла, если его указания противоречили ее задумке.

— Илья Владимирович! — воскликнул мужчина, заметив меня, и поспешил подойти. — Как видите, с домом мы и правда практически закончили.

— Вижу, — кивнул, осматриваясь.

Я видел дизайн. Утверждал его. Но не думал, что в итоге дом будет таким... светлым. Весь первый этаж словно светился сам по себе. Солнечного света из панорамных окон на кухне и в зале с камином (да, планировка похожа на ту, что была у Строгановых, но уж слишком мне нравилось у них в доме) хватало для освещения даже дальних уголков. В хорошую погоду в верхнем свете точно не будет нужды.

— Здравствуйте, Илья, — улыбнулась мне дизайнер. Подошла, пожала руку, с любопытством посмотрела на жавшегося ко мне мальчонку, но промолчала. — Со вторым этажом мы уже закончили. Хотите посмотреть?

— Глянем? — поинтересовался у Никитки.

Тот энергично закивал. Улыбнувшись от огонька в глазах малого, пошел вслед за

дизайнером наверх.

Второй этаж был более темный, но... теплый что ли (нахватался слов от Оксаны и дизайнера, пока мы продумывали, в каких цветах сделать ремонт). Светло-коричневое дерево, которым были обшиты стены, цветы в огромных кадках, расставленные в художественном беспорядке. Четыре двери, ведущие в спальные комнаты и кабинет.

Зачем мне три спальни? А вот фиг его знает. Посмотрев на Никиту, отпустившего мою руку и с любопытством заглядывающего в ближайшую дверь, подумал, что, может быть, где-то глубоко в душе, покупая этот дом, я все-таки планировал завести семью? По крайней мере, Оксана утверждала, что это именно так и было.

— Для детской более подходит соседняя комната, — обратилась к мальчику дизайнер. — Пойдем, покажу.

Я кивнул вопросительно посмотревшему на меня Нику и перевел взгляд на переминающегося с ноги на ногу Захарыча. Видимо, прораб решил подняться за нами.

— Раз уж ты не соврал, и дом действительно пригоден для жилья, все работы по периметру, включая гараж, должны быть закончены к следующей субботе.

Мужчина хотел было что-то сказать. Наверное, возразить, что это слишком короткий срок. Но, что-то взвесив, передумал.

— Без проблем. Все будет готово, шеф.

Удовлетворенно кивнул. В этот момент из комнаты, которая, согласно дизайну, должна была быть детской, вышли Никита и Светлана (вроде бы, ее так зовут).

— Как тебе кровать? — я точно знал, что она там должна быть. Все комнаты обставлены мебелью. — Попрыгал на ней?

— Нет, — смущенно улыбнулся он, — но посидел. Она очень мягкая. Настоящая мечта.

— Отлично, не придется менять, когда мы на следующих выходных сюда переедем.

Глаза мальчонки практически вылезли из орбит от такого моего заявления. Ох, малой, не смотри на меня так. Я сам в ахере.

— Мы будем жить тут?

Глаза Никиты загорелись от радости. Я кивнул, отгоняя мысль, что надо будет об этом еще сообщить его матери. И неизвестно, как она отнесется к подобной затее.

— И я смогу каждый день ходить в гости к Олесе с Кириллом?

Малой довольно быстро нашел общий язык с новыми знакомцами. И это радовало.

— Сможешь, — улыбнулся его энтузиазму.

Надеюсь, что Ира не снимет с меня скальп за такое самоуправство. Неожиданно, мальчишка сдулся, как лопнувший шарик.

— Что такое? — нахмурился, присаживаясь перед ним на корточки.

Краем глаза заметил, как Захарыч и Светлана спустились по лестнице вниз, не желая мешать нашему с ним разговору.

— А как же мама?

— Мама в ближайшие две недели будет в больнице, а потом, когда ее выпишут, будет жить с нами, — поспешил успокоить мальчика.

— И мы больше не вернемся в ту квартиру? — с опаской спросил Никита.

От этого вопроса мне поплохело. Потому что именно в этот момент я очень четко осознал, что передо мной — маленький мальчик, ребенок. Который вынужденно вел себя, как взрослый последние сутки, но стоило ему расслабиться, как он тут же превратился в того, кем и являлся на самом деле — восьмилетним пацаном, единственной заботой

которого вне школы должно быть — что поесть и во что поиграть.

— Не вернетесь, — ответил твердо. — Обещаю.

Святой боже, что я творю! Если Ира откажется здесь жить, хотя бы временно, Никита мне этого не простит. Вон как лыбу давит, услышав мое обещание. Расцвел прям.

— А почему? — вновь посерьезнел Никита.

— Что почему?

— Ну, почему вы о нас так заботитесь?

Опять этот дурацкий вопрос. Что ж всех заело так на нем? Жаль, что ответить также, как и друзьям, я ему не могу. Маленький еще.

— Вам нравится моя мама? — решил мне прийти на помощь пацан.

— Нравится, — по крайней мере на это я ответ знал. — И я очень хочу вам помочь.

Он кивнул, о чем-то подумал.

— Не делайте ей больно, — неожиданно попросил.

— Не буду, — прохрипел сквозь возникший в горле ком. — Обещаю.

— Хорошо, — кивнул пацан, удовлетворившись моим ответом.

— Давай вернемся на праздник, — предложил, распрямляясь.

Всего пара вопросов от мальчугана вывернули меня наизнанку. Остро захотелось пить. Воды. А лучше — пива.

— Давай, — согласился он, самостоятельно взяв меня за руку и потянув вниз по лестнице.

Молодец, Моров, наобещал парню золотые горы, а с его матерью не согласовал. И с собой до конца тоже.

Илья

Наше отсутствие на празднике осталось незамеченным. Но стоило нам вернуться, как Олеська тут же утащила куда-то Никиту, заявив, что его не хватало для полной картины. Какой именно картины уточнить не успел, малые убежали от меня на другой конец участка.

Я же отправился на поиски живительной влаги. Еще пара таких спонтанных решений, идущих вразрез с моим видением мира, и я стану алкоголиком.

А, может, эта эмоциональная встряска, которой я подвергал сам себя последние сутки, изменила меня? Изменила мое отношение к семье? Не просто же так я начал принимать решения, мне не свойственные.

Но ведь люди не могут измениться за такое короткое время? Или же я всегда таким был, просто до этого момента не встречал на своем пути тех, ради счастья которых готов полностью изменить свою жизнь?

Сморщился. Че-то меня на философию потянуло. Не любил я это дело. Но когда тебе раз за разом задают вопрос, на который у тебя нет ответа, поневоле начинаешь копать в себе, что найти его, наконец, и удовлетворить любопытство окружающих.

— Прекращай, друг, — раздался из-за спины голос Макса.

— М-м-м? Ты о чем? — повернулся к нему, делая очередной глоток из уже третьей по счету бутылки пива.

Надо бы притормозить, не хотелось бы показываться на глазах у Никитки пьяным. Еще и Ире звонить через пару часов, а если я буду в неадеквате, женщина это не оценит.

— О твоём самокопании.

Максим сел рядом со мной на садовые качели, облюбованные мной еще в первый день их появления на участке у друга.

— Я не страдаю этой фигней, — огрызнулся, отталкиваясь двумя ногами и начиная нас раскачивать.

— Это я им не страдаю, — хмыкнул он, — а ты любишь это дело. Только отказываешься сам себе в этом признаться. И не спорь, — поднял руку друг, предупреждая мои протесты, — так всегда было. Прежде, чем принять решение ты сначала взвесишь все за и против, подумаешь — надо оно тебе или нет, покрутишь его и так, и эдак. Это потом, когда ты уже решился, ты прешь напролом. И мало что может тебя остановить. Но до этого момента ты можешь себя извести, если тебя вовремя не остановить.

— На поле и во время службы я себя так не вел, — возразил, не желая признавать правоту Строганова.

— Потому что там у тебя не было такого количества времени на раздумья. На самом деле, ты делал то же самое, только в рекордно короткие сроки. Со скоростью света ты решал, во что выльется твой очередной маневр, — он искоса на меня посмотрел. — Я не раз видел у тебя на поле подобное выражение лица.

— Я был в маске, ты не мог ничего видеть.

— Мы столько раз с отцом пересматривали твои матчи, пока ты изучал технику противника, что я научился читать твои мысли по глазам, — фыркнул друг. — И каждый раз у тебя был такой взгляд... — Макс попытался подобрать нужные слова, но махнул рукой, когда не смог этого сделать. — Не могу описать. Но точно могу сказать, что сейчас он у тебя

абсолютно такой же.

Я сидел молча, попивая пиво. Строганову явно было еще что сказать, поэтому я ждал. Глядишь, он сможет найти нужные мне слова. Обычно, ему это удавалось. Как и мне, если проблема возникала у друга.

— Но самое поразительное во всем этом то, что в действительности, в тот момент, когда ты начинаешь взвешивать все за и против, ты уже знаешь, какое решение принять. А сомнения в его правильности — это лишь привычка, выработанная сам знаешь благодаря кому.

Да, я знал. Не хотел только произносить его имя вслух. Я думать-то про отца старался как можно реже, не то что поминать его имя всеу.

— Илюша, дорогой, а где же мама этого очаровательного мальчика, которого ты привел? И от которого не отлипает Олеся.

К нашей компании присоединилась Евгения Петровна. Бабушка бандитов хитро посмотрела на Максима, который сморщился от намека на то, что его дочь могут интересоваться другие мужчины, кроме брата и отца.

Коротко хохотнув, тепло улыбнулся женщине, заменившей мне мать. Наверное, именно из-за ее материнского ко мне отношения, я спокойно относился к тому, что она называла меня Илюшей.

Из других уст я этот вариант своего имени не воспринимал. И опять-таки из-за моего отца. Он называл меня так каждый раз, когда звал к себе. И обычно ничем хорошим для меня это не заканчивалось.

— Его мама в больнице, Евгения Петровна.

— О боже! Что с ней? — в глазах матери Максима светилось сочувствие.

— Она под надежным наблюдением Карпина, поэтому все в порядке, — не стал вдаваться в подробности.

При всей моей любви к этой женщине, рассказывать ей о том, что не являлось моей тайной, я не собирался. Хватает и того, что я рассказал об этом Максиму с Оксаной. Хотя, по-хорошему, должен был ограничиться лишь общими фразами.

Но я должен был поделиться с кем-нибудь. И лучшие друзья — были самым идеальным вариантом. Особенно, учитывая то, что я притащил Никитку на праздник к их детям.

— Надеюсь, — похлопала меня по плечу женщина. — Когда она выпишется ты обязан привести ее к нам с Димой на ужин. Хочу познакомиться с девушкой, заставившей тебя остепениться.

С этими словами, под громкий хохот Макса и мое ошеломленное молчание, Евгения Петровна отошла от нас к другим гостям.

— Видишь, не только мы с Оксаной это видим, — продолжая посмеиваться, сказал друг.

— Но с чего она так решила? — я совершенно не понимал, с чего это все вокруг, включая Никиту, твердили о моих несуществующих отношениях с Иррой.

— Потому что мы все тебя хорошо знаем, Моров, — покачал головой Максим, раздосадованный моей непонятливостью. — Ты бы никогда не стал нянькаться с пацаном, если бы не чувствовал что-то к его матери. И с ней бы не стал возиться. Вызвал бы вчера скорую и забил болт. К тому же, если я правильно понял, это на его игры ты ходил весь год?

Я глянул на друга исподлобья, но отвечать не стал. Смысл сотрясать воздух, если он и так уже знает ответ на свой вопрос.

— Признай, что мы правы, Илья, — сказал Строганов, поднимаясь. — Признай и прекрати себя терзать. Прими уже решение и иди к нему напролом, как обычно ты умеешь. И я надеюсь, что в следующий раз мы увидим вас уже всей семьей.

Опять-таки не стал никак комментировать слова друга. Смотрел только, как он подошел к своей жене, что-то тихо ей сказал. Та бросила на меня короткий взгляд, кивнула и отправилась к гостям.

Я же так и остался сидеть на качелях, баюкая пустую бутылку пива и издалека наблюдая за веселящимся Никиткой.

Ирина

Я отложила в сторону книгу, которую все равно не могла читать, когда вечером в палате вновь появился Станислав. После необходимых процедур смогла немного поспать, успокоенная мыслью, что моему сынишке сейчас весело. Что он проводит время в кругу детей. Возможно, сможет завести новых друзей.

Но стоило мне проснуться, как переживания за него проснулись вместе со мной, да еще и с новой силой. Надо было настоять на том, чтобы Илья дал мне с ним поговорить, но я так обрадовалась, что жизнерадостность Никиты не погасла из-за вчерашних событий, что решила его не отвлекать от развлечений. Теперь оставалось ждать вечернего звонка Морова. И на этот раз я точно поговорю с сыном.

Карпин, как обычно, вошел с улыбкой в тридцать два зуба. Наверное, если бы я не знала на сколько отвратительно в данный момент выгляжу (примерно также, как и чувствую), то решила бы, что он со мной заигрывает. Но это было маловероятно, учитывая мой заплывший глаз, разбитую губу и обмотанную медицинским бинтом голову, чтобы скрыть длинную рану на лбу, которую я получила, ударившись о тумбочку.

— Как тут моя пациентка?

Станислав присел рядом со мной, что-то посмотрел на приборах, ощупал голову.

— За последние несколько часов ничего не изменилось. Чувствую себя также хреново, — буркнула, раздраженная тем, что пока он меня осматривал, умудрился задеть пару синяков, тут же занывших.

— Боюсь расстроить, но дальше будет только хуже, — в голосе его не было ни капли сочувствия.

Видимо, это профессиональное. Мало мне встречалось на моем пути врачей, которые с искренним сочувствием относились к своим пациентам. Вот с профессиональным интересом, который вечно светился у них в глазах, это — да.

И сейчас я чувствовала себя блохой под микроскопом, чью бедную тушку изучает с целью опытов злобный дядя доктор.

— Завтра я временно прекращу капать обезболивающее, — продолжил Карпин. — Мне не нравится, как реагирует на него твой организм. Аллергии, вроде, нет, но ты какая-то заторможенная.

— Вы хотите, чтобы я загнулась от головной боли? — скептически посмотрела на врача. Да и заторможенной, как он выразился, я себя не ощущала.

— Это ненадолго, умереть не успеешь, — фыркнул он, заканчивая в меня тыкать и откидываясь на спинку стула.

— Обнадеживает, — проворчала, прикрывая глаза. Больничный свет вновь начал их резать.

По скрипу ножек стула по полу я догадалась, что Карпин куда-то поднялся. Через некоторое время свет в палате стал более приглушенным.

— При таком легком сотрясении ты не должна все еще остро реагировать на яркий свет, — пробормотал он. — И я так понимаю, что это началось только что?

— Да, — ответила, — большую часть дня все было нормально.

— Съездим завтра еще раз на томограмму. Вчера она ничего не показала, но не лишним

будет перестраховаться. Ты же не хочешь тут пролежать дольше положенного? — мужчина озорно подмигнул, а я закатила глаза.

— Мне и так лежать две недели. Это уже явно дольше положенного.

— Будешь ворчать еще дольше пролежишь, — хмыкнул Карпин и протянул мне телефон. — Держи, Моров должен позвонить в течение пять минут, а я зайду за ним через полчаса.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась доктору.

С чего вдруг это панибратство? Из-за того, что со мной так носится Илья, а они с ним друзья?

Сильно задумываться над поведением Станислава не было ни сил, ни желания. Вновь начавшая болеть голова доставляла беспокойство. Учитывая то, что большую часть дня провела под обезболивающим, я рассчитывала на ее отсутствие вечером.

Телефон в моих руках завибрировал, на экране высветилось имя звонившего. Обрадовавшись, что это пунктуальный Моров, а не кто-нибудь другой, пожелавший пообщаться с доктором Карпиным, быстро нажала «Ответить на звонок».

— Здравствуйте, Илья Владимирович.

— Мы же договорились на «ты», — проворчал мужчина. — Здравствуй, Ир. Как ты себя чувствуешь?

— Не лучше, но и не хуже, — хмыкнула. Заваливать его подробностями и озабоченностью Станислава я не стану. В конце концов, какое ему до этого дело?

— Не могу сказать, что твои слова меня обрадовали, но и не огорчили точно, — услышала в ответ. — Никит, — гаркнул он в трубку, да так, что я подпрыгнула.

Сердце бешено застучало в груди. Если мы продолжим общение с Моровым после того, как меня выпишут из больницы, то я точно когда-нибудь заработаю инфаркт.

— Это мама, держи.

— Привет, ма-а-а-ам, — пропел сынок.

По голосу слышно было, что он был доволен и наслаждался жизнью.

— Привет, зайчик. Как у тебя дела?

— Отлично. Мы с Олесей весь день провели на площадке, играли в прятки и домашний хоккей. Но это уже с Кириллом. Он, оказывается, тоже занимается. Недавно ставили опыты в домашней лаборатории, которую Кирюхе подарил дядя Илья. А еще с Ромой договорились сходить на домашнюю тренировку нашей хоккейной команды. Его папа их тренер. А дядя Илья согласился со мной пойти. А еще...

Малыш прямо-таки захлебывался от обуревавших его эмоций. Я тихо рассмеялась такому энтузиазму. Очень рада была за него, но вот те подробности про своих новых друзей, что он вывалил на меня в эту минуту, немного настораживали.

Оказывается, та лаборатория, которую я видела днем за спиной у Ильи, была его подарком. Я знаю, сколько она стоит, и если он может позволить себе подарить подобную вещь крестнику на день рождения, а один из родителей новых друзей Никиты является тренером местной хоккейной команды... В какую компанию богачей попал мой сын?

— ... жить с ним, — услышала я окончание фразы сына и напряглась.

— Прости, малыш, повтори, пожалуйста, что ты сказал.

— Дядя Илья сказал, что, когда на следующей неделе достроят его дом, мы переедем к нему, — терпеливо повторил Никита. — Я даже уже выбрал себе комнату, — радостно сообщил он.

От услышанного меня прошиб холодный пот. В горле пересохло.

— Ник, дай, пожалуйста, трубку дяде Илье, — попросила, стараясь не впасть в панику.

Что задумал этот мужчина?

— Все в порядке? — тут же посерьезнел мой маленький взрослый.

Наверное, что-то такое уловил в моих интонациях. Не хотелось его пугать, поэтому, сделав пару глубоких вдохов, повторила уже гораздо спокойнее.

— Да, все хорошо. Мне просто надо сказать ему пару вещей.

«Например, какого дьявола он творит?» добавила мысленно.

Ирина

— Ир...

Взявший трубку мужчина попытался что-то сказать, но я его перебила.

— Какого черта, Моров? — возопила я, игнорируя пульсирующую боль в висках. Она как-то незаметно отошла на второй план. Организовались более неотложные дела, требующие моего внимания. — Одно дело, когда я соглашаюсь с тем, чтобы ты временно присмотрел за моим сыном, потому что мне не к кому больше обратиться, но перевозить его к себе в дом? Ты кем себя возомнил?

— Человеком, который готов возиться с твоим сыном, пока ты приходишь в себя, — совершенно спокойно ответил он. — И ты, конечно, меня прости, но ставить свою жизнь на паузу, откладывая переезд в дом, ремонт которого я ждал год, только из-за того, что у меня теперь на попечении находится пацан, я не собираюсь.

— Не смей водить в этот дом баб, пока мой сын будет там находиться! — практически выкрикнула в трубку.

В отличие от спокойного Морова, я была больше похожа на закипающий чайник. При этом мыслящий довольно иррационально. Иначе как объяснить, что из всей его тирады я выцепила только — не собираюсь ставить свою жизнь на паузу.

У здоровяка хватило наглости расхохотаться. Пока я ждала, чтобы он успокоился, мысленно перебирала варианты, как бы мне поскорее выбраться из стен этого заведения, чтобы защитить ребенка от тлетворного влияния бизнесмена.

Почему я решила, что он — бизнесмен? А вот потому! Понятия не имею, кто этот человек. И совсем недавно я была даже рада, что он согласился... Точнее, уговорил меня разрешить ему помочь нам. Но, видимо, весь стресс, который мне довелось пережить за последние сутки, решил-таки вырваться наружу. И вот таким не очень приятным способом.

Сама себе напоминала истеричку. А быть такой мне очень не нравилось. Всегда считала подобных женщин — непроходимыми дурами, не способными спокойно разобраться в ситуации. Прежде, чем делать какие-либо выводы.

— Ирш, — выдохнул он в трубку, когда соизволил, наконец, перестать ржать. В его голосе появилась какая-то особенная интонация... как будто он разговаривал с маленьким ребенком. Или психованной бабой. Последней я, к слову, и являлась в данный момент. — Не знаю, что творится у тебя сейчас в голове, но все, что было сказано тобой за последние пару минут, спишу на последствия сотрясения.

Я продолжала возмущенно пыхтеть, пытаюсь подобрать слова, чтобы еще как-то выразить мое возмущение таким самовольством Морова. Но, как назло, ничего больше в голову не приходило. По крайней мере, цензурного. И хотя я была уверена, что Илья и без меня знает достаточно подобных слов, изъясняться с ним на языке рабочих не желала.

— Послушай, — начал он терпеливо, пытаюсь донести до моего больного сознания всю прелесть жизни Никиты за городом. — Нет, на самом деле, абсолютно никакой разницы в том, где будет жить твой сын эти две недели. В моей квартире или в моем доме. Главное же, что со мной, правда? — Не дожидаясь моего ответа, он тут же продолжил. — Я все также буду возить его в школу, а затем на тренировки. Первая завтра, я помню. В соседнем доме живут Кирилл и Олеся, с которыми он успел подружиться. И остальная ребятня тоже живет в

этом же поселке.

— У него есть друзья и в городе, — попыталась возразить, но уже гораздо спокойнее. Основной запал пропал. Плавная, размеренная речь Ильи действовала успокаивающе.

— И, если он захочет, мы можем их сюда привезти, — тут же нашелся мужчина. Прямо, все продумал! — Я не собираюсь красть у тебя твоего сына, завлекая его всякими плюшками. Мы по-прежнему будем каждый день приезжать к тебе в больницу. А когда тебя выпишут... — он как-то странно кашлянул и замолчал.

— Что будет, когда меня выпишут? — подозрительно сощурилась.

У него явно имелись на этот счет какие-то свои планы, и мне очень хотелось их услышать. Свои я и так знала — вернуться в квартиру, сменить замки, сделать ремонт в прихожей. Чтобы ничто не напоминало мне о том, что там случилось. А еще молиться, чтобы он больше никогда не появился в моей жизни.

— Поживем — увидим, — ушел от ответа Илья.

— Зачем тебе такие сложности? — решила в очередной раз выпытать у мужчины, что же им все-таки двигало. — Ты же нас совсем не знаешь.

— Ошибаешься, — возразил он. — С твоим сыном мы успели подружиться еще до всего этого. Нашли общий язык на фоне любви к хоккею. К тому же меня учили, что женщинам, попавшим в беду, надо помогать.

— Прямо рыцарь в сияющих доспехах, — фыркнула.

— Ну, до рыцаря мне еще далеко, — усмехнулся Илья. — Но я стараюсь. И когда мы приедем к тебе завтра, я с радостью отвечу на все вопросы о моей персоне, которые, я уверен, сейчас роются в твоей очаровательной головке.

— Непременно ответишь. Их у меня накопилось очень много.

— Не переживай, пожалуйста. Твоему сыну ничего не угрожает. И никаких баб водить в свой дом я не собираюсь.

— Очень на это надеюсь.

На меня навалилась чудовищная усталость. Эмоциональный разговор с Моровым вытянул из меня все силы. Глаза начали закрываться.

В это момент в палату вновь вошел Карпин. Увидев, что я все еще разговариваю по телефону, жестом показал, чтобы я не вешала трубку. Он тоже хочет поговорить со своим другом.

— Здесь Станислав, — сказала, прерывая разговор. — Он что-то хочет сказать тебе.

— Хорошо. Поправляйся, Ириш, и не нервничай.

— Это сложно сделать, когда мой сын находится с совершенно незнакомым мне человеком.

Илья возмущенно засопел, но я не стала дожидаться, пока он подберет слова, быстро с ним попрощалась и передала трубку Карпину. Стоило доктору выйти из палаты, как меня тут же сморил сон. Последней мыслью, посетившей меня, было то, что я так и не попрощалась с Никиткой. Надеюсь, что он не обидится.

Илья

— Я должен тебя предупредить, — на другом конце провода раздался озабоченный голос Стаса. — В понедельник в больницу приедут социальные службы, их кто-то известил. А поскольку у Ирины и Никиты нет родственников, они должны будут определить проживание мальчика.

— Он будет жить со мной, — я тут же ощетинился, когда над моей головой замаячил призрак злобной тетки. Именно такими мне всегда представлялись работники данного аппарата.

— Не знаю, зачем тебе это все надо, — вздохнул друг, — но если ты никем не являешься для этой семьи, то выбора у тебя особо не будет.

— Я что-нибудь придумаю, — отрезал и, не прощаясь, повесил трубку.

Твою мать! Выругался сквозь зубы. Этого мне еще не хватало. Мало мне проблем с Ирой, теперь еще и это...

Надо срочно что-то решать. Если я правильно помню, можно оформить на меня доверенность на представление интересов ребенка. Главное, чтобы Ира на это согласилась. И не заявила в присутствии тетки, что я — никто и хочу украсть у нее ребенка. После только что произошедшего разговора я не удивлюсь, если она сделает именно это.

Перебирая в голове варианты, как лучше поступить, я метался по заднему двору Строгановых, как загнанный в ловушку зверь. В какой-то момент мои метания заметила Оксана и вышла ко мне.

— Что-то случилось?

— Кто-то из жильцов дома сообщил в органы опеки, что Иру забрали в больницу, и что ей не с кем оставить малого, — не сказал, прорычал, яростно пиная ни в чем неповинную игрушку, неудачно подвернувшуюся мне под ноги.

— Почему ты думаешь, что это кто-то из жильцов? — удивилась Строганова.

— Больше некому. Стас бы не стал, а этот мудила определенно скрылся на время с горизонта, чтобы его не замели. Черт бы побрал эту вездесущую бабку! Уверен, это Макаровна.

— А ей-то это зачем? — еще больше удивилась Оксана.

— Потому что этой противной бабке всюду надо сунуть свой нос. Она даже будет верещать, что сделала это исключительно ради общего блага. Мать ее за ногу!

— Илья, — женщина подошла ко мне, осторожно погладила по спине, пытаюсь успокоить. — Позвони завтра Андрею. Составьте доверенность на тебя. И если мать подтвердит, что Никита находится с тобой с ее согласия, плюс доверенность, они не смогут ничего сделать. Да и не будут даже пытаться. С радостью закроют дело, поскольку с мальчишкой все будет хорошо, и им не надо будет с ним возиться.

— Да, наверное, — проведя рукой по лицу, постарался взять себя в руки. — Главное, чтобы Ира согласилась.

— А она может отказаться? — скрестив руки на груди, спросила Оксана.

— Она сегодня обвинила меня черт знает, в чем, — невесело рассмеялся в ответ. — Между строк читалось: она думает, что я хочу похитить ее сына.

— Ее можно понять, — покачала головой Строганова. — Не смотри на меня так, —

подняла руки в защитном жесте, когда я метнул в ее сторону яростный взгляд. — Я же не говорю, что ты действительно на это способен. Но я прекрасно представляю, какие мысли могут роиться в голове одинокой мамочки, которой пришлось оставить сына под присмотром неизвестно кого.

Помотал головой, отрицая самую мысль, что подобное могло прийти в голову Ире. Стало так противно, что она считает меня чуть ли не бандитом. Да, ее сложно винить, но я же не такой! Боже, как же мне хочется, чтобы эта женщина мне доверяла. Целиком и полностью.

— Илья, — осторожно подала голос Оксана через несколько минут молчания, — скажи, наконец, действительно, почему ты так с ними носишься?

— Да потому что я влюбился, Строганова! — Всплеснул руками, резко повернулся, яростно сверкая глазами. От неожиданности жена друга сделала пару шагов назад, отчего мне стало еще хуже. Уж очень сильно этот жест напомнил мне себя самого, мелкого, когда я шарахался от отца. — Представляешь, — горько ухмыльнулся, понизив голос. — Влюбился в соседку. Я наблюдал за ней и ее сыном весь этот год, что жил в квартире родителей. Еще в первый вечер, поняв, что малой ходит на хоккей, и прекрасно зная, что ближайшая секция — та, в которую ходил я сам, выяснил расписание домашних матчей. Ходил на каждый, следил за малым и любовался его матерью. Как маньяк, честное слово. Или помешанный.

Устало опустился на ближайший к бассейну, разбитому на заднем дворе, шезлонг, затем продолжил:

— Все это время не позволял себе даже думать, что это может быть причиной моего повышенного интереса к женщине. Списывал на то, что мне просто интересно, как играет малец. Да и как вообще сейчас построена игра мелких. Говорил себе, что это лишь для того, чтобы знать все ли с ними в порядке. Приглядывал за ними исподтишка. Запрещал даже малейшую мысль, что могу испытывать к ней хоть какие-то чувства. Баб начал трахать с удвоенной силой, пытаюсь что-то самому себе доказать, — на этих словах Оксана поморщилась, но ничего не сказала. — Я думал, у них семья. А рушить ячейку общества я бы ни под каким предлогом не стал. Вообще... я никогда никого не любил, знаешь? — искоса посмотрел на сидевшую на соседнем шезлонге женщину, внимавшую каждому моему слову. — Думал, что это все не для меня. Не верил во всю эту ерунду с настоящей любовью. Пока Макс тебя не встретил, — криво улыбнулся ей, позабавившись тому, как Оксана выпучила глаза от удивления. — Глядя на вас, решил, что, походу, не бред это все. Не сказки для сопливых романтиков. Ты заставила меня поверить, что в этом прогнившем насквозь мире бизнеса, в котором мы с Максом крутимся, где единственное желание большинства — это захватить побольше бабла, есть настоящие женщины. Женщины, способные любить. Любить беззаветно, не ожидая ничего взамен.

Поднял голову, посмотрел на небо, на котором начали появляться первые звезды, вздохнул. С каждым словом из меня выходило напряжение последних суток. Мне становилось легче, как будто с моих плеч понемногу убирали тяжеленные камни, наваленные неизвестно кем.

— И мне захотелось того же для себя. Вот только... увидев Иру, встретив, наконец, ту, что мне была нужна... Опознав ее с первого взгляда... Я не поверил. Или испугался. Или, черт его знает, что еще. С Никиткой только подружился. Да так, что мать его ни о чем не знала. Не хотел почему-то. Но при первой же возможности, когда появился шанс закрепиться в их жизни, я ухватился за него. Но как-то все... через жопу вышло, если честно...

Сгорбившись, как старик, замолчал. Больше мне сказать было нечего. Я признался в том, в чем не хотел признаваться себе на протяжении года, прикрываясь обычным желанием хорошенькой цыпочки.

— Ох, Моров, — тяжело вздохнула Оксана. — Любишь же ты сам себе создавать проблемы, а потом героически их решать.

Я передернул плечами, не опровергая ее слова, но и не соглашаясь с ними.

— Поговори с Ириной, — мягко сказала она, чуть сжав мою коленку. — Не кричи, конечно, о своей неземной любви с порога, но дай ей узнать тебя. Таким, каким знаем тебя мы, — она махнула рукой в сторону дома, — и ее сын. У тебя сейчас есть преимущество.

— Какое же? — скептически посмотрел на жену друга.

— Время, — улыбнулась она. — И то, что она находится в безвыходном положении. Чтобы она не говорила, если Никитка скажет, что ему хорошо с тобой, она не будет сопротивляться. Да, будет по-прежнему тебя подозревать, но это нормально. И продлится лишь до тех пор, пока не поймет, кто же ты такой на самом деле.

— Я превратился в сопляка с этой любовью, — нахмурился, поднимаясь с шезлонга и засовывая руки в карманы джинс.

— Не переживай, Моров, — подмигнула мне Оксана, — я никому не скажу. Для большинства ты так и останешься злобным и грозным медведем.

— Рассчитываю на тебя, Строганова, — ткнул в нее пальцем, ухмыльнувшись. — На кону моя репутация.

Ирина

Проснувшись на следующее утро, я чувствовала себя гораздо лучше. Боль в ребрах, ноге, да и от синяков не прошла, но голова беспокоила гораздо меньше. Мысли уже не так путались. И в чувствах наступил относительный порядок.

К тому же, по словам доктора Карпина, Никитку привезут навестить меня к часу дня. И мне было, чего ждать, пока проходила все необходимые процедуры. И томография ничего страшного не показала, что радовало.

В общем, сегодня мир мне казался прекраснее, чем вчера.

С этим настроем я встретила ворвавшегося словно ураган Ника. За ним, недовольно хмурясь и качая головой, зашел Моров. Меня опять-таки поразили размеры мужчины — какой же он все-таки большой. Интересно, он везде такой?

Вспыхнув от неуместной мысли, поспешила сосредоточить все свое внимание на сыне, чтобы не встречаться взглядом с Ильей. Почему-то мне казалось, что он сможет по глазам понять, о чем я думаю.

Поздоровавшись, Никита вывалил на меня еще больше подробностей вчерашнего дня. Я слушала, периодически смеясь. Моров тоже не остался в стороне, иногда поправляя, если сын начинал что-то забывать или выдумывать.

— Не было такого, — завил он, когда Ник начал рассказывать про перевернувшего стол с закусками Рому. — Я хорошо помню, что это был некто со светлыми, как у мамы, волосами и хитрющим взглядом.

Никитка покраснел, что-то пробурчал, но быстро отошел от того, что его поймали с поличным, и продолжил свой рассказ.

Когда он закончил, вздохнул, словно готовился к прыжку, и неожиданно для меня сказал:

— Только я не хочу идти сегодня на тренировку.

Я удивленно на него посмотрела:

— Но почему? Ты же любишь хоккей.

— Мы это уже с тобой обсуждали, — сказал одновременно со мной Моров, хмуро глядя на Ника.

А вот это уже интересно.

— Обсуждали? — перевела взгляд на мужчину, уже не боясь, что он может что-то такое увидеть.

Все эмоции были вытеснены удивлением и, чего греха таить, возмущением. Что этот человек что-то такое обсуждает с моим сыном, при этом не ставит меня в известность.

Справедливости ради стоит сказать, что до меня все-таки донесли информацию о нежелании Кита идти на тренировку, но сделал это не Моров, а сам Ник. И это не добавляло очков мужчине. Что-то мне подсказывало, что он не собирался мне ничего говорить, и решить эту проблему самостоятельно. Но это мой сын! Не его. И решать его проблемы должна я, а не всякие бородатые дядьки.

— Никит, — обратилась к насупившемуся сынишке, — объясни, пожалуйста, почему ты не хочешь идти на тренировку?

— Потому что, — было мне ответом.

— Это не объяснение, малой, — раздался раздраженный голос Ильи.

Я бросила на него недовольный взгляд. Он ответил мне тем же. Мне показалось или ему было также важно, чтобы Никита продолжил тренировки, как и мне?

Но я-то знаю, почему этого хотела: тренер не раз говорил — у сына талант, он сможет, если захочет, играть в высшей лиге в дальнейшем (и до сегодняшнего дня он этого хотел). Но почему Илья в этом так заинтересован?

Никитка что-то тихо сказал. Даже мне, сидящей с ним рядом, не удалось услышать ни слова, а Морову и подавно.

— Повтори, пожалуйста, — попросила, осторожно взяв за руку.

— Если я буду ходить на тренировки, я не смогу быть постоянно рядом с тобой, чтобы защитить, — выпалил на одном дыхании мой малыш и посмотрел на меня широкими, испуганными глазами, в которых плескалось упрямство.

— Ох, малыш... — выдохнула, не зная, что на это ответить.

Мне одновременно хотелось и смеяться, и плакать. И радоваться, что я, не смотря ни на что, смогла вырастить настоящего защитника, и страдать по этому поводу. Потому что мой мальчик был еще слишком мал для того, чтобы защищать свою маму. Для этого в нормальных семьях существуют отцы. Вот только у нас такого защитника не было.

— Но сейчас ты тоже не находишься рядом с мамой двадцать четыре часа в сутки, — резонно заметил Илья, чем заработал еще один возмущенный взгляд от меня.

— Сейчас она в больнице, под присмотром, ты сам сказал это, — парировал мальчик, бесстрашно встречая недовольный взгляд мужчины.

Я, вдруг, подумала, что оказалась лишней на этом празднике жизни. Что между двумя мужчинами происходит какой-то непонятный и неслышный мне диалог. А еще мне показалось, что именно этими репликами они обменивались, когда уже обсуждали поход Никиты на тренировку. И что сейчас они начали все сначала.

— Да, и я не отказываюсь от своих слов, — кивнул Моров. — Поэтому и не вижу никаких причин для того, чтобы пропускать сегодняшнюю тренировку.

— Сегодня тренер будет выбирать, кто будет в основном составе в следующем сезоне. И в зависимости от этого будут построены все наши дальнейшие тренировки. И если он выберет меня, то я не смогу уйти.

Видно было, что Никита основательно подготовился для защиты своей позиции. Только я не хотела, чтобы он гробил свои шансы стать хорошим спортсменом ради матери-катастрофы.

— А почему ты не сможешь уйти потом? — решила зайти с другой стороны.

— Потому что я не смогу подвести команду, — как глупой, ответил мне Никита.

Подавив улыбку от его тона, вкрадчиво спросила:

— А разве твой уход сейчас не будет означать, что ты подведешь команду?

— Нет, — упрямо потряс головой сынок. — Сегодня тренер еще сможет выбрать другого игрока, а потом он будет на меня рассчитывать.

Поняв, что зашла в тупик, и мои доводы закончились, посмотрела совершенно беспомощным взглядом на Морова. Может, он сможет найти подход к моему упрямому сыну? Может, у него еще остались неиспользованные аргументы?

На мысли о том, что снова вверяю своего ребенка в руки этого фактически незнакомца, решила не заикливаться. Опять у меня не было выбора. А Моров, судя по всему, был в одной со мной команде — тоже хотел, чтобы Никитка продолжал.

Илья

Перехватив взгляд Иры, подавил довольную улыбку. Ей все-таки нужна моя помощь, хотя бы в этом, и она это признает. Уже что-то. А то поначалу дырку во мне готова была прожечь.

— Никит, — позвал мальчика, — а что, если рядом с твоей мамой всегда будет защитник?

Глаза женщины от удивления расширились. Да, малышка, это то, о чем ты подумала. Но я пока не об этом. Свои услуги я предложу тебе позже.

— И кто же? — нахмурился малец.

— Например, собака. Большая, способная откусить руку.

— У нас нет собаки, — возразил он.

Справедливо. А еще у вас в квартире определенно нет для нее места. Зато его полно в моем особняке.

— Мы можем ее завести. Ты будешь с ней гулять, заботиться о ней. Мы ее поведем к кинологу, а он, в свою очередь, научит ее быть защитником.

Никитка задумался. Ира опять окинула меня недовольным взглядом. А она сексуально выглядит, когда злится.

— Не знаю... — неуверенно протянул пацан, все еще сомневаясь.

Но я видел, что на самом деле он не хотел бросать тренировки. Просто очень сильно беспокоился о своей матери. Это было похвально, конечно, но ему же надо ходить еще в школу. И не думаю, что Ирина будет в восторге, если через несколько месяцев, когда наступит новый учебный год, ей придется переживать с ним подобный разговор снова.

— Хорошо, — заявил он через некоторое время. — Но собака должна быть очень большой.

— Никит... — начала было Ира, но я ее перебил.

— Погуляй пока, а мы с твоей мамой обсудим особенности содержания таких собак в городских квартирах.

Малой подозрительно на меня посмотрел, покачал головой, но безропотно вышел из палаты.

Мы остались с Ирой наедине. Женщина буравила меня недовольным взглядом. Я буквально видел, как из ее ушей валит дым. Не закипай, красотка, вот увидишь, все не так плохо, как тебе кажется сейчас.

— Я не могу завести огромную собаку, — воскликнула она, когда за Никиткой закрылась дверь. — У меня слишком маленькая квартира.

— Об этом поговорим потом, — отмахнулся, — сейчас надо обсудить дела поважнее.

— Какие? — тут же напряглась Ирина.

— Наша вездесущая соседка пожаловалась в социальные службы. Они завтра придут тебя проведать и определить место проживания Никиты на то время, что ты будешь находиться в больнице.

— Что? — ахнула она. — Но...

Ее глаза расширились от страха, противный звук машины, стоящей рядом с ее кроватью, известил об участившемся сердцебиении.

— Еб твою... — выругался, подскочив со стула.

От резкого движения Ира вздрогнула. Вся как-то сжалась.

— Дьявол! — рыкнул я, поняв, что напугал молодую женщину. — Ира! Успокойся!

Ее практически трясло. У меня же внутри все переворачивалось. Меньше всего на свете я хотел ее напугать, но сказать надо было, иначе завтра было бы еще хуже.

— Ира! — подскочил к ней, схватил за руку.

Осторожно сжал нежную ручку, заглядывая в глаза, шептал что-то несвязное, пытаюсь успокоить. Спустя некоторое время мне это удалось. Она сделала несколько глубоких вдохов, прикрыла глаза, в которых блестели слезы.

— Извини, — прошептала.

На ней лица не было. Осмотревшись, не отпуская ее руку, крепко сжимавшую мою, поднес к бледным губам стакан воды.

— Выпей, — подтолкнул девушку.

После того, как она осушила практически весь стакан, посмотрела на меня. Дрожащие губы раздвинулись в подобии улыбки.

— Я не могу позволить, чтобы моего малыша забрали. Что делать, Илья?

— У меня есть знакомый юрист, — начал торопливо, стараясь выложить всю информацию, пока она снова не запаниковала. — Я с ним сегодня проконсультировался. Он сказал, что твоих слов о том, что Никитка находится со мной с твоего согласия, должно хватить. Но на всякий случай можно оформить на меня доверенность. Что ты даешь мне право представлять интересы Никиты, если потребуется. Никто не заберет твоего сына, не переживай.

Ира яростно закивала.

— Да, да, конечно, я готова.

У меня складывалось впечатление, что кроме моего заверения, что Никиту никто не сможет в таком случае забрать, она ничего больше не услышала. Поэтому решил повторить. Медленно, не отпуская ее взгляд, из которого пропадали паника и отчаяние, вновь постарался донести свое предложение. Нужно было, чтобы она полностью осознавала, на что соглашается. А то обвинит меня потом еще в какой-нибудь херне, когда придет в себя.

— Я поняла, Моров, — поморщилась, чуть ослабляя хватку на моей руке. — Я согласна. Когда твой друг сможет прийти, составить доверенность?

— Завтра утром. Мы заедем с ним. Потом поговоришь со следователем. Ты же не отказалась от идеи написать заявление?

Посмотрел на нее подозрительно. Вдруг, она решила, что не будет этого делать, а потом и вовсе вернется к этому мудаку, когда выздоровеет. Сердце сжала ледяная лапа страха. Непривычное чувство. И очень неприятное.

— Ни в коем случае, — в серых глазах полыхнул гнев. — Очень надеюсь, что этого хватит, чтобы он за все ответил.

— Не переживай, малышка, — мягко прошептал, поднося ее ручку к губам и целуя маленькие пальчики. — Я его из-под земли достану. А потом снова закопаю. Так, что он никогда не сможет оттуда выбраться.

Ира слабо улыбнулась. Гнев в прекрасных глазках сменился удивлением от моего жеста. Да я и сам от себя был в шоке, но извиняться и не думал.

Стоило мне признать то, какие чувства я испытываю к этой фее, как в голове созрел план ее соблазнения (и немножко приручения). И в своей излюбленной манере переть

напролом, как это называл Макс, я не собирался от него отказываться.

«Ты непременно будешь моей, крошка, — подумал, разглядывая милое личико, обезображенное синяками. — Хочешь ты этого или нет. А ты непременно захочешь. Уж я-то постараюсь.»

Илья

Я еще немного посидел у постели Иры, терпеливо отвечая на все ее вопросы обо мне. А их, и правда, накопилось великое множество. Потом к нам присоединился Никита. Оставив их пообщаться вдвоем, вышел из палаты, напомнив напоследок, что через десять минут нам надо отправляться на тренировку. Иначе опоздаем, а Валерий Аркадьевич нам этого точно не простит.

Малой вышел от матери спустя минут пять, я даже не успел заскучать.

— Ну, что? Выдвигаемся? — спросил его, стараясь отвлечь от грустных мыслей.

А они были, если судить по взгляду Никиты, который он бросил на дверь палаты, когда она закрылась.

— Да, — вздохнул он.

Глянул на меня с сомнением, а затем, словно на что-то решившись, сказал:

— Дядя Илья, ты уверен, что маме здесь ничего не грозит?

— Она уже провела тут сутки, и с ней ничего не случилось, — заметил, подталкивая мальчика в сторону выхода из больницы.

Он пожал плечами, явно не успокоившись от моих слов.

— А если он сюда придет?

В голосе мальчонки явственно чувствовался страх, который терзал его изнутри. Я нахмурился. Мне не нравилось не только то, что у него возникали подобные мысли, но и то, что гарантировать на сто процентов безопасность Иры я не мог.

Да, я договорился с охраной больницы, чтобы мне сообщали обо всех посетителях, что искали бы встречи с молодой женщиной, но... Все-таки, городская больница — не частная клиника. Охранник, хоть и получивший от меня довольно внушительную сумму, вполне мог кого-то упустить.

В любом случае, сообщать о своих мыслях Никите я не собирался. Он должен быть уверен, что с матерью все будет хорошо. Иначе не сможет сосредоточиться на тренировке. Мысли будут витать где-то далеко. Не сомневаюсь, что тренер, зная ситуацию, может допустить пару поблажек, но не более того.

— Он не придет сюда, не переживай, — чуть сжал его плечо и с уверенностью, которой не ощущал, посмотрел ему в глаза.

Мы на мгновение зависли, глядя друг на друга. В конце концов, Никита улыбнулся, видимо, поверив мне.

— Спасибо, что заботитесь о маме.

Сглотнув неожиданно появившийся в горле ком, прохрипел:

— Я всего лишь доставил ее в больницу. Остальное было делом врачей.

— Но вы присматриваете и за мной, — справедливо заметил он. — А от этого маме спокойнее, а, значит, она быстрее пойдет на поправку.

— Ее все равно не выпишут раньше, чем через две недели, — поспешил напомнить, открывая дверь на улицу.

— Главное, чтобы она выздоровела, — сказал мальчик, вновь погрузившись в грусть.

— Так, пацан, — не выдержал я, включив режим строгого взрослого мужика, — кончай хандрить и настраивайся на тренировку. Об остальном я позабочусь.

Никита кивнул, забрался на заднее сиденье машины и всю дорогу до дворца спорта молчал, задумчиво глядя в окно.

Мне тоже нечего было больше добавить. Я и так уже исчерпал лимит воодушевляющих речей. За последнее время я сказал их великое множество. То успокаивая Иру, то — Никиту. То — себя...

Когда мы подъехали к нужному зданию, пришлось минут пять искать место, где припарковаться. Вся стоянка была забита машинами. Что за черт? Практически лето на дворе, в подобных местах должно быть меньше людей, чем обычно, отпуска и всякое такое.

С трудом сдержавшись, когда меня подрезал какой-то мудила на старом жигуленке, нашел-таки парковочное место. Заглушив двигатель, повернулся к Никите.

— Выдвигаемся, малой. Приехали.

Он кивнул и вылез из машины. Тяжело вздохнув, вышел следом. Хотелось бы мне, чтобы мое знакомство с этой семьей приключилось при совершенно других обстоятельствах. Более... нормальных что ли... Но, что есть, то есть. Будем исходить из того, что имеем. И попытаюсь сделать из дерьма конфетку. Очень сильно надеюсь, что у меня это, в итоге, получится.

Открыв багажник, вытащил спортивную сумку и клюшку. На мгновение я словно вернулся в детство, когда вот также доставал из машины отца свои пожитки. На этой же самой парковке.

— Дядя Илья... — услышал, как меня зовет Никита, вздрогнул и обернулся, натягивая на лицо широкую улыбку (надеюсь, что она не была похожа на гримасу).

— Извини, задумался, — встряхнувшись, протянул мальцу клюшку. — Веди, Сусанин. Я, конечно, тоже здесь занимался, но за столько лет расположение раздевалок могло и поменяться.

— Мне кажется, что они те же самые, если судить по их состоянию, — нахмурился пацан, заставив меня рассмеяться.

Не ожидал от него такого описания. Будь ему лет побольше, то — да. Хотя... может, это нормально? Хрен его знает, я из детей только со Строгановскими общался, а они только-только до этого возраста доползли.

— Тогда я могу не переживать, что заплутаю на обратном пути, — усмехнулся и первым двинулся в сторону здания, раз уж я знал, куда нам идти.

— А вы меня ждать не будете? — вдруг бросил на меня неуверенный взгляд Никита.

— Во-первых, малой, давай на «ты», а то я чувствую себя стариком, — дождавшись, когда он кивнет, продолжил, — а, во-вторых, конечно, дождусь. Но не под дверьми же зала мне сидеть. Тренировка продлится где-то час, правильно?

— Да.

— Во-о-от, — протянул, когда он подтвердил мои предположения. — В зале сидеть мне не дадут. Подожду в машине.

— Хорошо, — услышав, что я никуда от него не денусь, мальчик расцвел.

В который раз за последнее время у меня сжалось сердце от нежности и жалости к этому мальчику, на пути которого только сейчас встретился настоящий мужчина (да, скромностью я не страдаю, ну и плевать). А ведь скорее всего всю его жизнь роль мужика в семье приходилось выполнять его матери. Очень сильно сомневаюсь, что те существа, что появлялись в их жизни, хоть чуточку тянули на эту роль.

Чему я, собственно, рад. Случись подобное, и у меня не было бы сейчас ни малейшего

шанса.

— Соколов, рад тебя видеть.

У дверей, ведущих к раздевалкам, нас встретил ухмыляющийся мужик лет пятидесяти. Судя по спортивному костюму и свистку на шее, а также по тому взгляду, которым он меня окинул (он прямо-таки говорил: «Так вот ты какой... друг семьи...»), это и был знаменитый Валерий Аркадьевич.

Прищурившись, пытался понять, где я мог его видеть, но, как ни напрягал память, на ум ничего полезного не приходило. Но я точно где-то уже встречался с ним. Вопрос — где? И когда?

— Здравствуйте, Валерий Аркадьевич, — поздоровался малой, немного стусевавшись.

— Как мама? — посерьезнев, спросил мужчина.

— Идет на поправку, — ответил за Никиту, перетягивая внимание тренера на себя.

Тот вновь окинул меня оценивающим взглядом, кивнул каким-то своим мыслям и опять посмотрел на малого.

— Тренировка начнется через пятнадцать минут. Иди, переодевайся.

Мальчик обернулся и посмотрел на меня немного потерянным взглядом, отчего Аркадьич нахмурился, но я послал малому ободряющую улыбку и подтолкнул к дверям, также, как сделал ранее в больнице.

— Иди. И помни, о чем мы с тобой говорили.

Никита кивнул и скрылся за медленно закрывающимися дверями.

— Надеюсь, что вы говорили с ним не о том, что ему стоит бросить хоккей, потому что он — полный ноль, как это делал предыдущий хахаль его матери? — зло сощурившись, спросил тренер.

Скрипнув зубами при очередном упоминании этого мудака, прямо встретил взгляд мужчины и покачал головой.

— Нет, — отрезал. — Я сам занимался когда-то хоккеем. Видел, как Никита играет. Я считаю, что у него может быть будущее в хоккее, если он продолжит в том же духе.

— Согласен, — удовлетворенно крякнул Аркадьич, расслабляясь. — Конечно, пока еще слишком рано говорить. В конце концов, более понятно станет лет через пять, но у меня на него большие планы.

Мы немного помолчали. Я, на самом деле, не собирался общаться с тренером наедине. Передать из рук в руки Никитку — да, но обсуждать с ним дальнейшую судьбу мальчика считал не совсем правильным. У меня пока не было на это полного права. То, что я это самое право собирался получить всеми возможными способами, дела не меняло.

Решающими в данном случае будут все равно слова Иры и Никиты. Мы же с тренером можем думать и планировать, сколько душе угодно. Но без их согласия, наши планы — курам на смех.

— Ты же Илья Мороз? — вдруг спросил тренер, чем несказанно меня удивил.

— Да-а... — протянул и вытаращился на него широко раскрытыми глазами.

— Я помню, как ты играл, — прекратил церемониться Валерий Аркадьевич, — я только завершил свою карьеру, а мой бывший наставник был вашим тренером.

— Зоров? — удивился я.

Не знал, что кто-то из учеников Зорова стал профессиональным хоккеистом. Правда, удивляться тут было нечему. Константин Игоревич был хорошим тренером. И мужиком отличным. Не раз я благодарил судьбу за то, что послала мне его в качестве тренера. Если бы

не он, вложивший в меня не только время, но и душу, неизвестно, в утырка какого разряда я превратился бы.

— Он самый, — кивнул мужчина. Его взгляд подернулся дымкой воспоминаний. — У вас была очень хорошая тройка. Моров, Карпин и...

— Строганов, — подсказал, когда понял, что ему так и не удастся вспомнить фамилию Макса.

— Да, — вновь кивнул он. — Практически непобедимая. Почему играть перестали?

— Родители Стаса Карпина поставили тогда перед ним условие — они оплачивают его игры в школе, а он потом идет учиться в медицинский. Для Макса Строганова хоккеем всегда был лишь развлечением, хоть он в нем был хорош.

— А ты? — спросил тренер, когда не дождался продолжения.

А что я? Я, не смотря на всю мою любовь к этой игре, хотел оказаться как можно дальше от родителей при первой же возможности. И служба в армии на дальних границах нашей родины была идеальным вариантом.

— Не сложилось, — не стал вдаваться в подробности я. Уверен, что они ему не нужны.

— Жаль, — хмыкнул Аркадьич. — Ладно, — хлопнул он в ладони и посмотрел на часы, — мне пора, иначе опоздаю. Не хорошо получится, если тренер опоздает на тренировку, тогда как каждый раз готов чуть ли не шкуру снять с опоздавшего игрока, — весело ухмыльнулся он.

Я ухмыльнулся в ответ. Пожелав друг другу хорошего дня, мы распрощались. Он отправился на тренировку, я — коротать время в ожидании мальчика.

Надо бы позвонить Борисычу, договориться о завтрашней встрече, вспомнил я, по дороге к машине. Хотелось, чтобы Ира как можно скорее написала заявление на этого недоноска. Во мне все еще сидел страх, что она могла передумать. А, как только напишет, пути назад не будет. Потому что забрать его я ей не дам. И Борисычу запрещаю принимать отзывает.

И вообще, сделаю все, чтобы эта шикарная женщина и ее очаровательный сын пустили корни в моем доме, который я строил будто знал, что в нем будет жить настоящая семья, а не одинокий холостяк.

Покачав головой от сопливо-романтических мыслей, что полезли в голову, забрался в машину, набирая номер друга.

— Борисыч, привет! — преувеличенно бодрым голосом сказал я, стоило тому поднять трубку.

— Слишком жизнерадостно для тебя, Моров, — хмыкнул друг. — Чего надо?

Я не стал ходить вокруг да около и вкратце описал ему ситуацию. Попутно выслушал пару замечаний, состоящих исключительно из ненормативной лексики. В итоге, договорились, что он приедет в больницу к часу. К тому времени мы с Андреем уже должны закончить.

Вспомнив, что завтра Иру еще должна была навестить карга из социальной службы, выругался сквозь зубы. Придется предупредить Макса, что в офисе я завтра не появлюсь. Не думаю, правда, что он будет сильно по мне скучать, учитывая, что большую часть времени он и так проводит в нем в одиночестве, поскольку я постоянно мотаюсь в командировки.

По-хорошему, мы должны бы ездить в них по очереди, но коль скоро до текущего момента семья была только у Макса, а мне не впирало проводить огромное количество времени в полупустой квартире, мы договорились, что он занимается делами на местах, а я

мотаюсь из города в город.

Вот только... сейчас все, похоже, изменилось. И этот момент нам придется с Максом утрясти рано или поздно. Я верил в благоразумие лучшего друга, но червячок сомнения меня все-таки точил.

Прикрыв глаза, откинулся на сиденье. Как-то все стало сложно. То утряси, это... И мне это нравилось, черт возьми. Очень. Улыбнувшись своим мыслям, решил подремать. Думаю, Никитка догадается постучать в окно, когда дойдет до машины.

Проснулся я и правда от стука в окно. Продрав глаза, повернул голову. Улыбнулся заглядывающему мальчишке и опустил стекло.

— Как тренировка?

— Отлично, — воскликнул пацан. Его буквально распирало от радости. — Меня выбрали в основной состав. Нападающим. Я уже позвонил маме, она очень рада.

— Я тоже, малой, — широко улыбнулся, похлопав его по спине и помогая убрать в багажник сумку с клюшкой. — Забирайся, — открыл перед ним дверцу. — Не хочешь куда-нибудь заехать — отметить это дело? — предложил, когда сел за руль, заводя машину.

— В Макдональдс, — тут же сказал он.

Рассмеявшись, покачал головой. Что же. Не могу его винить, мне эта абсолютно нездоровая и до жути вредная пища тоже очень нравится.

— Оке. Поехали.

Встретил его взгляд в зеркале заднего вида, еще раз улыбнулся, подмигнул, и мы помчались в ближайший ресторан, набивать животы всякой гадостью.

Ирина

С тех пор, как Илья с Никитой ушли на тренировку, оставив меня наедине с мыслями о предстоящих завтра встречах, я вновь не находила себе места от беспокойства.

Всего двадцать четыре часа назад я переживала по поводу того, что Моров будет заботиться о моем сыне — незнакомый бородатый здоровяк, с которым, как оказалось, мой сын был хорошо знаком — теперь же я думала лишь о том, чтобы завтра все прошло удачно, и Никитка так и остался на попечении этого бородатого здоровяка, пока не меня не выпишут из больницы.

Эти мысли не отпускали меня весь остаток дня и всю ночь. Даже радость за сына, что его взяли в основной состав, не смогла их приглушить.

Помимо этого, у «очнувшейся» меня, смотрящей на себя в зеркало с утра, в голове не укладывалось, как девочка, бегавшая с палкой за соседскими пацанами по двору, допустила, чтобы какое-то ничтожество избило ее до бессознательного состояния. Если бы мы жили в каком-нибудь фантастическом романе, точно подумала бы, что он меня околдовал или опоил каким-то жутким зельем.

Мне определенно нужно сходить к психологу. Кстати, я так и не спросила об этом доктора Карпина. Поставив мысленно зарубку на будущее, умылась, как могла, дохромала до кровати и со стоном опустилась на ее поверхность.

Мне перетянули ребра, наложили гипс на ногу. Но каждое движение все равно вызывало боль, пусть и приглушенную обезболивающими, на которые меня вчера к вечеру вновь посадили, с высочайшего разрешения моего доктора.

Жутко хотелось хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Накраситься, например. Но это было роскошью, пока что для меня недоступной. Кровоподтеки спали, и синяки на лице были «приятного» желто-зеленого цвета. Первая красotka на селе, елки палки. Да и губа все еще побаливала.

Улыбнувшись, посмотрела на аккуратно открывшего дверь (наверное, думал, что я еще сплю, и не хотел тревожить. Милота какая!) Морова.

— Привет! — поприветствовала его преувеличенно бодрым и жизнерадостным голосом.

Хотя этой жизнерадостности ни капли не ощущала. Илья, видимо, это понял, потому что тут же нахмурился и покачал головой.

Недовольно цыкнув, присел рядом с моей кроватью, взял за руку, как и вчера. И у меня, как и вчера, не возникло желания ее отдернуть. Вид моей маленькой ладошки в его огромной ручище не вызывал отторжения. Наоборот, дарил ощущение спокойствия. Ощущение, о существовании которого я успела забыть.

— Привет, — поздоровался, поглаживая мои пальцы своими. — Прекрати нервничать.

— С чего ты взял, что я нервничаю? — спросила, чуть наклонив голову.

Было очень интересно, как у него так получалось меня чувствовать. Для малознакомцев, коими мы с ним были, мы очень быстро настроились на одну волну.

По крайней мере, что касается него. Мне-то пока тяжело было понять, о чем он думает, но я буду стараться. Очень хочется получше узнать этого загадочного мужчину. И мое любопытство только усилилось, после тех дифирамбов, что напел о нем Никитка.

— Я вижу, — закатил глаза Моров, отрывая меня от изучения своей персоны. — Ты

теребишь одеяло, закусываешь губы, — я тут же прекратила это делать, когда его взгляд сосредоточился на моих губах (при этом в нем мелькнуло какое-то выражение, смысл которого я понять не смогла, но определенно его уже видела у Ильи). — Еще эта морщинка, — ухмыльнулся он, поднимая руку и дотрагиваясь до моего лба.

Шумно выдохнув, постаралась расслабиться. Естественно, у меня это не получилось.

— Не могу, — покачала головой. — Слишком сильно переживаю по поводу того, как пройдет сегодняшней день.

— Все будет хорошо, — мужчина чуть сжал мою руку и ободряюще улыбнулся. — Я буду с тобой на каждой встрече. И если что-то пойдет не так — подстрахую.

— Тебе разве не надо работать? — удивилась. Сегодня же понедельник.

— В том, что у тебя свой бизнес, есть свои плюсы, — по-мальчишески улыбнулся он.

— Как Никитка? — поспешила задать вопрос, вертевшийся у меня на языке с того момента, как он вошел.

— Хорошо, — пожал плечами, — в школу, конечно, идти не хотел, но мне удалось его уговорить.

Рассмеялась над выражением его лица. Оно было такое несчастное.

— Да, он всегда очень плохо просыпается по утрам. Ничего страшного, осталось немного мучиться.

— Ага, а со следующей недели, пока я на работе, за ним может присмотреть моя подруга — Оксана, мама тех бандитов, на день рождения к которым мы ходили недавно.

Я нахмурилась, представив, как на плечи неизвестной (опять) мне женщины ложится забота об еще одном ребенке.

— А ей это не будет в тягость?

— Она долгое время работала воспитательницей в детском саду, — рассмеялся Илья. — Трое детей для нее — ерунда. К тому же, они более самостоятельные, чем были те, с которыми ей приходилось иметь дело ранее.

— А почему она ушла?

Мне, вдруг, стало очень интересно. Главным образом потому, что это помогало отвлечься.

— Длинная история, — отмахнулся Илья, — если вкратце, то она влюбилась в Макса, а ее начальнице это не понравилось. Если захочешь — можешь у нее потом узнать подробности.

Попыталась сложить два и два в голове, но картинка не получалась. Уверена, что все было намного сложнее, чем описал Мороз. На данный момент мне представлялась ревнивая заведующая детского сада, положившая глаз на перспективного бизнесмена, и бедная воспитательница, влюбившаяся в него без памяти. Как я узнала позднее — я не могла быть дальше от истины, даже если бы постаралась.

В этот момент Морозу кто-то позвонил. Не отпуская мою руку, он ответил на звонок.

— Да, Андрей. Приехал? Поднимайся. Сто шестая палата. — Положив трубку, он улыбнулся мне и чуть сжал руку в попытке ободрить. — Вот и первый наш посетитель.

Поняв, что приехал юрист, попыталась сесть прямее. Сердце вновь бешено забилось от волнения. Началось.

Ирина

Спустя некоторое время в палату зашел высокий статный брюнет. Довольно симпатичный, на самом деле. Только в данный момент мои мысли были слишком далеко, чтобы наслаждаться его внешним видом.

— Здравствуйте, Ирина Александровна, — поздоровался он, сверкнув белозубой улыбкой, подтянул к моей койке свободный стул, устроившись на нем с таким видом, словно все в этой палате принадлежало ему.

Энергетика этого мужчины подавляла. Я думала, что после Морова меня уже ничем не удивишь, но его адвокату это удалось. На краткий миг я даже почувствовала себя маленькой и незначительной, но твердая рука Ильи, которой он до сих пор сжимал мою ладошку, вернула мне уверенность. Своей молчаливой поддержкой он словно давал мне силы. И это было очень приятно. Особенно, если учесть, что подобных мужчин в моей жизни было не так уж и много. В основном они, наоборот, пытались установить надо мной власть. Как правило, им это не удавалось. Кроменего...

— Здравствуйте, — пискнула я, неожиданно подведшим меня голосом.

— Меня зовут Андрей, — вновь улыбнулся он, отчего-то весело посмотрев на Морова.

Мужчина сидел, крепко сжав зубы и недовольно глядя на приглашенного им же адвоката. Нахмурившись, попыталась понять в чем дело, но меня быстро отвлекли.

— К сожалению, я не могу у вас надолго задержаться, поэтому давайте сразу приступим к делу, — сказал Андрей, доставая из портфеля какие-то бумаги и протягивая их мне. — Я составил доверенность еще в офисе, вам надо только изучить и, если все устраивает, подписать.

Взяв протянутые листы, неуверенно посмотрела на Илью. Что я тут буду изучать? Я же ничего не понимаю во всех этих юридических терминах. Мужчина кивнул мне, ободряюще улыбнулся.

— Там нет ничего заумного, не переживай, — правильно понял он мою нерешительность.

Что же... надеюсь, что он прав.

Мне понадобилось несколько раз прочитать написанное прежде, чем оно уложилось у меня в голове. В конце концов, я смогла осознать, что же именно мне предлагают подписать. Действительно, написано было довольно понятно. Я, такая-то, доверяла своего сына тому-то. Давала ему право действовать в его интересах и тому подобное.

Конечно, на бумаге это выглядело более красиво и вычурно, но меня все устраивало. Никаких ужасов, которые мне представлялись, типа того, что Моров благодаря этой бумажке сможет забрать у меня сына, не было. И сейчас мне, на самом деле, было даже стыдно, что я могла так о нем подумать. Ведь Илья ни словом, ни делом не намекал на такое развитие событий. Наоборот, он заботился о моем сыне, как о своем собственном. Он был бы хорошим отцом.

Подумала и тут же постаралась выкинуть эту мысль из головы. Сейчас совершенно не время и не место об этом думать. Хоть это и было правдой.

— Меня все устраивает, — подняла взгляд на адвоката, тут же протянувшего мне ручку, чтобы я могла расписаться в доверенности.

— Отлично, — опять сверкнул улыбкой в сто вагт Андрей и передал бумагу нахмурившемуся Илье.

Да что такое? Почему стоит только адвокату мне улыбнуться, как Моров начинает смотреть на него, как на врага народа? Неужели...? Нет!

Я удивленно вытаращилась на здоровяка, стремительно ворвавшегося в мою жизнь и решающего все мои проблемы. Не может же он ревновать меня к Андрею! Это же глупо! Где я, и где он?

«А где ты? — ехидно спросил меня внутренний голос. — Что такого странного в том, что тебя кто-то ревнует? Ты довольно привлекательная молодая женщина. Пусть и в данный момент не слишком хорошо выглядящая. Но ведь и он тебя знает не первый день. И точно видел в более хорошем свете.»

Эта мысль заставила посмотреть меня на Илью под другим углом. Может ли он делать это все не только из чисто альтруистических соображений? А рассчитывая на что-то большее, например, на постель?

Видимо, что-то из мыслей отразилось на моем лице, потому что Илья обеспокоенно на меня посмотрел.

— Что-то не так?

— Нет, — мотнула головой, неосознанно отодвигаясь от него чуть подальше на кровати, — все хорошо.

Наверное... Интересно, может, еще не поздно откатить все назад и разорвать доверенность? Но мелькнувший перед мысленным взором Никитка помог мне немного прийти в себя и не пороть горячку. В первую очередь я делаю это для него, чтобы защитить. А уж по поводу наших с Моровым отношений (если он на них рассчитывает) я могу подумать и позже. Когда останусь одна и все тревобления этого дня останутся позади. Вместе с моими посетителями.

Илья

Я физически ощутил, как изменилось настроение Иры. Как она стала от меня отдаляться, закрываясь кучей щитов, сквозь которые я только-только начал пробиваться. Не мог только понять — почему? Что такого пришло в ее очаровательную головку, что заставило вновь насторожиться и посмотреть на меня с подозрением?

Очень хотелось задать эти и множество других вопросов. Но для начала надо бы выставить из палаты продолжающего улыбаться ей Андрея. У него что — лишние зубы? Так я могу с легкостью сократить их количество. Только дайте мне повод.

До этого момента думал, что я и ревность — вещи несовместимые. У меня никогда не возникало желания кого-то ревновать. Если какая-то моя дама, с которой я на тот момент приятно проводил время, начинала флиртовать с другим мужчиной, думая, что может пробудить во мне это зеленоглазое чудовище, ее ждало разочарование. Чувство собственности — это не про меня.

Так я думал ровно до того момента, пока Бахмутов не сверкнул своей белозубой улыбкой, и Ира не улыбнулась ему в ответ. Дьявол! Клянусь, у меня даже в глазах потемнело, а руки непроизвольно сжались в кулаки. С огромным трудом мне удалось успокоиться и прийти в себя.

Адвокат и друг в одном лице (возможно, бывший) поймал мой убийственный взгляд и, тихо хмыкнув, встал, застегивая портфель.

— Оригинал документа будет у вас, а себе я потом попрошу сделать Илью копию. На

всякий случай.

— Хорошо, — кивнула Ириша, продолжая сверлить меня каким-то странным взглядом.

Впервые за все время, которое мы проводим с ней наедине, я не мог прочесть ее мысли. До этого момента у меня это получалось довольно успешно. И эта моя неспособность понять, о чем она думает, что происходит у нее в голове, бесили до невозможности.

А Андрей все продолжал улыбаться Ирине. Желание двинуть его по морде начало затмевать все остальные мысли и чувства. Так и хотелось заорать, чтобы он прекратил флиртовать с моей женщиной.

От расправы его спас звонок моего мобильного. Звонил Борисыч.

— Слушаю, — бросил отрывисто, не отрывая взгляда от развернувшейся передо мной сцены.

— Я приехал. Куда подниматься?

— Сто шестая палата. Ждем.

Положив трубку, ответил на вопросительный взгляд Иры:

— Это следователь. Приехал пораньше.

— Хорошо, — сглотнула малышка, как-то съежившись.

Сразу же захотелось прижать ее к себе, заверить, что все будет хорошо, что я рядом и никому не дам ее в обиду. Я даже дернулся в ее сторону, но присутствие Андрея меня остановило.

Друг кивнул и, поспешно собрав вещи, вышел из палаты.

— Не буду вам мешать. До свиданья, Ирина Александровна. Было приятно познакомиться.

— Мне тоже, — слабо улыбнулась Ира.

Я же только скрипнул зубами. Приятно им. Блять! А вот мне ни черта не приятно! Никогда не любил ревнивых баб и мужиков, считал это недостатком, признаком неуверенности в себе и своем партнере. Но побороть в себе это чувство не получалось. И причина была в очаровательной фее, лежащей на больничной койке, понятия не имеющей о моих чувствах.

Ирина

За последние несколько дней я успела привыкнуть к тому, что меня окружают мужчины спортивного телосложения — высокие, холеные, следящие за собой. Поэтому, когда дверь в палату вновь открылась, и вошел следователь, я слегка опешила.

В отличие от статного адвоката, этот друг Ильи оказался низеньким лысым мужичонкой с пивным брюшком. Но с такой же обезоруживающей улыбкой.

— Шилов Роман Борисович, — представился он, крепко пожимая мою руку.

Услышав его имя, не удержалась и хихикнула.

— У вас неправильное отчество, — не смогла пройти мимо и не прокомментировать.

Мужчина не обиделся и лишь покачал головой.

— Вы даже не представляете, как часто я это слышу. Моров вон предлагал даже его сменить, — кивнул он в сторону ухмыляющегося друга.

— Но ты отказался, прошу заметить.

— Решил, что отец этого не оценит, — пожал плечами Роман Борисович.

Также, как и Андрей до этого, он сел на ближайший свободный стул, достал из портфеля бумаги и выжидательно на меня посмотрел.

Я прекрасно понимала, чего именно он от меня ждет, вот только заставить себя произнести хоть слово не могла. В горле стоял ком, мешающий говорить. Мне не хотелось даже вспоминать события того ужасного вечера, не то что произносить что-либо вслух.

— Ирина Александровна, — мягко позвал он меня, когда тишина в палате стала невыносимой. — Я понимаю, что вам тяжело, но мне нужно записать все с ваших слов. Илья вкратце уже рассказал мне о случившемся, но...

— Да, я знаю, — тихо отозвалась.

Знаю. Понимаю. Но как пересилить себя и вновь выгрести наружу самый отвратительный момент моей жизни? Момент, который я так хотела забыть.

Вся та уверенность, которой со мной поделился Илья во время встречи с адвокатом, испарилась без следа. Мне вновь нужна была подпитка. Но не просить же его об этом вслух. Я лишь продолжала молчать и смотреть на Морова, избегая пристального взгляда следователя.

— Ириш, — с какой-то особенной ноткой в голосе позвал меня здоровяк, присаживаясь на кровать и беря меня за обе руки. К моему огромному удивлению, он поднес их к своим губам и поцеловал. — Я рядом. Все хорошо. Ничего не бойся.

От этого простого и такого интимного жеста, вроде бы обычных, но очень нужных слов, меня словно окатило теплой волной. Наверное, самой адекватной реакцией было бы — возмутиться, отдернуть руки, но... я не смогла найти в себе на это сил. Да и не хотела. Мне было слишком приятно.

Илья внимательно посмотрел мне в глаза, без слов повторяя, что он рядом и мне нечего бояться. Улыбнувшись, сжала в ответ его руки. Глубоко вдохнула больничный воздух, пропитанный запахом лекарств. Сморщилась. Лучше бы это был чистый воздух улицы, но выбирать не приходилось.

Переведя взгляд на следователя, кивнула. Я смогу это сделать. Особенно, если Илья продолжит такна меня смотреть — с теплотой и нежностью, которых мне так не хватало

последнее время. Кто бы мог подумать, что этот бородатый громила с убийственно громким голосом способен на подобные чувства.

Нет, возразила сама себе, так думать — несправедливо по отношению к Илье. Возможно, эти мысли и были бы уместны, когда мы только познакомились, но не теперь. Моров, как никто другой, заботился обо мне и Никите. Даже, если преследовал какие-то свои (не очень приличные) цели.

Отгнав от себя лишние мысли, сосредоточилась на том, что должна была сообщить Роману Борисовичу. К моему счастью, Илья моих рук так и не выпустил. Продолжал держать в своих огромных ручищах, поглаживая большими пальцами ладошки. Не в силах смотреть на кого-либо из мужчин, опустила взгляд на наши руки. Так было почему-то спокойнее.

— Я пришла домой позже обычного. Долго не могла выбраться с работы. Спешила, потому что Никитку надо было отвести на тренировку...

Медленно, но верно, я начала погружаться в события того вечера. Я уже не видела наших с Ильей рук, внимательно слушающего меня Романа Борисовича, больничных стен палаты, перед глазами теперь возникали совершенно другие картины, не доставляющие мне радости.

Хлопнув входной дверью, поморщилась. Если Костя дома, будет ругаться. Но времени на то, чтобы сожалеть о содеянном, у меня не было. Никита уже стоял в прихожей, держа сумку с хоккейной формой за ручку.

Скинула туфли, чтобы переодеться в более удобную обувь. Сдавать стометровку на каблуках я не собиралась.

— Привет, дорогой, — рассеяно улыбнулась сыну, пытаюсь отдышаться. — Собрался уже? Сейчас. Переоденусь и побежим. Извини.

— Ничего страшного, мам, — пожал плечами мой молодчик. — Мы успеваем.

— Спускайся тогда пока вниз, а я догоню, — улыбнулась сыну, пытаюсь найти второй кроссовок. Черт, куда же он запропастился?

— Хорошо, — кивнул он и довольно быстро скрылся за дверью.

— Да где же ты? — бормотала себе под нос, обшаривая уже по второму разу полку для обуви. — Чертик, чертик, поиграл и отдай.

— С кем ты разговариваешь?

Голос Кости раздался над моей головой так неожиданно, что я подпрыгнула на месте, больно ударившись о низко висящую полку. Сколько раз я просила Костю ее перевесить, но он утверждал, что она расположена на идеальной высоте. Не знаю, для кого эта высота была идеальной, но точно не для меня.

— Потеряла кроссовок, — улыбнулась, потирая ушибленную голову.

— Этот? — махнул мужчина головой куда-то в сторону двери.

— Да, — рассмеялась, заметив искомую вещь. — Спасибо.

Натянув обувь, чмокнула его в щеку.

— У Ника тренировка, отведу его и прибегу — приготовлю что-нибудь вкусненькое. Он еще отпросился на ночь к другу из команды, так что мы с тобой предоставлены сегодня сами себе, — многообещающе протянула, предвкушая вечер наедине с любимым мужчиной.

Вот только у моего собеседника эта мысль не вызвала ожидаемого энтузиазма. Костя скривился и крепко схватил меня за руку, стоило мне отвернуться от него к двери.

— Стоять, — рявкнул он.

От угрозы, явственно прозвучавшей в его голосе, я инстинктивно съежилась. У меня

всегда была одна и та же реакция, когда он злился. Первым желанием было стать невидимой, вторым — спрятаться куда-нибудь. К сожалению, в большинстве случаев я впадала в ступор, тело становилось деревянным, и я не могла пошевелить даже пальцем.

Так было и сейчас. Не смотря на мертвую хватку на моей руке, от которой точно останутся синяки, я не могла заставить себя не то, что вырвать ее, но и повернуться в сторону Константина. Последнее он сделал за меня: резко дернув, развернул на сто восемьдесят градусов, и я оказалась лицом к лицу со своим ночным кошмаром.

Никогда не могла понять, что именно превращало Костю в чудовище. Что становилось триггером? Какие-то мои слова? Поступки? Или что-то, со мной не связанное?

Но всегда происходило что-то, отчего у него словно рычаг в голове поворачивался, и вот передо мной уже не тот любящий и заботливый мужчина, с которым мне хотелось провести всю жизнь, и которого я всерьез рассматривала на роль отца моему сыну, а монстр, с убийственным взглядом, крепко сжатыми губами и жесткой хваткой.

Проживая заново тот вечер, настоящая я удивлялась тем мыслям, что посещали меня в тот момент. Любящий и заботливый? Это Костя-то? Мужчина, заставивший меня сомневаться в собственной привлекательности. Запрещавший мне видеться с подругами, выкинувший половину моего гардероба, потому что считал его излишне сексуальным. Ревновавший меня к каждому столбу и даже к моему собственному сыну. Мужчина, которого Никитка опасался, а я не обращала на это внимания. Какая же я была идиотка!

Видимо, последние слова я произнесла вслух, потому что Илья вдруг резко выпрямился и зарычал сквозь зубы:

— Не смей так говорить!

— Что? — удивленно на него посмотрела.

Зеленые глаза потемнели, стали такими темными, что в свете больничных ламп казались мне практически черными, и в них плескалась непривычная ярость.

До этого мне не доводилось видеть эту эмоцию в исполнении Морова. Не то чтобы мы были так долго знакомы, чтобы у меня был шанс, но не думала, что когда-нибудь увижу злого Илью. И не просто злого, а пришедшего в бешенство.

— Если ты еще раз назовешь себя чем-то подобным, я... — он резко замолчал, не договорив.

— Выпорешь меня? — приподняв одну бровь, спросила с улыбкой.

Захотелось хоть как-то разрядить обстановку. Успокоить здоровяка. Что самое странное, я ни капли его не испугалась. То ли от того, что понимала — его недовольство не направлено на меня напрямую, то ли от того, что где-то внутри знала — Моров никогда меня не обидит. Фиг его знает, почему я так была в этом уверена. По отношению к Косте я поначалу тоже таких мыслей не допускала... или нет?

Если глубоко покопаться, то можно вспомнить — увидев его впервые, я испугалась. Костя напоминал мне хищника, вышедшего на охоту. Причем охотившегося не на равного себе, а на более слабую особь. Как гиена.

В противовес ему, Илья напоминал мне льва, готового всеми силами защищать свой прайд. Он был таким же сильным, благородным...

«Боже, ну и сравнение! Ничего лучше не могла придумать?» — прозвучал в голове ехидный голос, но я мысленно попросила его заткнуться. Сейчас не время вести беседы самой с собой.

Опешивший от моего вопроса, Моров на мгновение застыл, а потом громко

расхохотался, запрокинув голову.

— Вы не перестаете меня удивлять, Ирина Александровна, — хищно улыбнувшись, сказал мужчина. — Но ваше предложение мне нравится, я подумаю, когда лучше будет его претворить в жизнь.

Я аж поперхнулась. На что он намекает?

А на что намекала я?

Не хотелось признаваться даже самой себе, но перед моим мысленным взором тут же возникла довольно яркая картинка: как Илья перекидывает меня через колени, одна рука лежит у меня на спине, а другая...

Тряхнув головой, выкинула из нее всякие глупости. Со мной явно что-то не так, если мысли об этом меня так... вдохновляют.

Илья

Судя по румянцу на щеках малышки, она в красках представила, что я могу с ней сделать. Мне нравится ход ее мыслей. Очень.

Правда, если честно, я не являюсь любителем жести в постели, но пару шлепков по этой очаровательной попке я мог бы себе позволить. Уверен, что и Иришка бы получила от них удовольствие.

Борисыч недвусмысленно покашлял, напоминая нам, что мы не одни в палате. Щеки феи вспыхнули пуще прежнего, и теперь уже явно не от возбуждения. Ухмыльнувшись, подмигнул ей, за что получил в ответ немного недовольный взгляд.

Но лучше так, чем затравленное выражение, появившееся у нее на лице, стоило ей начать вспоминать события вечера, перевернувшего наши жизни.

— Извините, что отвлекаю, — с ехидством в голосе сказал Шилов, — но давайте вернемся к тому, ради чего я сюда пришел. Что было дальше, Ирина Александровна?

Даже крохи веселья тут же пропали из глаз моей феи. Она нахмурилась, а мне захотелось стукнуть Рому, чтобы не задавал ей вопросов, которые вызывают дискомфорт, хоть и понимал, что они необходимы.

Ира прикрыла глаза, вновь сделала пару глубоких вдохов, словно готовилась войти в ледяную воду или спрыгнуть с обрыва. Не зная, чем мог бы ей помочь, сжал крепко нежные ручки, борясь с желанием обхватить за плечи, прижать к себе, закрывая от всех бед.

Серые глазки распахнулись, и на этот раз в них плескалась решимость вместо неуверенности и страха. Но когда Ира начала говорить, в ее голосе практически отсутствовали эмоции. Мне даже стало страшно.

Я привык к тому, что очень легко можно понять, что чувствует молодая женщина, поскольку она практически не может скрывать свои эмоции. У нее все написано на лице. Но сейчас прочесть что-то по нему было невозможно. Ира словно нацепила маску — непроницаемую, бесстрастную. И мне это не нравилось.

Еще больше мне не нравилось слушать то, что вылетало из ее очаровательного рта. Я мог только догадываться, какую боль причиняют ей воспоминания. И та беспомощность, которую я ощущал, неспособный спасти ее от боли, укрыть от мыслей о том, что произошло тем вечером, и от необходимости переживать все заново, заставляла меня исходить бессильной злобой.

А желание найти этого мудака и уничтожить его, сделать с ним что-то такое, чтобы даже воспоминания о нем не осталось, становилось с каждой минутой ее рассказа все сильнее. Пришлось даже выпустить руки Иры, чтобы ненароком не сделать ей больно, потому что мои непроизвольно сжимались в кулаки.

В какой-то момент мне даже пришлось встать со стула и немного пройтись по палате, чтобы хоть как-то сбросить напряжение. Помогло слабо.

— Следующее, что я помню, это как проснулась в этой палате, — услышал тихий голос феи.

Со скрипом взяв себя в руки, повернулся к ней. Малышка была бледная, как смерть. Губы дрожали, она явно с трудом сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— Ром, — позвал друга.

Тот хмуро на меня посмотрел и кивнул. Мне не пришлось озвучивать свою просьбу, Шилов все понял без слов, и я был ему безмерно благодарен. Он осторожно встал со стула, чтобы не производить лишнего шума, и вышел из палаты. Ира даже, казалось, не заметила его телодвижений.

Подойдя к девушке, сел рядом с ней на кровать. Держаться на расстоянии больше не мог. Мне просто жизненно необходимо было обнять ее, успокоить, иначе я сойду с ума.

Притянув ее к себе за плечи, зарылся в волосы, глубоко вдохнул ее неповторимый запах, пытаясь напитаться им впрок.

Иришка прижалась ко мне всем телом, ища защиты. И я был бы не я, если бы не попытался ее дать. Медленно поглаживая ее по спине, чмокнул в макушку, прошептал что-то ободряющее. От тихого всхлипа, вырвавшегося из Иры, внутри все перевернулось. Ужасное чувство, когда твоей любимой женщине плохо, а ты ничего не можешь сделать, чтобы облегчить ее муки. Единственное, что в твоих силах — это быть рядом, пытаться как-то поддержать. Но этого так катастрофически мало...

Чуть отодвинувшись от малышки, приподнял ее голову за подбородок, заглянул в подернутые пеленой слез глаза, в которых плескалось столько боли, что самому захотелось плакать.

— Он больше никогда не причинит тебе боль, — сказал, в надежде, что в моем голосе было достаточно уверенности в своих словах, что они убедят фею. — Я не позволю, — уже гораздо тверже. В этом я был уверен на все сто.

— Я верю тебе, — прошептала в ответ Ира.

Слабо улыбнулся, радуясь от ее слов, как мальчишка. Вроде бы ничего такого не сказала, а мне захотелось пуститься в пляс по всей палате — с криками, сумасшедшим смехом и странными дерганными движениями в духе тектоника. Останавливало лишь то, что крошка определенно испугается такой моей реакции. Еще решит, что я сошел с ума и скажет Карпину меня упечь в психушку.

Вновь заглянул ей в глаза, стараясь изо всех сил не смотреть на такие манящие губы. Потому что знал, стоит мне на них посмотреть, и я не смогу сдержаться. Опустившая свой взгляд на мои губы Ира не упрощала задачу. Сглотнув, вместо того, чтобы отодвинуться от нее, прижал к себе фею лишь крепче.

У меня было дурацкое чувство, от которого в животе что-то скручивалось в узел, что если я ее сейчас отпущу, то что-то очень важное, только начавшее возникать между нами, пропадет. Исчезнет, словно его и не было.

И в этот момент, что-то все-таки толкнуло меня вперед, и я прижался своими губами к губам желанной женщины.

Я представлял себе наш первый поцелуй много раз. Он мне даже снился. (Да, да, даже наедине с собой я порой бываю сопливым романтиком, а не только в разговоре с Оксаной.) Но никогда не думал, что декорациями для него станут стены больничной палаты, а я буду сдерживать себя изо всех сил, чтобы не перестараться и не причинить Ире лишнюю боль. И судя по довольному стону, донесшемуся от нее, мне это удалось.

И... боже... какая же она сладкая. И как страстно отвечает мне. Я перецеловал достаточное количество женщин в своей жизни, не святой, но лишь от этого — аккуратного, медленного, тягучего, нежного — поцелуя у меня снесло крышу. Если бы не травмы Иришки, я бы точно уложил ее на эту постель и довел дело до конца. Потому что оторваться от нее было выше моих сил.

Мне казалось, что целовались мы целую вечность. Я вновь и вновь припадал к ее губам, делая короткие перерывы на вдох, и не мог остановиться. В голове промелькнула банальная мысль про живительный источник, которым стали для меня ее губы, но именно так это и было. Я — умирающий от жажды путник, а она — мой оазис, дающий силы жить дальше.

Со стоном все-таки заставил себя оторваться. Взгляд Иры был затуманен желанием. Таким настоящим, искренним, что я лишь сильнее сжал зубы, дабы опять не впитаться в нее, подавляя своим собственным.

— Я позову Рому? — надо, чтобы Борисыч вернулся. Ира ведь так и не подписала заявление, которое он оформлял с ее слов.

— Да... наверное... — прошептала она, закусывая нижнюю губку.

— Не делай так, — ухмыльнулся, оттягивая ее вниз, освобождая от зубов.

— Почему? — чуть нахмурилась фея.

— Потому что тогда я точно на тебя наброшусь.

Ира вспыхнула от смущения и попыталась выпутаться из моего захвата, но я ей этого сделать не дал. Коротко поцеловал, не в силах бороться с желанием. Теперь, когда я узнал, какая она на вкус, держать себя в руках мне было очень сложно.

Но я прекрасно понимал, что это надо было делать, потому что, придя в себя, Ира может не захотеть продолжения или даже повторения. По крайней мере до тех пор, пока я не смогу ее убедить в том, что я — это то, что ей и Никите нужно для счастливой жизни.

Ирина

Когда Илья вышел из палаты, чтобы позвать Романа Борисовича, я, ошалело прикасаясь пальцами к губам, на которых все еще чувствовался вкус его поцелуя, пыталась понять, что же именно сейчас произошло. И почему я позволила этому мужчине, которого знаю такой короткой промежутком времени, себя поцеловать.

«Ты позволяешь своему сыну жить с ним, — вновь проснулся ехидный внутренний голос, — поцелуй в данном случае выглядит еще более невинно.»

Застонав, откинулась на подушки. Что я делаю? Такое ощущение, что у меня мозги сдвинулись с нужного места. Ужасным во всей этой ситуации было не столько то, что я все-таки плохо знаю Морова (в конце концов, на первом свидании обычно случается кое-что похлеще невинного поцелуя), сколько то, что я еще пару дней назад находилась в отношениях с совершенно другим человеком. Который, правда, был монстром, но сути это не меняло. И я пока плохо понимала, могу ли я позволить себе окунуться в Морова. И нужно ли мне это?

Тем временем в палату вернулся Шилов, с порога протянувший мне несколько листов бумаги, содержащие подробное описание произошедшего, которые мне предстояло подписать. Читать их, в отличие от доверенности, я не стала. Не хотелось вновь об этом думать. Хватит. Мне и так снятся кошмары по ночам, не хочу еще и днем все это мусолить.

— Мы объявим его в розыск. Когда что-нибудь будет известно, дам вам знать, — сказал следователь, убирая бумаги в портфель.

— Хорошо, — кивнула, понимая, что на самом деле мне не очень хочется знать, что будет с Костей дальше. Лишь бы он больше никогда не появлялся в моей жизни.

Когда мы с Ильей остались одни в палате, я не могла заставить себя на него даже посмотреть. Мне вдруг стало неуютно от того внезапного порыва, заставившего меня броситься к нему в объятия. Конечно, не было похоже, чтобы он сожалел об этом, но я все еще плохо его знала и могла неправильно понимать его действия.

«Как это можно неправильно понять? — возмутился уже порядком надоевший голос. — Он целовал тебя в ответ. Так, как никто до этого. Он хочет тебя. А ты его.»

Но разве это правильно? Могу ли я позволить себе хотеть его в ответ? Вдруг, это всего лишь сиюминутный порыв, вызванный моей беспомощностью и желанием просто почувствовать чью-то поддержку и на самом деле из этого ничего не выйдет.

— Ир... — тихо позвал меня Моров.

Но не успела я и слова сказать, даже заставить себя посмотреть на него, как в дверь вновь постучали.

— Войдите, — ответил вместо меня Илья.

На этот раз в палату вошла девушка. Симпатичная. Особенно, если сравнивать со мной в теперешнем состоянии. Молодая, стройная, длинные ноги, едва прикрытые короткой юбкой, кудрявые светлые волосы искусно уложены, будто она только что от парикмахера. Профессиональный макияж. Прямо девочка-конфетка, аж смотреть тошно.

А после того, как она сразу с порога начала строить глазки моему здоровяку (да, моему, об остальном подумаем позже), появилось желание немного подправить ее милую мордашку.

— Соколова Ирина Александровна? — голосок у нее оказался таким же приторным, как и вся она. Фи!

А, может, я необъективна? Она же ничего мне не сделала плохого. «Только флиртует с твоим мужчиной, в остальном да, она просто милашка.» Но могу ли я на полном серьезе считать Морова своим? Мы ничего друг другу не обещали. Он просто помогает мне с сыном, а лично я до конца не уверена, нужны ли мне отношения так скоро после развала старых.

— Да, это я, — ответила, постаравшись не пускать в свой голос недовольство.

— Марина Витальевна Фетрова, сотрудник социальной службы, — представилась девушка и игриво стрельнула глазками в сторону Ильи, — можно просто Марина.

— Присаживайтесь, — предложил ей Моров, даже не глядя, что не укрылось ни от меня, ни от нее.

Девчушка скривилась, а меня прямо-таки распирало от удовольствия. Ведь, если бы эта длинноногая блонди его заинтересовала, он бы как-то это обозначил, правда?

Она села на ближайший ко мне стул, продолжая прожигать взглядом мужчину. Что за черт, девочка? Ты ко мне пришла или к нему?

— К нам поступило заявление, что вы попали в больницу, и вашему сыну негде жить, — произнесла она, когда молчание стало затягиваться, а ее взгляды в сторону Морова откровенно неприличными.

К моему счастью и огромному неудовольствию блонди, Илья оставался глух и слеп к этим взглядам. Вместо этого он сел на край моей кровати, взял меня за руку и бесстрастно воззрился на «просто Марину». Та не смогла сдержать себя и скривилась при виде наших сцепленных рук, а мне захотелось по-детски показать ей язык. Съела? Он мой.

Боже, что за ребячество? Я же даже не знаю, что хочу, чтобы этот мужчина был моим. Или все-таки хочу?

— Как видите, про мое нахождение в больнице — правда, но мой сын не беспризорник.

— И где он сейчас?

— В данный момент находится в школе, — ответил за меня Моров. — А так, на время нахождения Ирины в больнице, он будет жить у меня.

— А вы...? — протянула девушка, наматывая на палец прядь волос. Отвратительно, неужели кто-то думает, что это до сих пор считается сексуальным?

— Ее жених, — сказал Илья, огорошив этим заявлением и меня, и ее.

По-хорошему, я должна бы была возмутиться таким словам. Какой еще жених? Но вот только... я не стала. Главным образом потому, что мне доставляло огромное удовольствие видеть кислое выражение лица блондиночки.

— Жених... — пробормотала «просто Марина». — Что же... хорошо, что ребенку есть, где жить...

— Если что у нас есть доверенность, — перебил ее Илья.

Не знаю, что собиралась сказать девушка, но слова Морова заставили ее передумать. Открытый ротик, из которого вне работы вряд ли выходило что-то путное, захлопнулся.

— Отлично, — «очаровательно» улыбнулась она, видимо придя к каким-то своим выводам. — В таком случае, мне бы хотелось посмотреть на то, в каких условиях проживает мальчик.

И столько в ее голосе было слащавости и какого-то... приглашения что ли... Меня аж передернуло. Сидящий рядом Моров хмыкнул, чуть сжал мои пальцы и кивнул.

— Хорошо. Когда вы хотите посмотреть?

— Можно сейчас, — попыталась видимо соблазнительно улыбнуться она, но по мне так это больше походило на гримасу.

— Сейчас мне надо на работу, — отрезал Илья, в голосе которого даже мне не послышалось и капли дружелюбия.

Но блондиночка полностью проигнорировала холодность Морова, вновь стрельнув в него глазами. Что за шквальный огонь, блин?

— Тогда давайте позже созвонимся и договоримся о встрече, — протянула ему визитку.

К моему неудовольствию маникюр у нее был безупречный. Не то что мои искусанные ногти без капли лака. Захотелось спрятать их под одеялом, но все еще державший меня за руку Илья мешал это сделать.

— Как скажете, — пожал плечами Моров, не глядя, убирая визитку в карман.

— Тогда до встречи, — опять улыбка в тридцать два сверкающих зуба. У нее еще челюсти не свело?

— До свидания, — наконец, подала голос я.

Но в ответ получила лишь полное игнорирование с ее стороны. Вот стерва!

Когда за «милой» блондинкой закрылась дверь (перед этим она устроила настоящее шоу, медленно поднимаясь со стула и направляясь к выходу из палаты развратно покачивая бедрами), мужчина повернулся ко мне с широкой улыбкой на лице.

— Все прошло гораздо лучше, чем я предполагал.

— Да, конечно, — проворчала я, освобождая свои руки от его захвата. — Особенно, если учесть, что она практически ничего не спросила обо мне и Никите, а только прожигала тебя взглядом.

— А ты ревнуешь? — нахально ухмыльнулся Моров, вновь схватив меня за руки. Я за всю свою жизнь столько ни с кем за ручку не держалась (не считая Ника, конечно), сколько с Ильей за сегодня.

— Еще чего, — фыркнула, отворачиваясь к окну. — Ты — свободный мужчина, можешь делать все, что захочешь. Помни только, что ты мне обещал, — прищурившись, посмотрела на продолжавшего ухмыляться мужчину.

Он был таким довольным, будто ему только что сказали, что все его мечты стали реальностью.

— Никаких посторонних баб, пока Никита живет под моей крышей, — продекламировал он, дурашливо отдав честь.

— Вот именно, — ткнула в него пальцем.

— А мне не нужны никакие посторонние бабы, — неожиданно наклонился к моему лицу мужчина, прожигая пронзительным взглядом своих ярко-зеленых глаз.

— А какие тебе нужны? Знакомые? — попыталась отшутиться, но внезапно охрипший голос выдал меня с головой.

Мысль о том, что Моров мог иметь ввиду меня, доставляла необъяснимое удовольствие. Хоть и казалась нелепой. Кроме поцелуя и необъяснимых взглядов он не давал никакого повода так думать.

«А что тебе еще нужно, женщина? Чтобы он встал на колени и заявил о своей неземной любви?»

Чуть поморщилась от собственных мыслей. Они были уж слишком странными для той ситуации, в которой я оказалась. И несвоевременными.

Ответить Илье не дал мобильный, разразившийся громкой трелью. Мужчина тяжело

вздохнул, словно его оторвали от какого-то важного дела, и ответил на звонок.

— Моров. Слушаю. Да, Макс, хорошо, — отрывисто бросил в трубку. — Сейчас буду. — Отключившись, виновато на меня посмотрел. — Прости, мне надо ехать. ЧП на работе, а Максу надо бежать на встречу с потенциальными клиентами.

— Ничего страшного, — слабо улыбнулась, борясь с чувством жестокого разочарования, охватившего меня в тот момент, когда я поняла, что Илье придется уйти.

Честно говоря, я надеялась, что мы весь день проведем вместе. Зачем? Почему? Фиг его знает. Но мне этого очень хотелось.

Мужчина ласково улыбнулся, провел костяшками пальцев по моей щеке. Его глаза вспыхнули, когда я неосознанно потянулась вслед за лаской.

Плюнув на предосторожность, решила, что мне уже точно нечего терять, и обхватив его за затылок свободной рукой, потянула удивленного здоровяка на себя. Возможно, потом я об этом пожалею, но сегодня мне очень хотелось почувствовать себя его женщиной.

Когда наши губы соприкоснулись, поцелуй уже не был таким отчаянным, каким был ранее. И на этот раз не было привкуса слез. Только наше обоюдное желание. И он был еще лучше. От такого поцелуя легко потерять голову. И я ее теряла. Опять.

— Дьявол, Ира... — простонал Моров, упираясь своим лбом в мой. — Что же ты делаешь, крошка?

— Не знаю, — пискнула, беспомощно глядя в его глаза.

Илья прикрыл свои зеленые омуты и вновь застонал. Покачал головой. Тяжело вздохнул.

— После школы у Никиты тренировка, так что сегодня я его не привезу. Но мы позвоним вечером, когда будем дома.

— Хорошо, — кивнула, отстраняясь от него и кутаясь в одеяло, потому что мне вдруг стало очень холодно. Даже посмотрела в сторону окна, вдруг оно открылось, а за ним неожиданно началась зима.

— Не скучай, — дернул он уголком губ, щелкнув меня по носу. — И... Ир... — обернулся на выходе.

— Да? — посмотрела на него в надежде, что он сейчас что-то скажет такое, отчего все мои внутренние метания покажутся глупостью.

И Илья меня не разочаровал.

— Не думай, что наши сегодняшние поцелуи — лишь необдуманный порыв с моей стороны. Я хотел этого. Но я не стану тебя ни к чему принуждать или торопить. И ни в коем случае не буду прекращать помогать вам, если ты решишь, что я тебе не нужен.

Открыв рот от удивления, смогла лишь кивнуть в ответ. Моров чуть передернул плечами, торопливо попрощался и оставил меня наедине с моими мыслями.

Илья

Пока ехал до работы, пытался понять, правильно ли я сделал, что сказал Ире... то, что сказал. Я, конечно, не признался ей в любви, но мои слова можно посчитать и таковым. Если постараться. Но вряд ли фея их так расценит. Уж слишком неуверенной она выглядела после двух поцелуев, даже учитывая то, что второй был инициирован ею.

И не совершил ли я сегодня ошибку? Не испортил ли все? Не поторопился ли? Не посчитает ли Ира эти поцелуи огромной ошибкой? Не отдалится ли от меня?

В раздражении стукнул по рулю. Слишком много вопросов, на которые я не могу найти ответов. И, честно говоря, боюсь их получить. Потому что мне очень не хотелось узнать, что я сегодня все испортил. Уничтожил даже малейший шанс для нас быть вместе.

К счастью, когда я оказался в офисе, у меня не осталось времени на то, чтобы мучить себя вопросами и сожалениями. Наши с Максом доблестные сотрудники оказались криворукими идиотами, умудрившимися испоганить очень важный заказ. Ковыряясь в бумагах и пытаясь найти ошибку, а также исправить ее, то и дело смотрел на время, боясь, что не успею все доделать и забрать Никиту. Ему же еще на тренировку идти.

— На-а-асть! — крикнул, не отрываясь от компьютера. — Сделай мне, пожалуйста, кофе, достань бумаги на последний заказ Шарина и соедини с Мишей.

Как обычно, Настя мой крик встретила гробовым молчанием, но я был уверен в том, что она меня услышала и сделает все, о чем я ее попросил. И, естественно, оказался прав, потому что уже через пять минут передо мной стояла благоухающая чашка кофе, лежали нужные договоры, а я слушал гудки соединения в телефоне.

— Да, шеф, — ответил мой водитель после четвертого гудка.

Кинув взгляд на время, убедился, что точно не успею освободиться вовремя, продиктовал ему адрес школы Никитоса и наказал отвезти того на тренировку, а после связаться со мной — если я еще буду на работе, привезти мальчонку сюда. Не стоит ему находиться одному в квартире, к тому же ключей у него нет. Хотя я и мог дать их Мише, но не стал.

После этого написал Никите сообщение и попросил перезвонить мне, когда освободится. Телефон зазвонил где-то через полчаса, оторвав меня от тупого разглядывания экрана. Вот уже какое-то время я никак не мог понять, что пошло с этим заказом не так. Вроде бы, руки у моих сотрудников были не такими кривыми, как я думал первоначально.

— Никитос, привет, — поздоровался с мальчишкой.

Тот ответил мне также радостно, отчего в груди разлилось тепло. Приятно, когда малой так рад твоему звонку.

— Здравствуй, дядя Илья.

— Извини, малой, я не смогу сегодня отвезти тебя на тренировку. Завал на работе. Но тебя у школы будет ждать мой водитель, Михаил. Он тебя и доставит по нужному адресу.

— Хорошо, — в голосе мальчика явственно чувствовалось разочарование, от которого я чуть не взвыл. Меньше всего на свете я хотел расстраивать его или его маму.

— После тренировки тебя заберу я, а если не успею, то Миша отвезет тебя ко мне на работу, а потом отправимся домой.

— Хорошо, дядя Илья, — уже более бодрым голосом ответил Никита.

Уверен, что когда он услышал, что я не смогу его забрать, мальчик решил, что я таким образом решил от него откреститься, что он мне надоел. По крайней мере, лично я именно так бы и подумал.

— Тогда до встречи, малой, — попрощался и не смог себе отказать в последнем напутствии, — и не забывай, что когда идешь в атаку, смотри в первую очередь на шайбу, но никогда не выпускай из поля зрения соперника.

— Не забуду, дядя Илья, не забуду, — рассмеялся мальчик. — До встречи.

Повесил трубку с уже более легким сердцем. Малой не сильно расстроился, он всегда будет под присмотром, а вечером мы найдем, чем с ним заняться. Хорошо, что я догадался сегодня кинуть его хоккейную форму в свой багажник, чтобы не тратить время вечером, иначе пришлось бы еще гонять Миху до моей хаты.

Дальше время летело со скоростью света. Через некоторое время вернулся Макс, и мы уже вдвоем пытались разобраться, что же пошло не так, и где мы умудрились накосячить. В конце концов, нам это удалось, но время уже близилось к семи, и забрать малого с тренировки я точно не успевал.

Удовлетворенно потянувшись, написал Мише и посмотрел на развалившегося на кресле Максима.

— Как дела у Иры? — спросил друг, поймав мой взгляд.

— Она написала заявление, а сотрудница соцслужбы с легкостью согласилась оставить Никиту на моем попечении. Даже доставать доверенность не пришлось.

— Это хорошо, — кивнул он. — Признавайся, ты ее очаровал?

— Даже не пытался, — хмыкнул. — Все получилось само собой. И Ире это не понравилось, — добавил с глубочайшим удовольствием.

Максим расхохотался и покачал головой.

— Значит, ты зря переживал?

— Не уверен, — нахмурился, прокручивая в руках кружку с остатками кофе. — Я поцеловал ее сегодня. Дважды. Она, вроде, не была против, но теперь я сомневаюсь — не совершил ли я ошибку?

— Думаешь, что слишком рано? — проникательно уточнил друг.

Молча кивнул.

— Почему?

— Потому что она всего несколько дней назад рассталась с человеком, с которым жила до этого. Потому что она сейчас уязвима и не очень понимает, что делает. А также, чего хочет. И если для нее это все лишь попытка сбежать от реальности, то...

— Ты не хочешь ею быть, — закончил за меня Максим.

— Угу.

Проведя руками по лицу, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Хмыкнул, подумав, что мы с Максом поменялись местами. Когда-то, сидя также в этом кабинете, я пытался наставить его на путь истинный, выслушивая его сомнения по поводу Оксаны и их отношений.

— Что ты будешь делать дальше?

— Ждать, — пожал плечами. — Что мне еще остается?

— Ты можешь напрямую спросить у нее, значил ли для нее что-то этот поцелуй, — предложил друг.

— Не могу, — поморщился. — Догадываюсь, что сейчас могу от нее услышать. Лучше

буду вести себя, как ни в чем не бывало.

— Не уверен, что эта тактика будет наилучшей, — укоризненно покачал головой Максим.

Ответить ему я не успел, дверь в кабинет открылась, и Настя пропустила вперед порядком смущенного Никиту.

— Малой, привет, — широко улыбнулся, вставая. — Как тренировка?

Подошел к нему, забрал у него из рук сумку с вещами, хлопнул по плечу и усадил на диванчик.

— Настюш, — повернулся к помощнице, — чаю и... есть у нас какие-нибудь булочки?

— Кормить ребенка булочками, — недовольно сморщилась она. — Сейчас что-нибудь посерьезнее принесу.

— Ты — наш маленький ангел-спаситель, — послал ей благодарную улыбку, вновь поворачиваясь к мальчику. — Так, как тренировка?

— Хорошо, — рассеяно ответил Ник, оглядываясь вокруг себя с горящими любопытством глазками.

Максим хмыкнул и поднялся с кресла.

— Я поеду, мне еще надо в магазин, Оксана целый список выкатила того, что надо купить к моему дню рождения.

— Оно же только через месяц, — удивленно посмотрел на него.

— Да, но у нее столько планов, как его праздновать, словно у меня юбилей, — закатил глаза в притворном раздражении друг.

Но я прекрасно видел, что такая забота жены ему больше приятна, чем наоборот. Да и Оксана каждый его день рождения праздновала с размахом, в то время как свой предпочитала отмечать в тесном кругу семьи.

— Пока, великий игрок, — хлопнул он по плечу Никиту, выходя из кабинета. — До завтра, — махнул мне рукой, закрывая дверь.

— До завтра.

— До свидания, дядя Максим.

Мы с Никитой попрощались нестройным хором.

Пока Настя организовывала ужин на скорую руку для малого, я закрывал все нужные и не очень окна на компьютере и пытался привести свой рабочий стол хотя бы в относительный порядок. В отличие от идеального порядка на столе Макса, на моем всегда царит творческий хаос.

Когда закрывал интернет-вкладки заметил открытую страницу собачьего питомника. Точно, мы же с малым собирались приобрести собаку.

— Никит, как доешь, подойди, пожалуйста, — попросил его, просматривая предложения.

В ответ раздалось невнятное мычание.

Малец довольно быстро расправился с нехитрым ужином и подскочил ко мне. Не задумываясь, я схватил его за руки и, потянув, усадил себе на колени. К моему удивлению, Ник даже не сопротивлялся. А когда увидел, что именно я просматриваю на экране компьютера, застыл и всем телом подался в сторону монитора.

— Выбирай, — кивнул на фотографии собак.

— Правда? — с придыханием спросил мальчик.

— Я же обещал, а я привык держать свое слово.

Никита поерзал на моих коленях, устраиваясь поудобнее, и, положив руки на стол, принялся изучать представленный ассортимент, из которого ему предстояло выбрать себе нового друга.

Следующий час ушел у нас на то, чтобы выбрать подходящую собаку. Сначала Никитос тыкал во все, что попало, выбирая главным образом по картинке, но после короткого внушения и напоминания, что именно стоит за выбором собаке, он сосредоточился и сократил количество желанных пород до трех: маламут, немецкая овчарка и лабрадор-ретривер.

По моему скромному мнению, брать надо было овчарку. Они мне казались наиболее подходящими под нужные нам параметры. Отличные охранники, легко поддаются дрессировке, активные, игривые, семейные. Лабрадоры тоже хороши, но охранники из них — так себе.

Для меня играло роль еще и то, что во время службы мне приходилось иметь дело с овчарками. У нас в роте было несколько таких четвероногих друзей, не раз помогавших нам на заданиях.

— Давай тогда на выходных съездим в питомник и выберем кого-нибудь, — предложил Никите, ссаживая его с колена и выключая компьютер.

— На выходных же переезд, — нахмурился мальчонка.

— У меня не так много вещей, чтобы он занял все два дня, — пожал плечами, собираясь. — А ваши вещи заберем, когда маму выпишут. Без нее все равно нельзя их трогать.

Никитос важно кивнул в ответ на мои слова.

— Хорошо. Надо будет маме сказать, что у нас теперь есть собака.

— Пусть это будет для нее сюрприз, — подмигнул мальчику, подталкивая его к выходу из кабинета.

Пацан весело рассмеялся и кивнул, оценив мою мысль по достоинству. Вот и славно. Просто, боюсь, что, когда Ира узнает, что насчет собаки все серьезно, она категорически запретит ее брать. Я и так хожу с ней по тонкому льду после сегодняшнего. Незачем усложнять ситуацию.

Илья

Неделя пролетела довольно быстро. Каждый день был заполнен какой-то беготней, проблемами, ранними подъемами, тренировками, домашними заданиями, поездками к Ире. Хорошо хоть готовить мне не надо было. Оксана, прекрасно зная мою нелюбовь к стоянию у плиты, ежедневно снабжала нас с Ником домашней едой.

Никаких больше неожиданных поцелуев с феей у нас не было. Да мы и не оставались больше наедине. Рядом всегда был малой. Либо вездесущий Карпин, практически не отходящий от своей пациентки ни на шаг.

Напряженности в отношениях тоже не было. То ли Ириша спокойно отнеслась к моему порыву и была совершенно не против, то ли решила, как и я, делать вид, что ничего не случилось. К сожалению, поговорить об этом у нас никак не получалось. И это мне не нравилось.

Что еще напрягало, так это зачистивший к Ире Андрей. Увидев в первый раз в палате у моей девочки букет цветов, я долго стоял и тупил, глядя на него, будто это была бомба замедленного действия. Когда же я узнал, от кого были эти цветы, захотелось выкинуть их в окно. Сдержался с трудом. Остановило меня лишь то, что фее букет понравился. Но после этого я взял для себя за правило каждый день присылать ей новый букет с утра.

Ира смеялась и качала головой, говоря, что скоро в палате места не останется, но останавливаться я не собирался. Пусть знает, что я тоже могу быть романтичным. По крайней мере до тех пор, пока я не смогу сводить ее на нормальное свидание.

— Вставай, малой, — пытался я растормошить спящего Никиту. — Сегодня великий день переезда, — на мою реплику он никак не отреагировал, только сильнее зарылся под одеяло, даже макушка не торчала. — А вечером поедем за собакой, — протянул, стягивая с него одеяло.

На этот раз меня встретили широко раскрытые и сияющие счастьем глаза, так похожие на глаза его матери.

— Ура! — воскликнул пацан и подскочил с кровати, побежав умываться.

Хмыкнув, я вышел из комнаты. Надо было накормить его перед длинным днем. Вчера мы предупредили Иру, что сегодня заехать не сможем. Она, конечно, расстроилась, но согласилась. Будет ждать нас завтра.

Пока мы завтракали, я вызвал службу перевозки, самостоятельно заниматься тасканием тяжестей не собирался. Не для этого я зарабатываю, чтобы спину по пустякам рвать.

Мужики приехали довольно быстро. Я даже не успел помыть посуду. Основная часть коробок была собрана и стояла в коридоре. После них вытащили диван, стоявший в большой комнате, на котором я спал последнее время, уступив кровать Нику, затем ту самую кровать и телевизор.

Никитка носился между грузчиками показывая им, какую мебель лучше вынести следующей. Мужики смеялись, но на удивление всем его советам внимали, и лишь раз сделали по-своему, когда вытаскивали платяной шкаф из прихожей. Мелкий советовал выносить его по частям, но они отказались, справедливо решив, что потом могут его не собрать, поскольку не досчитаются деталей.

Остальную мебель, включая кухонную, я решил оставить на квартире. Эти-то вещи брал

с собой, потому что покупал недавно, всего лишь год назад, когда переехал, и не видел смысла покупать их заново в дом. Эти меня полностью устраивали.

Заперев квартиру, поднялся вместе с Никитой на этаж выше, чтобы забрать все нужные ему вещи. К моему удивлению, под их дверью кто-то сидел. Присмотревшись внимательно, я притормозил Ника, задвинув его себе за спину.

— Может, подождешь меня в машине? — попытался избавиться таким образом от мальчика, но тот моментально напрягшись, когда также как и я рассмотрел посетителя, схватил меня за предплечье и отрицательно покачал головой.

— Нет.

Мужчина, услышав нас, поднял голову. Сощурился, как от яркого света, пытаясь нас разглядеть.

— Ты кто? — рявкнул он, поднимаясь.

— Что ты здесь делаешь? — вместо ответа спросил я, все-таки задвигая мелкого за спину и делая несколько шагов в сторону мудака.

— Жду Иру. Хотя тебя это никак не касается, — попытался огрызнуться он, но не на того напал.

Я не стал церемониться и выяснять дальнейшие подробности его пребывания на этой лестничной площадке, схватил его за грудки и, приподняв над полом, прижал к стенке. Мудачье попыталось вырваться, но не тут-то было. Из моей хватки мало кому удавалось освободиться, особенно такому хлюпику, как он.

— Ошибаешься, — прорычал ему в лицо, наслаждаясь страхом, буквально затопившим его с головой.

Я, как собака, чувствовал его. И наслаждался этим. Правильно, бойся меня, тварь такая! Не все тебе слабых и беззащитных третировать, побудь хоть раз в их шкуре.

— Меня касается все, что касается Иры и ее сына, а ты больше никогда не подойдешь к ним ближе, чем на несколько километров, понял меня?

— Ты кто такой, чтобы мне это указывать? — собрал он остатки своей мужественности (если она все-таки у него была).

— Муж.

— У Иры нет мужа, — оскалился он.

— Теперь есть, — отрезал я и несколько раз встряхнул, с удовольствием наблюдая, как его голова ударяется о стенку.

Желания общаться с ним дальше не было, поэтому я, недолго думая, подошел к лестнице, поставил его на ноги и мягко подтолкнул. Ну, как мягко? Он практически кубарем скатился на предыдущий лестничный пролет.

— Еще раз увижу, сдам ментам, — рыкнул на последок, наблюдая, как он медленно поднимается на ноги.

Зыркнув на меня и, я уверен, мысленно послав на три веселых буквы, но не сказав при этом ни слова, он развернулся и ушел.

Услышав, как хлопнула входная дверь подъезда, достал телефон и набрал Борисыча. Он должен знать, что этот недочеловек ошивается поблизости. Шилов выслушал меня молча, пару раз угукнул и повесил трубку. Другой реакции, впрочем, от вечно занятого друга я и не ожидал.

— Идем, Ник, — позвал стоящего молча в сторонке пацана. — Надо проследить, как будут выгружать вещи. Без нас они не попадут в дом.

— Почему мы не разобрались с ним сами? — спросил он, медленно идя рядом.

— Потому что у нас, во-первых, нет на это времени, во-вторых, боюсь, что если я начну с ним разбираться, то грохну его, и меня посадят, а, в-третьих, пусть с ним лучше разбирается полиция. Так безопаснее. И для него, и для нас.

Никита задумчиво кивнул, принимая мое объяснение. Не могу, правда, сказать, что сам я был от него в восторге. С удовольствием бы пересчитал все кости этого уroda, а еще его зубы, и лишил бы возможности ходить и двигать руками. Но такой самосуд мог плохо закончиться, в этом я был уверен. А мне сейчас определенно не нужны были проблемы с законом. Да и вообще тоже.

Илья

Когда мы доехали до поселка, машина с нашими вещами была уже там. Мужики стояли в сторонке и курили, а из ворот соседнего участка высовывалась любопытная мордашка Олеськи. Рядом с девочкой маячила высокая фигура отца. Увидев свою подружку, Никитос заерзал на заднем сиденье.

— Сейчас, сейчас, — рассмеялся я, заметив нетерпение парня. — Я заеду в гараж, а потом можешь бежать к своей зазнобе.

Никитос фыркнул, скрестив руки на груди.

— Она не зазноба.

— Поговорим с тобой об этом еще раз лет через семь, — подмигнул ему в зеркало заднего вида.

В том, что я в это время буду рядом с ними, я ни капли не сомневался. И эта уверенность приводила меня в какой-то щенячий восторг. Я уже чувствовал себя частью их маленькой семьи и расставаться с этим чувством я не собирался.

Заехав на территорию, вздохнул с облегчением. Наконец-то я дома. Больше никаких теней прошлого, преследовавших меня на квартире, никаких сожалений. Мой дом был чистым листом, который я планировал заполнить только счастливыми моментами. В идеале, вместе с Ирой и Никитой.

— Не заиграйтесь с мелкой, — предупредил выскочившего из машины Никитоса, — когда расставим вещи, поедем в питомник.

— Хорошо, — крикнул пацан, вприпрыжку ускакавший на соседний участок.

Макс появился практически сразу же.

— Привет, — пожал он мне руку, наблюдая вместе со мной, как грузчики вытаскивали из машины кровать. — Тебя можно, наконец, поздравить?

— Да, — расплылся в довольной улыбке. — Не представляешь, как я рад.

— Могу только догадываться, — усмехнулся он.

— В понедельник приедет дамочка из соцслужбы, — нахмурившись, поделился с другом. — Надеюсь, что она останется довольна тем, в каких условиях живет Никита.

— Не сомневаюсь, — хлопнул он меня по плечу. — Что тут может не понравиться?

Он обвел взглядом большой участок, на котором можно с легкостью устроить вечеринку на сотню гостей.

— Ну да, ну да... — пробормотал, заходя за грузчиками в дом. — На второй этаж, мужики, — указал им на широкую лестницу. — Вторая дверь слева.

— Как скажешь, шеф.

Благодаря тому, что вещей мы собрали немного, переезд не занял кучу времени. Уже через пару часов я был готов к тому, чтобы ехать в питомник за собакой. Никита пока не видел, что на заднем дворе для нее был оборудован вольер со всевозможными примочками. Я еще договорился со знакомым кинологом, он поможет натренировать нашего нового друга. Он ждал нас завтра.

— Никит, поехали, — позвал мальчика, заходя во двор к Строгановым.

Малой с Олесей и Кирюхой гоняли по двору, играя в прятки.

— А куда вы едете, дядя Илья?

Мелкая бандитка подскочила ко мне из ниоткуда, с разбегу попытавшись запрыгнуть на спину. С первого раза у нее не получилось, но увидев расстроенное личико малышки, я присел на корточки, подставляясь.

— Запрыгивай, егоза, — рассмеялся.

Она с визгом запрыгнула на меня, подхватив ее под колени, выпрямился.

— Держись крепко, — сказал, начиная кружиться по двору со своей драгоценной ношей.

Опустив ее через некоторое время на землю, потрепал малышку по голове и ответил на прозвучавший ранее вопрос:

— Мы с Никиткой едем выбирать собаку.

— Собаку? — широко раскрыла глазки Олеся и даже подпрыгнула от радости. — Пап! — крикнула, да так громко, что мне впору было умереть от зависти. — Я тоже хочу собаку!

— Моров! — заворчала появившаяся в дверях их дома Оксана. — Что за дела?

— Я не при чем, — поднял руки вверх, смеясь.

— Олесь, ну какая собака? — сказала женщина, подходя к нашей четверке. — У нас уже есть два кота.

— А собака? — и она состроила такие жалобные глазки, что у меня тут же возникло желание купить ей эту несчастную собаку, лишь бы не смотрела так.

— Поговори об этом с папой, — перевела стрелки на мужа Строганова.

Олеся тут же забыла про меня и маму и убежала в сторону дома, крича:

— Папа, папа, папа, мне надо с тобой поговорить.

— Ты — жестокая женщина, — покачал головой, продолжая улыбаться.

— Ни капли, — пожала плечами Оксана. — Его очередь выкручиваться.

— Идем, Ник, — обнял за плечи мальчика. — Вечером еще поиграете.

Попрощавшись с друзьями, сели в машину.

— Ты уже определился, какую собаку хочешь? — спросил у мальчишки, выходя с участка.

— Да, — неожиданно заявил он. — Овчарку.

Кивнул, с удовольствием принимая ответ. Мне эта порода тоже больше всего нравилась. Интересно, как в итоге к нашей затее отнесется Ира?

Ирина

Когда я только проснулась в больнице и слышала, что мне тут придется куковать несколько недель, думала, что с ума сойду со скуки. Буду на стенку лезть и считать минуты до того счастливого момента, когда меня выпишут. На поверку все оказалось не так ужасно.

Две недели пролетели, как один миг. И я этому была безумно рада. Как бы хорошо ко мне здесь ни относились, и насколько ни был бы очарователен доктор Карпин, я устала от того, что вижу сына лишь по вечерам и то не каждый день. Устала от этих стен, хоть они и не были отвратительного желтого цвета, как в моей палате, в которой я лежала после родов. Устала от вечных обследований, процедур. И от гипса. К сожалению, снимут мне его не раньше, чем через несколько недель, и то если все пройдет хорошо, но ходить в нем за пределами больницы будет гораздо проще и легче, чем здесь. Да и мне просто хотелось на волю.

Только я слабо понимала пока, что эта воля будет из себя представлять. Илья не раз во время своих визитов упоминал, что хочет после больницы привезти меня в свой дом. Что Никитке там хорошо, он уже подружился со всеми соседскими детишками. Сынок тоже чуть ли не подпрыгивал до потолка, когда рассказывал мне о том, как проходят его дни.

Не могу сказать, что мысль о том, что мы с Ильей будем жить под одной крышей, меня пугала. Или вызывала отторжение. Скорее, наоборот. Мне было любопытно. И в какой-то степени даже хотелось этого.

Мои чувства к Морову за эти две недели претерпели разительные изменения. От той настороженности, с которой я к нему относилась поначалу, не осталось и следа. Он с каждым днем меня все больше привлекал. Не только как знакомый, помогающий мне с сыном, но и как мужчина. Глупо было бы отрицать, что я больше не смотрю на него, как на незнакомца. Все чаще в моей голове возникали довольно развратные мысли. Не раз я просыпалась ночью от того, что меня всю скручивало от неудовлетворенного желания. Откровенные сны не давали мне покоя. Но мне не было за это даже чуточку стыдно.

Этот мужчина был прямо-таки усладой для глаз. Особенно, когда других развлечений вокруг не было. Конечно, еще был юрист Андрей, который взял себе за правило посещать меня через день. Он был довольно интересным собеседником, и, возможно, в какой-то другой жизни я бы и попробовала построить с ним отношения, но не в этой. Не после того, как получше узнала Морова. Не после его поцелуя, полного нежности и едва сдерживаемого желания.

Андрею я, кстати, довольно быстро сообщила, что никаких отношений между нами не может быть. Но он ни капли не расстроился. Сказал лишь, что он все понимает, но хочет быть хотя бы моим другом. Отказываться я не стала. Полезно иметь таких друзей.

К сожалению, никаких иных попыток сблизиться Илья больше не предпринимал. Я бы даже могла подумать, что он пожалел о своем порыве, если бы не его слова, полные намеков на нечто большее между нами. И такая забавная ревность.

Стоило ему только увидеть свежий букет цветов, присланный мне Андреем на следующий день после посещения, как Морова словно подменили. Нет, он и до этого относился ко мне с каким-то особым трепетом, я это чувствовала, хоть и не хотела признаваться даже самой себе. Но, видимо, решив, что у него появился конкурент, Илья

направил все свои силы на то, чтобы доказать, что лучше него я никого не найду. Он практически завалил меня подарками.

Поначалу я не хотела их принимать, но отказываться тоже не могла. И к выписке я готовилась, собирая не только свои немногочисленные пожитки, но и тщательно убирая в пакет небольшие мягкие игрушки (к слову, это все были зайчики различных вариаций, никогда их особо не любила, на самом деле, но тут не смогла бы расстаться даже с одним из них, они были уж слишком милые), несколько очень женственных, но дико дорогих цепочек, которые я даже не знала, подо что одевать (придется обновлять гардероб ради них), и даже ноутбук.

Этот невозможный мужчина в какой-то момент решил, что картинка в моем телефоне недостаточно хороша, поэтому по видеосвязи мы теперь общались исключительно при помощи скайпа.

Моров завалил подарками не только меня, но и Никиту. Тот, захлебываясь от счастья рассказывал про свою новую клюшку, коньки и форму. Я пыталась строжиться, выговаривать мужчине, что все эти траты лишние и совершенно ненужные, но мне добродушно пожелали не заморачиваться по пустякам и засунуть свою скромность себе куда подальше. Сложно спорить с Ильей, который что-то вбил себе в голову, поэтому я сдалась.

Оксана, которая как-то приехала со мной познакомиться, и довольно быстро стала моей подругой, а также личным психологом, смеялась над моими возмущениями и рассказывала, как Максим пытался бороться с Моровым, заваливавшим дорогими игрушками двойняшек. В конце концов, и он перестал сопротивляться. А если даже его лучший друг опустил руки и принял ситуацию, то что уж говорить про меня — одинокую, слабую женщину.

Вот только одинокой теперь я себя не ощущала. Более того, я чувствовала себя желанной и... любимой? На этой мысли, правда, я всегда спотыкалась. Слишком рано. Одно дело, когда ты просто догадываешься, думаешь, что дорога мужчине, а другое — когда предполагаешь нечто более глобальное. Например, совместное проживание.

Правда, мое подсознание однажды подкинуло мне картинку нашей с Ильей свадьбы. Я тогда проснулась в холодном поту, а днем дрожащим голосом рассказывала Оксане, куда меня завели мои сумасшедшие мысли. Молодая женщина только улыбалась и качала головой. Выслушав мои сбивчивые объяснения, из-за чего меня охватила такая паника, она задала лишь один вопрос, заставивший меня задуматься. К своему стыду, правда, я пока так и не нашла на него ответ.

Насколько ужасно будет, если я позволю себе полюбить Илью и соглашусь выйти за него замуж, если он позовет?

Не знаю. Трудно сказать. Я все еще периодически вздрагивала от резких звуков или движений. Иногда, споря о чем-то с Ильей (что бывало довольно редко, на самом деле, и касалось обычно лишь его излишнего внимания к моей персоне), одергивала себя, не решаясь продолжить начатое, но мужчина не давал мне закрыться в себе. Практически клещами вытаскивал все, что мне хотелось скрыть.

Потом, прокручивая раз за разом наши беседы, я лишь радовалась, что судьба свела меня с таким упертым представителем мужской части населения. Упертым, настойчивым, но одновременно нежным и заботливым.

А уж эти его взгляды, которые он на меня кидал, полные желания, теплоты, иногда даже неприкрытой похоти... Уф! Одна мысль о них погружала меня в океан наслаждения, по телу разливались ощущения, которые я и не рассчитывала больше испытать. Мне с каждым днем

все больше и больше хотелось почувствовать, какого это, когда сильные руки Морова обнимают тебя, прижимают к этому громадному, но такому надежному телу. И губы... я вновь и вновь хотела ощутить их прикосновение. И не только на моих губах, но и на других частях тела.

Этот мужчина умудрился за такое короткое время заполнить собой все мои мысли (ту часть, что была не занята Никиткой, естественно). Не смотря на периодически нападавшие на меня приступы паники, я уже не могла представить, что наступит момент, и Моров исчезнет из нашей с Ником жизни. От этого мне становилось даже хуже, чем от мыслей о Косте. И вот это немного пугало. Или даже не немного...

— Прекращай заниматься ерундой, — проворчала Оксана, помогавшая собирать мне вещи в день выписки.

— Какой ерундой? — посмотрела на нее недоуменно, упаковывая очередного зайца и с тоской глядя на прекрасный букет из роз и альстромерий, привезенный вчера Моровым.

Очень не хотелось его оставлять тут, но и забрать с собой не могла, рук не хватало. Хотя, меня будут забирать Илья с Никитой, может, всучить его им?

— Ты опять себя накручиваешь. Снова гоняешь туда-сюда мысли о том, нужен тебе Илья или нет?

— Неправда, — возмутилась, но даже для меня мой голос звучал неубедительно.

— Ир, — с тяжелым вздохом она села на край кровати, сложив руки на коленях, как примерная ученица, и взглядом указала на место рядом с собой. Я не стала сопротивляться и тоже села. — Мы с тобой не раз за это время обсуждали твои прошлые отношения, то, что тебя может ожидать, когда ты решишься на новые. Ты рассказывала о том, как тебе бывает порой страшно, а также о том, какие чувства в тебе вызывает Илья.

Я кивнула, не очень понимая, к чему она клонит. Для меня, на самом деле, стало настоящим спасением, когда она, спустя пару дней после нашего знакомства, предложила свои услуги психолога. Потому что заставить себя обратиться к специалисту, которого порекомендовал доктор Карпин, я не могла. Один раз сходила к мужчине на прием, и никаких положительных эмоций он у меня не вызвал. Только отторжение и чувство, что время было потрачено впустую.

— А теперь давай я тебе немного расскажу про самого Илью, — чуть улыбнулась Оксана, а я вся подобралась, приготовившись внимать каждому ее слову.

Хоть она и была в первую очередь подругой Морова, Оксана ни разу не говорила о том, что он чувствует по отношению ко мне. Наоборот, заявляла, что обо всем я должна сама узнать у Ильи. Если так и не смогу разглядеть то, что другим так и бросается в глаза.

— За все то время, что я его знаю, — продолжала она тем временем, — а также если верить Максиму, он никогда с таким трепетом не относился к женщине. Всех своих пассий он, как правило, держал на расстоянии. И ни к одной из них он не был готов мотаться по пробкам каждый день, лишь бы ей было спокойно. Сознайся, ведь тебе было легче, когда он появлялся на пороге палаты, один или с Никиткой?

Она глянула на меня искоса с хитринкой в глазах, а я нехотя кивнула, признавая ее правоту. Мне и правда было спокойнее, когда я видела Морова, почему-то от одного его вида меня отпускало напряжение и тревога за сынишку, и он, видимо, это знал.

— К чему ты это все говоришь?

Строганова рассмеялась и покачала головой.

— Ты прекрасно все сама знаешь. Тебе надо только поверить мне и прекратить

переживать по пустякам. Илья никогда тебя не обидит. Ни тебя, ни Никиту. И он сможет сделать тебя счастливой. А ты уже делаешь счастливым его, — добавила с ласковой улыбкой.

На последних словах я чуть поморщилась. Я же ничего не делаю. Только лежу тут, ворчу периодически и позволяю заваливать себя плюшевыми зайцами и букетами.

В этот момент дверь в палату открылась и вошел предмет нашего разговора собственной персоной.

— Привет! — широко улыбнулся он. — Готова покинуть эти гостеприимные стены? Никитка ждет внизу с Карпиным. У твоего доктора сегодня выходной, но он решил поприсутствовать на выписке любимой пациентки, — на этом моменте Моров скривился, отчего Оксана забавно хрюкнула, но постаралась скрыть это и неправдоподобно закашлялась.

— Готова, — улыбнулась я Илье, любясь его мощной фигурой, заполнившей весь дверной проем.

— Тогда пошли, — махнул он рукой, забирая составленные у двери пакеты.

Поскольку ему удалось захватить их все, я с радостью забрала букет. Все-таки оставлять его не хотелось.

Ирина

К моему удивлению, меня встречала целая делегация: Никита, доктор Карпин, Андрей, Максим, двойняшки, даже Роман Борисович.

Увидев их всех непроизвольно замедлила шаги. Не ожидала такого количества людей на своей выписке. Особенно была удивлена, что семейство Строгановых явилось в полном составе.

Илья перехватил мой ошарашенный взгляд и широко улыбнулся.

— Бандиты сказали, что они обязаны поддержать Никитку и помочь ему встретить тебя из больницы, а Макс заявил, что ему дома будет одному скучно. Да и кто-то же должен был поработать водителем для его семьи. У меня в машине на обратном пути места на всех не хватит.

— А у меня для вас есть замечательная новость, которая сделает этот день еще лучше, — к замершей мне подошел следователь, протягивая руку для приветствия.

Опираясь на Оксану, поскольку стоять с костылем и гипсом было довольно сложно, пожалала его руку в ответ.

— А я здесь исключительно, чтобы побесить Морова, — ухмыляясь, ко мне подошел Андрей и демонстративно поцеловал в щеку.

Мне показалось, или Илья тихо зарычал? Бросила подозрительный взгляд на мужчину, но тот уже с совершенно невозмутимым видом смотрел на друга. Только глаза хищно сверкали. Ревнует. Приятно, черт возьми. Хоть и совершенно бессмысленна эта ревность. Надо будет ему потом об этом сказать. Наверное.

— Так какие у тебя для нас новости, Борисыч? — перевел тему здоровяк.

Шилов достал из неизменного портфеля бумагу и протянул мне. Не сразу поняла, что это такое было, но осознав, еще больше навалилась на Оксану. Та едва слышно крикнула от натуги, но мой вес выдержала, даже помогла восстановить равновесие. Не без помощи тут же подскочившего Морова, естественно.

Это оказалась копия ордера на арест Константина. Сквозь навернувшиеся на глаза слезы прочитала, что ему светит несколько лет в колонии. Меня одновременно обуяли и слабость от облегчения, и невообразимая радость. Никогда бы не подумала, что меня так будет радовать чужое несчастье. Но этот человек умудрился убить во мне даже малейшие признаки симпатии к нему, поэтому сожалений я не испытывала.

— Ириш, — тихо позвал меня Моров, заглядывая мне в глаза.

Посмотрев на Илью, всхлипнула от обуревавших меня чувств. Мне, вдруг, до безумия захотелось, чтобы он меня обнял. Видимо, что-то такое отразилось на моем лице, потому что мужчина осторожно поставил мои многочисленные пакеты на пол и притянул меня к себе, укрывая от всего мира в своих крепких объятиях.

Боже... как же мне с ним спокойно. Я думала, что после того, как меня выпишут, буду, как от огня шарахаться от любой физической близости. Но только не с ним. Крепко обнимающий меня Моров дарил лишь уверенность и почти забытое чувство безопасности. В голове билась лишь одна мысль — только бы подольше не отпускал.

Но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Нервничающий рядом с нами Никитка заставил меня взять себя в руки и осторожно выбраться из рук моего бородача.

Илья отпустил меня лишь удостоверившись, что я успокоилась и теперь крепко держусь на ногах.

Он обхватил мое лицо руками, чуть хмурясь всмотрелся, пытаясь что-то для себя понять, провел пальцами по моим щекам, стирая остатки слез и, нежно улыбнувшись, чмокнул в нос. Совершенно не стесняясь скривившихся Олеси с Кириллом и нахмурившегося Никитку.

Сын продолжал с подозрением смотреть на Морова всю дорогу до машины, но ничего не говорил. Меня это его молчание немного напрягло, но выяснять отношения на виду у друзей Ильи (и, наверное, теперь моих тоже) я не стала. Дома разберемся.

— Приятно, наконец, встретиться с женщиной, так зацепившей моего друга.

Пока мы ждали, когда Илья уложит в багажник пакеты, о чем-то переговорит с Шиловым и Андреем, ко мне подошел Максим Строганов.

Мужчина с улыбкой протянул руку, которую я с удовольствием пожала.

— Взаимно, — улыбнулась в ответ, игнорируя его замечание про Морова. — Оксана, да и Илья много про вас рассказывали.

— Давай сразу договоримся, что не будем друг другу «выкаты», — сморщился Строганов, краем глаза наблюдая за бегущими вокруг машин детьми.

— Хорошо.

— Не знаю, сказала ли уже тебе Оксана, но вечером мы ждем вас с Ильей и Никиткой на ужин.

— Что-то такое упоминала, — кивнула.

Правда, еще не решила, соглашаться ли? Какая-то маленькая часть меня считала, что я буду лишней на этих дружеских посиделках. Да и я все-таки не до конца осознавала еще, что ближайшее время мы с сыном так и продолжим жить в особняке Морова.

— Надеюсь, что ты не откажешься от предложения, — проницательно заметил Максим. У меня что — все мысли на лице написаны? — К тому же, — тихо рассмеялся он каким-то своим мыслям, — я должен тебя предупредить, что Моров и готовка — вещи не совместимые. А ты сейчас не в том состоянии, чтобы стоять у плиты, — выразительно посмотрел на мой гипс.

— Не хочется напрягать вас с Оксаной, — попыталась озвучить хоть каплю терзавших меня сомнений.

— Поверь, им это только в радость, — ответил за друга Илья, подходя и обнимая меня одной рукой за талию.

Меня тут же, как магнитом, притянуло к его телу. Оперевшись на мужчину, подняла голову, чтобы на него внимательно посмотреть. Ни капли напряжения. То ли он так уверен в Максиме, как в друге, то ли в их паре с Оксаной.

— А от еды четы Строгановых — пальчики оближешь, — растянул губы в белоснежной улыбке Ильи, подмигивая мне. — Выдвигаемся?

Максим кивнул, жестом подозвал двойняшек и повел их к машине.

— Увидимся вечером, — тепло улыбнулась мне Оксана, приобняв на прощание (насколько это было возможно, учитывая продолжающего держать меня Морова).

— Хорошо, — кивнула, принимая тот факт, что от приглашения мне уже не отвертеться.

Осмотрев парковку, заметила, что Шилов и Андрей как-то незаметно для меня уехали. Остались только мы с Ильей и Никитой и доктор Карпин.

— Жду тебя на следующей неделе, любимая пациентка, — подмигнул мне доктор.

Опять этот тихий рык со стороны Ильи. Это что же — всегда так теперь будет? И согласна ли я на это «всегда»? Хочу ли я этого? В этом еще предстоит разобраться. Но в первую очередь надо избавиться от ненавистного гипса.

— Обязательно будем, — ответил за нас двоих Илья, особенно подчеркнув голосом, что придем мы вдвоем.

— Не сомневаюсь, — рассмеялся Стас и покачал головой. — И прекрати ее так сжимать, Моров, у нее ребра еще не до конца зажили.

Хватка Ильи моментально ослабла. Виновато посмотрев на меня, он что-то буркнул себе под нос. Не желая, чтобы мужчина чувствовал себя неуютно, тогда как я не ощутила ни капли дискомфорта, погладила его по плечу и нежно улыбнулась.

— Все хорошо, не переживай, — шепнула.

Стоящий рядом Ник хмурился все сильнее. Да что не так-то? Он Морова до этого момента чуть ли не боготворил, а сейчас смотрит на него, как на врага народа.

— Ладно, голубки, мне пора. До встречи. Ник, береги маму.

Карпин хлопнул Илью по плечу, пожал руку моему сыну и, послав мне на прощание очередную свою улыбку, размашистым шагом двинулся в сторону больницы.

— Ну, что? Поехали домой?

Моров мягко подтолкнул меня к заднему сиденью своего автомобиля, помог в него забраться и с удобством устроиться. Никитка сел рядом, крепко схватив меня за руку, словно, если он меня отпустит, то я исчезну.

Не выдержав, прижала к себе сынишку, осыпала поцелуями, на что получила в ответ порцию ворчания.

— Ну, ма-а-а-м! — протянул он недовольно, но выбираться из моих объятий не спешил, да и не выпустила бы я его так просто.

Илья, улыбаясь, смотрел на нас в зеркало заднего вида. Поймав его взгляд, улыбнулась в ответ, а в голове промелькнула мысль, что именно сейчас, в этот момент, я чувствую, что мы — настоящая семья. И пусть это звучит не совсем логично, учитывая все обстоятельства, но запрещать себе так думать я не хотела. И не стала. Сейчас мне хорошо, а со всем остальным потом разберемся.

Ирина

Пока ехали до поселка, засыпала Ника вопросами о тренировках, которые временно были поставлены на паузу из-за начавшихся каникул, о новых друзьях, которыми он обзавелся за эти две недели, о его планах на выходные.

Оказалось, что они идут смотреть тренировку местной хоккейной команды уже завтра. Илья, периодически вставлявший свои замечания, сказал, что обязательно отвезет его туда и заберет обратно.

Я лишь кивала, слушая сына. Хотелось бы и мне побывать на этой тренировке. В конце концов, мужчины — не единственные, кто в этой машине любил хоккей. Но я прекрасно понимала, что в ближайшее время дальше, чем территория соседнего участка Строгановых меня без сопровождения не отпустят.

Даже, не смотря на то, что Костя теперь под надежным замком и не освободится следующие лет пять. Как Борисычу удалось его посадить на такой длительный срок, когда я не рассчитывала даже на обещанные первоначально Ильей три года, не знала, но уж точно не собиралась возражать по этому поводу.

Когда мы заехали на территорию, не выдержала и высунулась в окно. Было дико любопытно посмотреть, где все это время жил мой сынишка. Поселок оказался довольно приличным — чистенький, ухоженные домики за невысокими заборами, лишь некоторые из них прятались за такими высокими кирпичными заграждениями будто собирались отражать осаду. И всюду полно зелени. Просто потрясающе.

Втянула глубоко носом воздух. Он разительно отличался от городского. И это было прекрасно. Когда-то жизнь в подобном живописном месте была моей мечтой. Казалось, что несбыточной, но, может, именно сейчас она стала сбываться? Страшно подумать. Из-за боязни разочароваться.

Никитка уютно устроился у меня под боком, но стоило нам свернуть на подъездную дорожку к дому Морова, как он резко сел прямо, заговорщицки переглянулся с Ильей (куда пропала враждебность?) и стал внимательно следить за каждым моим движением.

— Что происходит? — подозрительно прищурилась.

Знаю я его такое выражение лица. Обычно оно означает, что сын задумал какую-то пакость.

— Сюрприз, — протянул Ник, довольно потирая руки. — Тебе понравится.

— Не уверена... — пробормотала, открывая дверцу и выглядывая наружу.

Участок у Ильи был большой, дом расположился ровно посередине, аккуратные дорожки вели к самому дому и за него. Небольшие клумбы раскинулись тут и там, высокие деревья, на одном из которых даже расположился небольшой домик с веревочной лестницей, только добавляли уюта и совершенно не портили картину. Между соседними участками виднелась калитка. Видимо, это был дом Строгановых.

Чувствовалась рука дизайнера. Вряд ли Илья сам занимался обустройством. Не производил он впечатление человека, готового в мелочах продумывать дизайн.

С радостью заметила небольшие садовые качели (всегда о таких мечтала) и веранду, опоясывающую дом по кругу.

— А за домом бассейн, — радостно воскликнул Никитка. — Я уже там купался. Дядя

Илья учил меня плавать.

Улыбнулась сыну, послав взгляд, полный благодарности, в сторону Морова. Давно хотела этим заняться, но все не находила времени.

Илья лишь передернул плечами, явно показывая, что делал он это просто так, не ожидая от меня ничего взамен.

Когда здоровяк с преувеличенной на мой взгляд осторожностью помог мне выбраться из машины, я услышала собачий лай. Оглянувшись вокруг себя, никого не заметила, наверное, показалось.

Никитка загадочно улыбнулся, взял меня за руку и потянул за собой. Куда-то за дом.

— Осторожнее, малой, — нахмурился Илья, заметив, как я балансировала на одной ноге, пытаюсь приноровиться к костылю.

— Извини, мам, — насупился Ник.

— Ничего страшного, дорогой, — потрепала его по макушке. — Ты мне что-то хотел показать?

— Да, пойдём.

Сынок разве что не подпрыгивал на месте от распиравшего его возбуждения. Мужчина тихо рассмеялся и, взяв меня под руку, повел вслед за побежавшим по тропинке Ником.

— Что там такое? — решила выяснить у него.

Но Илья только покачал головой.

— Сама увидишь.

За домом я увидела бассейн, детскую площадку и... вольтер, в котором прыгал, как заведенный, щенок немецкой овчарки.

— Мам, знакомься, — радостно сверкая глазами к нам повернулся Ник, — это Барон, ему четыре месяца.

— Барон... — прошептала я, широко раскрытыми от удивления глазами наблюдая, как сын открывает вольтер, и из него вырывается маленький ураган, тут же начавший нарезать вокруг нас с Ильей круги. — Барон... — снова проговорила, поднимая взгляд на Морова.

— Я обещал, — пожал он плечами, ничуть не выглядя виноватым.

Да и не должен был, наверное. Вот только... что мне потом делать с собакой? Когда мы вернемся с Никиткой в квартиру. В ней собаке будет тесно, а судя по тому, как ребенок радостно с ним играет, оставить Барона у Морова и периодически навещать к нему в гости — не вариант. Ник не даст.

Что-то мне все больше кажется, что, когда истекут мои две недели хождения с гипсом, и его, наконец, снимут, никто нас с Никиткой не отпустит. Уж слишком основательно Моров подошел к тому, чтобы вписаться в нашу с Ником жизнь.

— Пойдем, покажу тебе твою комнату, — увлек меня в сторону дома Илья, оставляя сына резвиться с собакой. — Она на первом этаже, чтобы тебе было удобно.

— Илья... — решила все-таки задать мучавший меня всю дорогу вопрос. — Ты уверен, что мы тебе с Никиткой не помешаем?

— Ириш, — тяжело вздохнул он, — не говори ерунды. Я уже все решил.

А я? Я тоже уже все решила? Или моего мнения никто спрашивать не будет?

Илья

Оставив Иришку в комнате, удостоверившись перед этим, что у нее есть все необходимое, поднялся к себе в кабинет. Вчера взял работу на дом, не мог ни на чем сосредоточиться в офисе. Переживал, как пройдет выписка. Вдруг, Ирина заупрямится и решит, что лучше будет, если они с Китом вернутся в их городскую квартиру.

Но, как ни странно, от нее не прозвучало ни одного возражения. Но что-то мне кажется, что в скором времени нам все-таки предстоит об этом поговорить. И к этому разговору я готов. Уже давно выстроил в голове все аргументы, которые помогут мне уговорить фею остаться со мной. И не просто жить в моем доме, но и быть в моей жизни.

Правда, поработать мне не дали. Стоило только раскрыть договор на компьютере, в кабинет робко постучали. Поскольку Ира точно не смогла бы сейчас подняться на второй этаж, это мог быть только один человек. И точно, когда я крикнул: «Войдите», в проем двери просунулась мордашка Никиты.

— Дядя Илья, можно с вами поговорить?

Пацан был на удивление серьезен. Словно собирался обсуждать со мной жизненно важные вопросы. Интересненько...

— Да, конечно, проходи, — пригласил его, откидываясь на спинку кресла.

Никита осторожно прошел в комнату, с интересом осматриваясь вокруг себя. Как ни странно, но за то время, что пацан жил в моем доме, он ни разу не был в моем кабинете. И не потому, что я запрещал в него заходить (никаких страшных секретов или вещей, над которыми я бы трясся, в нем не было), просто воспитание мальчишки было сильнее его любопытства.

На мой взгляд, ничего особенно интересного в кабинете не было. Добротный стол, на котором с легкостью можно разложить не только кучу бумаг, но и одну прекрасную леди (да, я пошляк, что поделаешь, и выбирал стол с тайным умыслом); большой книжный шкаф, состоящий из трех секций, одна из которых была занята модельками парусников (их я собирал в детстве, чтобы хоть как-то отвлечься от того, что происходило у нас дома, и так и не смог с ними расстаться, на каждое свое новое место перевозил довольно внушительную коллекцию); бар шкаф, занимающий практически половину противоположной от стола стены и огромный глобус. Не знаю, на кой черт мне он был нужен, но всегда хотел такой у себя дома, и как только появилась возможность, а главное — место для него, приобрел.

Как и ожидалось, мальчонку заинтересовали парусники и глобус. Он с таким любопытством их рассматривал, что мне показалось — забыл, зачем пришел. Спустя пару минут, я прокашлялся, привлекая к себе внимание. Не то чтобы он мешал, но было все-таки любопытно, с какой целью Никитка ко мне постучался.

— Так, зачем ты пришел? — спросил, когда Ник перевел-таки на меня свой взгляд.

Мальчик тут же нахмурился и весь как-то подобрался. Похоже, что он старался выглядеть более взрослым, чем был на самом деле. Зачем? Все чудесатее и чудесатее.

— Я хотел поговорить с вами, дядя Илья, по поводу ваших намерений относительно моей мамы, — выпалил он на одном дыхании, продолжая стоять посередине кабинета.

Я аж воздухом поперхнулся. Настолько неожиданным и немного комичным было его заявление. Не желая обижать малого, взял себя в руки, взмахом руки предложил сесть в

кресло напротив. Он смерил меня максимально возможным для его возраста суровым взглядом и медленно сел.

— Мне кажется, что мы с тобой уже вели подобную беседу, — потянул время, думая, как лучше донести до него мои... намерения.

— Мне нужно знать наверняка, — упрямо сжал губы пацан и нахмурил брови, отчего стал безумно похож на свою мать, когда та была чем-то недовольна.

— Никит... — нужные слова не шли на ум.

Не мог же я ему заявить, что в данный момент больше всего хочу оказаться между ног его матери, и таким способом доказать ей, что лучше меня она мужика найти не сможет. А когда она будет плохо соображать от того количества оргазмов, которые я намереваюсь ей подарить, попрошу (в ультимативной форме, естественно) выйти за меня замуж, чтобы окончательно привязать ее и ее сына к себе.

Нет, он такого не оценит. Да и подобные откровения не для нежных ушек мальчика. Он, конечно, пытается казаться взрослым мужчиной, но ему до этого еще жить и жить.

— Я люблю твою маму, — решил все-таки быть с ним максимально честным. Всегда считал подобную тактику в разговоре с кем-то наиболее выигрышной. — И хочу, чтобы она стала моей женой.

Глаза юного хоккеиста практически вывалились из орбит. Такого заявления он не ожидал, это точно. Какое-то время мы просидели в гробовой тишине, пока Никита переваривал услышанное.

— Она тоже должна этого хотеть, — заявил, наконец, он.

— Несомненно, — кивнул. — И пока она восстанавливается, я намереваюсь сделать все, что в моих силах, чтобы она захотела.

Говорить о том, какими именно способами я собираюсь добиваться ее расположения, не стал. О некоторых вещах, как уже упоминалось, не стоит говорить с маленькими мальчиками.

— Хорошо, — важно кивнул Ник, поднимаясь с кресла.

Он уже был практически у выхода, когда внезапно остановился и повернулся ко мне. От прежней уверенности не осталось и следа. Теперь на его личике было какое-то странное выражение. Не страх, нет, но что-то близкое к нему.

— А если она захочет, то... — мальчонка замялся, еще чуть-чуть и начнет ковырять носком ковер от смущения. — Можно я тогда буду называть тебя папой? — выпалил и зажмурился, словно боялся моего ответа.

В очередной раз за последние несколько минут я был ошарашен. Никите удалось то, чего не могли добиться взрослые мужики — я потерял дар речи и не знал, что сказать. Точнее, знал, но был настолько удивлен этому вопросу, что не мог найти в себе силы открыть рот.

Мне даже в голову не могло прийти, что он когда-нибудь (при условии, что у нас с Ирой все сложится, конечно) будет называть меня папой. Мне в принципе было фиолетово, как он меня называет, главное, чтобы принял и не противился моему присутствию в их с матерью жизни. А тут такое...

— Ник... — прохрипел.

Горло как наждачка.

Мальчик продолжал стоять с закрытыми глазами, с каждой минутой все больше сутулясь. Он будто бы пытался исчезнуть, уже жалея о своем вопросе.

Не выдержав захлестнувшего меня коктейля из радости, страха, сомнений, удовольствия и бог знает чего еще, вскочил из-за стола. Подошел к мальчику, аккуратно, стараясь не спугнуть его неосторожным движением или внезапным звуком, опустился перед ним на колени, сжал плечи.

Никитка, почувствовав прикосновение, открыл глаза и неуверенно на меня посмотрел.

— Конечно, можно, — чуть улыбнулся, прошептав (говорить во весь голос не мог, хоть ты тресни). — Но... — начавший было тоже улыбаться пацан, нахмурился. — Ты уверен?

Я должен был уточнить. Вдруг, это всего лишь порыв, о котором он в последствии пожалеет. Мне все казалось, что слишком рано для подобного. Мы даже с матерью-то его отношения не построили еще, а мальчик уже так сильно ко мне привязался. Возможно ли такое?

— Уверен, — со всевозможной твердостью ответил Никита.

— Сочту за честь иметь такого сына, — еще шире улыбнулся я.

Прозвучало немного пафосно, конечно, но более правдивых слов я в своей жизни еще не говорил.

Ник выдохнул и бросился мне на шею с объятиями. Снова меня удивив.

— Спасибо, — прошептал мне на ухо. — Пап.

Блять! Еще немного и я разрыдаюсь, как девчонка. Внутри скручивался узел из эмоций, мешал дышать, но это были самые потрясающие ощущения, которые мне доводилось испытывать.

В голове, правда, мелькнула мысль, что Ира меня убьет, когда узнает, но я от нее отмахнулся, как от назойливой мухи. Ерунда, все будет хорошо.

— Давай только пока маме не говорить об этом, хорошо? — чуть отодвинув от себя мальчика, заглянул ему в глаза.

— Хорошо, — кивнул он, продолжая улыбаться. Его глаза подозрительно блестели, но комментировать или, тем паче, стыдить его я не собирался. Сам с трудом сдержался.

В этот момент снизу донесся неожиданный грохот, заставивший нас с Никитой резко посмотреть в сторону двери. Если в дом не залезли воры, то это могла быть только...

— Ира!

— Мама!

Одновременно воскликнули мы и рванули на первый этаж. Очень надеюсь, что женщина не умудрилась ненароком покалечить себя, только выписавшись из больницы, или еще чего похуже.

Ирина

Что побудило меня полезть на второй этаж? Не знаю и по сей день. Одна нога в гипсе, костыль, который мне больше мешает, чем помогает, ребра все еще побаливают, стоит только сделать неосторожное движение или обо что-то неудачно опереться...

Но после того, как я устроилась в выделенной мне комнате, разложив свои немногочисленные пожитки и кучу зайцев, занявших большую часть свободного пространства, мне стало скучно. Думала позвать Никиту, но не орать же на всю Ивановскую, чтобы он ко мне подошел. Я, в конце концов, не лежащий инвалид, передвигаться могу.

Поэтому и решила, что вполне себе способна найти своего сына в этом огромном доме, не прибегая ни к чьей помощи, в том числе моих голосовых связок.

Ни в уютной гостиной с большим диваном, камином (не электрическим, прошу заметить) и плазмой, которая подошла бы для небольшого кинотеатра, ни в кухне, оснащенной самой современной техникой, ни на заднем дворе, к которому вели выдвижные двери, никого не оказалось.

С сомнением посмотрев на лестницу, ведущую на второй этаж, перевела взгляд на свою загипсованную ногу и костыль. Смогу я осилить подъем или лучше подождать, пока мужчины сами ко мне спустятся? Решив, что терпения их ждать у меня не хватит (мало ли, когда они про меня вспомнят), попробовала подняться.

С трудом, но у меня получилось. Я даже умудрилась ни разу не оступиться и не наделать много шума. Заняло это, правда, у меня довольно много времени, и к концу подъема я уже обливалась потом от натуги, но с удовлетворением выдохнула, опираясь на стенку. Какая я молодец! Сама смогла!

Из ближайшей к лестнице комнаты доносились голоса. Отсюда было сложно понять, о чем именно говорили Никита с Ильей, поэтому я решила подползти поближе. Подслушивать нехорошо, знаю, но любопытство было сильнее меня.

Шикарный пушистый ковер (персидский что ли?), которым был устлан пол в коридоре, глушил шаги и стук костыля, поэтому моего появления никто не заметил. Дверь была чуть приоткрыта, и, прислонившись к стене, я начала вслушиваться в разговор.

— А если она захочет, то... — услышала неуверенный голосок сына, — можно я тогда буду называть тебя папой?

Что??? С огромным трудом мне удалось подавить вскрик, рвущийся откуда-то из самых глубин. Папой? Илью?!

В комнате, в которой находились мои мужчины, повисла тишина. Затаив дыхание, я со страхом ждала ответа Морова. Не знаю, как у него получилось за такое короткое время так привязать к себе моего сына, но я безумно боялась, что он сейчас ответит моему мальчику отказом.

Не удивилась бы, конечно, потому что... Ну, зачем этому здоровяку такие сложности? Но все равно мне очень хотелось, чтобы он его не оттолкнул. Черт его знает, что творилось в тот момент в моей голове.

Я не знала, какими в дальнейшем станут наши отношения с Моровым. Не знала, как сама-то толком к нему отношусь. Но была уверена в одном — я не хотела, чтобы моему сыну было больно. Всем сердцем желала, чтобы мужчина принял его. Пусть это и было не совсем

правильно. Ведь, между мной и Моровым может ничего не получиться, и мы с Никиткой пропадем из его жизни, а он — из нашей, а от этого Нику может стать еще хуже, но...

Господи... как же все сложно. С тихим стоном прикрыла глаза, напрягая слух. Мужчина ничего не говорил, молчал, как рыба. Подбирает слова, чтобы помягче послать Никиту? Надеюсь, что нет.

Мать моя женщина, о чем я вообще думаю? Нельзя, чтобы Ник так привязался к Илье. Это неправильно. По крайней мере в данный момент времени. Да, я до безумия желаю этого мужчину, но строить с ним семью? Хочу ли я этого? Да еще сейчас. Как же все невовремя.

За своим метаниями я так и не услышала, что ответил Моров. Из транса, в который я впала, вывели меня следующие слова:

— Сочту за честь иметь такого сына.

На глаза навернулись слезы. Прикрыв рот ладонью, чтобы не всхлипнуть, похромала обратно к лестнице. Мне надо это переварить. Осознать. И понять, как действовать дальше.

Я практически бесшумно спустилась по лестнице, гораздо быстрее, чем поднималась по ней (не знаю, как у меня это получилось, все было, как в тумане), но на последней ступеньке слишком поторопилась, подвинула костыль дальше, чем было нужно, и вместо твердой поверхности ступени, оперлась о воздух.

Покачнувшись, мертвой хваткой вцепилась в перила, выпуская костыль из рук. Он свалился на пол с жутким грохотом. Зажмурившись, восстановила равновесие и спрыгнула со ступеньки. Уже наклоняясь, услышала громкий топот и хлопок ударившейся о стену двери. Подняв взгляд, увидела спешащих мне на помощь Илью с Никитой.

— Ира, — возопил Моров, скатившись с лестницы, обхватывая меня за плечи и чуть поднимая над полом, — все в порядке?

До того момента, как я ответила, мужчина умудрился осмотреть меня всю с ног до головы, ища какие-либо повреждения.

— Все хорошо, — ответила слабым голосом.

После подслушанного разговора, я не знала, как себя вести рядом с ним. Что теперь делать? Вести себя, как ни в чем не бывало, я не смогу. Но и морозиться от него тоже будет неправильно. Ничего плохого Илья не сделал. Сблизился с моим сыном? Это не преступление. И разве плохо, что мальчик так полюбил мужчину, отвечающему ему взаимностью?

Проблема была лишь во мне. Я понятия не имела, как в действительности отношусь к Морову.

Мысли о том, можем ли мы с ним построить что-то адекватное вместе, стать полноценной ячейкой общества, вновь заполнили мою многострадальную головушку. Она даже чуть разболелась.

Заметив, как я поморщилась, Илья нахмурился и снова спросил — в порядке ли я? Хотелось честно ответить, что ни хрена я не в порядке, и виноваты в этом они с Ником. Но это было бы несправедливо по отношению к ним двоим. Да и спрашивал меня Моров о физическом самочувствии, а не моральном.

— Все в порядке, — сумела выдать из себя, избегая внимательного взгляда зеленых глаз, улыбнулась дрожащими губами хмурому Нику. — Можешь поставить меня на место.

Моров кивнул, осторожно опустил меня на пол, Никита подал костыль, опираясь на который я отошла от мужчины на несколько шагов. Задрав голову, посмотрела на него, пытаюсь увидеть... Что? Что он такой же, как и мой бывший сожитель?

Нет, я знала, что Илья не такой. Не только Оксана и Никита, а также его многочисленные друзья смогли меня в этом убедить, но я и сама это чувствовала.

Так что я хотела рассмотреть в нем? Его неискренность по отношению к моему сыну? От этой мысли захотелось рассмеяться. Наименее неискренного человека, чем Моров еще поискать надо.

За те две недели, что он провел рядом со мной, я успела твердо уяснить — Илья не прячет своих истинных чувств. Если злится, то делает это громко, так, чтобы всем было ясно — здоровяк не в духе. Если радуется, то так заразительно, что волей, неволей радуешься вместе с ним. Если любит, то... А вот это мне еще предстоит узнать.

— Строгановы ждут нас через час, — посмотрев на часы, сказал он, продолжая чуть нахмутив брови сверлить меня взглядом.

— Пойду тогда, переоденусь, — кивнула, разворачиваясь в сторону моей комнаты.

— Помочь? — с усмешкой предложил мне Моров.

— Сама справлюсь, — буркнула, покачав головой и послав ему укоризненный взгляд.

Вообще-то рядом был Никита. Не стоит ему такое слышать.

Илья ответил совершенно невинным взглядом, как у младенца, будто бы ничего такого страшного он не предложил.

— Если что — зови, — пожал он плечами. — Пойдем, Ник, поиграем с Бароном, пока не ушли. Ему надо размяться.

Мальчик радостно подпрыгнул на месте и первым рванул в сторону дверей, ведущих на задний двор. С улыбкой проводив его взглядом, Илья вновь посмотрел на меня и в два шага оказался рядом.

Близко. Слишком близко. В ноздри ударил аромат его одеколона, который я узнаю теперь без труда. Глубоко вдохнув неповторимую смесь из одеколона и чего-то еще, присущего только Морову, подняла голову.

Мужчина пристально смотрел на меня, чуть прищурившись. В зеленых глазах плясали чертята. Здоровяк что-то задумал, было видно, а когда его взгляд опустился на мои губы, которые я облизывала именно в этот момент, стало ясно, что именно творится в его голове.

Вместо того, чтобы отодвинуться от него, увеличить разделяющее нас расстояние, я, наоборот, сократила дистанцию. Неосознанно, действуя исключительно на инстинктах, но мне до безумия хотелось вновь ощутить вкус его губ. Почувствовать их твердость и одновременно мягкость. Вновь узнать их ласку. Я уже даже вспомнить не могла, что всего пару минут назад меня терзали сомнения, вопросы. Все, что мне сейчас хотелось, что было нужно, стояло передо мной и пожирало меня жадным и немного собственническим взглядом.

Долго ждать не пришлось, Илья что-то тихо пробормотал и впился в мои губы своими. Тихо застонав, сжала его рубашку одной рукой, притягивая его ближе, еще ближе. Настолько, чтобы можно было слиться с ним воедино.

С ответным стоном Моров усилил поцелуй, врываясь в мой рот своим языком, доминируя, устанавливая какие-то свои правила, сжимая в объятиях, крепко, но одновременно нежно. И мне хотелось подчиняться. Именно ему хотелось. Каким-то шестым чувством я понимала, что он не будет меня ломать, не сделает ничего, к чему бы я не была бы готова. Не перейдет черту, даже если ему будет больно.

А ему будет. Определенно будет. Если судить по внушительной твердости, упирившейся мне в живот.

Зарывшись руками в мои волосы, он чуть сжал их, заставляя откинуть голову назад, открывая для своих жадных поцелуев шею.

С моих губ сорвался очередной стон. Ноги стали ватными, и пришлось схватиться за Илью обеими руками. В этот раз никто из нас не услышал стук упавшего на пол костыля. Мы растворились друг в друге, забыли даже о ждущем Илью на улице Никите. И о том, что скоро нас ждут его друзья. Да вообще обо всем...

Обхватив руками мою пятую точку, Моров рывком поднял меня над землей, без особых усилий прижал к себе. Попыталась было обхватить его за талию ногами, но гипс помешал. Пришлось болтаться в воздухе. Но Илья не возражал, вряд ли мой бараний вес доставлял ему неудобства, если судить по внушительным мускулам, которые я имела удовольствие ощупывать.

Не знаю, как долго бы мы еще целовались, и как далеко бы зашли, но в дом вернулся Никита, недовольный тем фактом, что Моров так и не пришел к ним с Бароном.

Илья, абсолютно не смущаясь возмущенно сопевшего Ника, медленно поставил меня на пол, чмокнул в нос. Продолжая придерживать меня одной рукой, наклонился, чтобы подать мне упавший костыль.

— Иду, Ник, иду, — тихо рассмеявшись, сказал он.

И... ушел. Ушел, оставив меня наедине с костылем, с вытаращенными глазами смотреть ему вслед. И все-таки хорошо, что у меня был костыль. Только благодаря ему мне удалось устоять на ватных ногах после такого крышесносного поцелуя.

Черт бы тебя побрал, Моров! И как после этого я могу хладнокровно оценивать наши с тобой отношения?

«А, может, не стоит? — тихо спросил внутренний голос, чем-то похожий на Оксанин. — Может, стоит рискнуть и довериться ему?»

Может, и стоит...

Тяжело вздохнув, поковыляла в сторону своей спальни. Надо переодеться. И причесаться, а то после Морова у меня не прическа, а воронье гнездо на голове.

Илья

Ужин прошел прекрасно. По крайней мере, мне так показалось. Но, если честно, мне после того, что произошло между мной и Ирой сегодня, да и после нашего с Никитой разговора, все казалось прекрасным. Хотелось прыгать от радости до потолка и орать: «Жизнь прекрасна! Жизнь прекрасна!».

— Еще немного и тобой можно будет улицы освещать, — подтрунивал надо мной Макс, когда мы химичили с ним у мангала на заднем дворе дома Строгановых.

— Да плевать, — беспечно отмахнулся, — я счастлив, почему бы не показать это?

— И что же тебя так обрадовало? — спросила подошедшая Оксана.

— Ира, — ответил просто. — И Никита.

— Что они такого сделали? — прищурился Максим.

— Ник спросил, сможет ли он называть меня папой, если мы с его мамой поженимся, — улыбнулся опешившим друзьям, но тут же нахмурился. — Как думаете, не слишком рано?

— Бандиты меду собой называли Оксану мамой еще до того, как мы просто стали жить вместе, — пожал плечами друг, а его жена согласно кивнула. — И если у вас с его матерью все серьезно, то не вижу поводов для беспокойства.

— Главное, чтобы Ира считала также, — заметила мадам Строганова, забирая тарелку с готовым шашлыком.

— Если судить по тому, как страстно она отвечает на мои поцелуи... — протянул, не став заканчивать мысль. Все и так было ясно.

Макс усмехнулся и хлопнул меня по плечу.

— Рад за тебя, друг. Давно пора.

Кивнул, соглашаясь с ним.

Вот только в той бочке меда, в которую я неожиданно окунулся с головой, все-таки была небольшая ложка дегтя.

Я мог предполагать все, что угодно, но мне во что бы то ни стало необходимо поговорить с Ирой. Обсудить с ней наши зарождающиеся отношения. Я должен понимать, готова ли она к ним. Хочет ли их. И уже, в зависимости от ее ответов, действовать по ситуации.

Отпускать их с Ником я не собирался. Я был твердо уверен, что это — моя женщина и... мой сын. Да, мой сын! Пусть не биологический, но сын. Я уже его таким считаю, а он готов видеть во мне отца. И это было чертовски приятно!

Шанс поговорить появился на следующий же день. Я должен был сопровождать Никиту на летнюю тренировку местной хоккейной команды. К тому же парочку игроков я знал еще со времен школы, когда сам занимался хоккеем, но мне неожиданно позвонил крупный клиент, у которого возникли пара вопросов по контракту. Мы так долго с Максом ждали, когда он, наконец, созреет, потому что подписание контракта с ним сулило нашей фирме хорошую прибыль, что проигнорировать его я не мог.

Пришлось остаться и утрясти все возникшие проблемы. Когда я освободился, ребята уже уехали. А мы с феей остались дома одни.

Выйдя из кабинета, я обнаружил ее что-то колдующую на кухне. Запах стоял

умопомрачительный. Никогда в этом доме так вкусно не пахло.

— Какой божественный запах, — прокомментировал, подходя к фее сзади и целуя в шею.

Ира очаровательно рассмеялась и чуть наклонила голову, предоставляя мне доступ к милой шейке.

— И какой божественный вкус, — прошептал, чуть прикусывая кожу, тут же зализывая место укуса.

— Ты еще не пробовал, — шутливо возмутилась она.

— А я не про еду, — хмыкнул, притягивая ее к своему телу за талию.

Она подходила мне идеально, словно была создана специально для меня. Даже рост был тот, что надо. Я с легкостью мог положить подбородок ей на макушку, даже не надо было нагибаться.

Развернувшись у меня в руках, Ира нежно улыбнулась, проводя рукой по моим волосам. Потянувшись, как кот, за лаской, улыбнулся ей в ответ.

— Спасибо за цветы, — прошептала она.

Этим утром, как и предыдущие до этого в больнице, мою личную фею во время пробуждения ждал шикарный букет на тумбочке у кровати. Я не собирался отказываться от этих маленьких для нее радостей теперь, когда она оказалась у меня дома. Наоборот, мне еще больше хотелось ее удивлять. Знать, что открывая утром свои очаровательные глазки, первое, что она увидит, будет мой знак внимания.

— Принимаю в благодарность поцелуй, — хитро прищурился.

Ира опять рассмеялась и звонко чмокнула меня в щеку.

— Я говорил не об этом, — притворно надулся.

— Надо было уточнять, — хихикнула молодая женщина.

С удовольствием наблюдая за ее радостью, пусть и вызванной тем, что я веду себя, как дурачок, коротко прижался к ней губами, урывая свой законный утренний поцелуй, а затем разворачивая обратно к плите, чтобы она могла спокойно закончить готовку.

Но стоило мне отойти от Иры, как она тут же повернулась и посмотрела на меня через чур серьезным взглядом.

— Что такое?

Встревожился, не нравился мне такой ее взгляд. Он не сулил мне ничего хорошего.

— Илья, — начала женщина, выключая плиту и подтягивая к себе стул. Я дернулся было помочь ей, но Ира махнула рукой, показывая, что сама справится. — Нам надо поговорить.

— О чем?

Фея чуть пожевала нижнюю губку (мне тут же захотелось зацеловать это место, но пришлось оставить при себе этот порыв), потерев лопатку, которую продолжала держать в руках, затем подняла на меня отчего-то ставшие совершенно несчастными глаза, сглотнула и глубоко втянула воздух, словно решалась сказать что-то очень важное.

— Я слышала ваш с Никитой разговор вчера.

Я не нашелся, что сказать, поэтому смог выдавить из себя только:

— Ага...

Да и что я мог на это сказать? Я ведь и сам планировал поговорить о нас с Ирой. И с Никите. Вот только не думал, что серьезный разговор будет за завтраком, и я не успею к нему подготовиться.

— Я знаю, что Никитка привязался к тебе, — продолжала между тем Ириша, избегая

смотреть мне в глаза. — И вижу, что он тоже стал тебе дорог. И... судя по... поцелуям, — последнее слово она почему-то прошептала, отчаянно краснея, — ты и ко мне хорошо относишься... Но...

Фея замолчала и выжидательно посмотрела на меня. Ага... значит, пора и мне что-то сказать. Вот только что?

Собрав мысли в кучу, шумно втянул носом воздух.

— «Хорошо отношусь» — это не совсем то определение, которое я бы подобрал для своих чувств к тебе, — решил начать с самого главного (сначала мы, а потом Никита).

— А какое бы ты подобрал определение? — с интересом посмотрела на меня Ира.

Была не была. К черту все. Она должна знать реальное положение вещей.

— Я люблю тебя, — сказал просто, пытаюсь по ее лицу прочесть, как она относится к этой новости.

Фея сидела молча, превратившись практически в статую, и просто на меня смотрела, переваривая неожиданно свалившуюся на нее новость.

— Что? — прошептала она, наконец.

— Я люблю тебя, Ир, — повторил, прекрасно осознавая, что терять мне уже нечего. — И хочу, чтобы мы попробовали построить семью вместе.

— Илья...

— Постой, — поднял руку, останавливая ее, — не надо сейчас ничего говорить. Просто подумай об этом, хорошо? И разреши мне за тобой ухаживать. Целовать. Обнимать. Ничего больше, клянусь.

— То есть... ты... хочешь... — Ира пыталась подобрать слова, но у нее плохо получалось.

Видно было, что мое заявление застало ее врасплох. Ожидаемо. Я считал хорошим знаком уже то, что лопатка, что была у нее руках, до сих пор не полетела мне в голову.

— Я хочу попробовать. Если ничего не получится, я отвезу вас в твою квартиру, когда тебе снимут гипс. Обещаю, — черт с два я это сделаю, но пока ей это знать не надо.

— Илья...

Вновь попыталась она что-то сказать, но я опять ее перебил:

— Мне надо сделать еще пару звонков по работе. Подумай пока над моим предложением.

Фея ошалело кивнула. Подавив желание снова ее поцеловать, вышел из комнаты. Надеюсь, ее думы будут в мою пользу. Иначе придется подключать тяжелую артиллерию.

Ирина

Он меня любит. Илья меня любит. Моров меня любит. И хочет попробовать быть вместе.

Голова трещала от одних и тех же мыслей, бившихся о черепную коробку, как мухи о стенки банки, в которую их посадили. Не знаю, что я ожидала, когда начинала этот разговор, но точно не этого.

Нет, я предполагала, что могу ему нравиться. Точнее, знала это наверняка. В противном случае, все эти его поцелуи и объятия выглядели странно. И да, я думала о том, какового это — быть с ним вместе. Но, честно говоря, не рассматривала этот вариант всерьез. Считала, что мне еще слишком рано заводить какие-либо отношения. Даже после того, что подслушала вчера.

И вот эти самые отношения, которых я так опасалась, возникли передо мной также неожиданно, как столб посреди дороги. И у меня было два варианта: врезаться в него с размаху или объехать за километр. Вопрос в том — какой вариант я выберу?

Положив голову на руки, закрыла глаза. Сердце твердило, что самый лучший вариант — врезаться в столб. Окунуться в Морова, как в море. Оно было уверено, что с этим мужчиной мне ничего не грозит, что он будет холить меня и лелеять. Любить меня и моего сына со всей силой, на которую способно его огромное сердце.

Мозг же упорствовал, утверждал, что еще рано, что надо подумать, понаблюдать за ним, изучить. А уже потом... когда я буду полностью уверена в мужчине, можно что-то планировать, пытаться, строить.

Вот только... Только мне почему-то казалось, что, если я буду долго думать, Илья устанет от неопределенности и сбежит. Выселит меня и Никиту из своего дома и из своей жизни. С глаз долой, из сердца вон. И все такое прочее.

И мне становилось страшно от этой мысли. Гораздо больше, чем от мысли о возможной боли, которую мне могут принести неудачные отношения. Очередные.

Решив, что разговор с другом мне сейчас просто необходим, подняла голову и потянулась к телефону, лежащему рядом на столе. Надеюсь, что Оксана не занята и сможет помочь привести мои мысли в порядок.

Она взяла трубку после двух гудков.

— Да, Ир, привет, — ответила, чуть запыхавшимся голосом.

— Привет, — поздоровалась, — я тебя от чего-то отвлекаю?

— Нет, ничуть, — рассмеялась молодая женщина. — Ты меня, наоборот, спасла от необходимости участвовать в очередном спектакле, придуманном детьми.

— А они разве не поехали на тренировку хоккейной команды? — нахмурилась, я думала, что там будут и дети Строгановых.

— Кирилл — да, но Олеся осталась и к ней присоединилась парочка подружек, так что у нас тут импровизированный девичник.

— Ясно... — протянула, не зная, как лучше начать разговор.

— Что-то случилось? — Оксана по голосу поняла, что меня что-то мучает, избавив от необходимости подыскивать правильные слова, за что я была ей благодарна.

— Илья сказал, что любит меня, — выпалила, отчего-то зажмурившись.

— Уже? — удивилась моя собеседница. — Я думала, что он еще немного подождет прежде, чем признается.

— Ты знала? — теперь была моя очередь удивляться.

— Да, — не стала отпираться она. — Он сказал нам об этом с Максимом довольно давно. Точнее, — с легким смешком уточнила Строганова, — он сказал мне, а я уже донесла эту информацию до мужа.

Тоже усмехнувшись, пожевала губу.

— И я теперь не знаю, что мне делать, — призналась, бросая тоскливый взгляд в ту сторону, в которую ушел Илья, надеясь, что он не стоит под дверью и подслушивает.

— Как сказала бы одна из моих подруг: «Надо брать», — твердо заявила Оксана.

— Я не уверена, — тоскливо протянула в трубку.

— В том, что он — тот самый? — прозорливо угадала она. — Так в этом никогда нельзя быть уверенным. Я тоже сомневалась, когда наши отношения с Максимом только начинались. Но одно я знаю точно — не попробуешь, не узнаешь. И будешь жалеть.

— Ты права, — признала с неохотой.

— Естественно, — рассмеялась Строганова. — Не накручивай себя. Я уже тебе это говорила, но повторюсь: позволь себе влюбиться в него, попробуй. Не получится — не страшно, будешь двигаться дальше.

— Но Никита...

— А что Никита? Привязался к нему? Так это не имеет никакого отношения к тебе и Морову. Наоборот, это должно тебя радовать, что твоего сына полностью устраивает твой мужчина.

— Наверное...

— Не «наверное», а «точно». Да, дорогая, иду, — крикнула она куда-то в сторону. — Прости, меня потеряли.

— Ничего, — поспешила заверить подругу, — иди. Спасибо.

— Не за что, — с улыбкой в голосе произнесла она. — Скажи ему — да, не пожалеешь. И я тебе это не как друг Ильи говорю.

Рассмеявшись, покачала головой, попрощалась с ней и повесила трубку. С дико бьющимся сердцем, готовым вырваться из груди и отправиться отплясывать джигу, осторожно встала.

Хватит бояться. Оксана права. Да я и сама понимала, что такие, как Моров, на дороге не валяются. И если он хочет попробовать, то и мне стоит. К тому же, нельзя отрицать тот факт, что я уже начала в него влюбляться. О большой и светлой говорить еще рано, конечно, но и до этого мы можем дойти. Нужно только немного времени.

Решившись, а также заглушив все свои страхи, направилась на поиски Ильи, чтобы сообщить ему свое решение.

Пройдя мимо лестницы, ведущей на второй этаж, задумалась. И где же его искать? Он вроде бы не поднимался к себе в кабинет, а скрылся где-то в недрах первого этажа. Но где конкретно?

Краем уха уловила громкую музыку из дальнего конца коридора. Справедливо решив, что скорее всего Моров будет именно там, где она играет, поковыляла на звуки. Они привели меня к запертой двери. Хотела было постучать, но осознав, что меня вряд ли услышат, потянула ручку на себя, открывая створки и впуская в коридор тяжелый рок, грохочущий так, что оглохнуть можно было.

Сморщившись, заглянула внутрь. Ох ты ж... Увиденное заставило меня задохнуться от восхищения. Вы когда-нибудь видели хорошо сложенного, мускулистого мужчину, занимающегося на тренажерах? Это же эротическая мечта!

Напряженные мускулы, вздувающиеся при каждом поднятии штанги; капельки пота, стекающие по потрясающему телу; сильные мышцы ног... Боже... Я даже облокотилась о стену, не в силах стоять прямо.

В голове вспыхнула картинка, как я захожу в комнату, медленно покачивая бедрами, соблазняя его каждым своим движением, присаживаюсь на него сверху, провожу руками по пресловутым кубикам, о которых у своих мужчин мечтает практически каждая, забираюсь под резинку шорт, сжимая его, заводя, чтобы потом...

Музыка резко оборвалась, вырывая меня из эротической фантазии. Встряхнув головой, чтобы окончательно прогнать возбуждающую картинку, подняла взгляд, встретившись с чуть насмешливым Морова.

— Ты что-то хотела? — спросил он, беря полотенце и вытирая пот со лба.

Сглотнув, кивнула, не в силах выдавить из себя и слова. Когда этот ходячий секс встал, мне стало еще сложнее держать себя в руках. Не знаю, почему. Может, из-за того, что теперь я могла рассмотреть его во всей красе (футболки-то не было, хоть бы оделся что ли...), а может, из-за того, что он буквально пригвоздил меня к полу своим горящим взглядом, в котором было столько желаний... Никогда не видела подобного. Вру, видела. Но ни разу еще такие взгляды не были направлены на меня, всегда на кого-то другого.

Моров сделал пару глотков из стоящей рядом с ним на полу бутылки, поставил ее на небольшой столик, медленно подошел. Я буквально пожирала его взглядом, в восхищении наблюдая за перекачавшимися при каждом движении мышцами. Нельзя быть таким сексуальным. Это противозаконно.

Вообще никогда не думала, что в моей жизни может появиться подобное чудо. Обычно я смотрела на такое в интернете, в этих роликах в Инстаграмме, у которых множество лайков от истекающих слюной женщин. А тут... вот оно... передо мной... Восьмое чудо света. Которое хочет быть моим чудом. И я еще думаю — брать или нет? Конечно, брать, хотя бы ради возможности подержаться. Погладить эти мускулы...

подавив желание облизнуться (что творится в моей голове? Он же не кусок мяса, ей богу!), все-таки заставила себя посмотреть ему в глаза. Сглотнула, пораженная их зеленью. Мне кажется, что я еще ни разу не видела их такими. Они были одновременно и потемневшими от желания, и ярко горящими от него же. Как такое вообще возможно?

— Ир? — поднял одну бровь Илья, остановившись в нескольких шагах от меня.

— Я... эм... — проблеяла, не в силах отвести взгляд от капельки пота, стекавшей по его груди. Если я буду смотреть достаточно долго то, возможно, увижу, как она стекает ему на живот, а там...

Встряхнувшись, попыталась выпрямиться и хоть чуть-чуть прийти в себя. Была бы женщиной, решила бы, что у меня спермотоксикоз и все мозги перекочевали куда-то между ног.

— Я хотела поговорить.

Это кто так пищит? Я что ли? Вот стыдоба!

Жутко покраснев, да так, что аж уши запылали, отвела-таки взгляд в сторону. Хватит пялиться.

— О чем?

Илья прислонился к косяку двери напротив меня, ничуть не облегчая мне задачу. Теперь он стоял настолько близко, что я чувствовала легкий запах пота мужчины. Но он не был неприятным, наоборот, действовал на меня, как афродизиак. Что со мной творится? Я же взрослая, состоявшаяся женщина, а веду себя, как малолетка! Так, Соколова, приди в себя, наконец.

Мысленно отвесив себе подзатыльник, попыталась выдавить улыбку. Получилось хреново, если честно, но на большее я не была способна.

— Прости, что отвлекла от тренировки.

— Ничего страшного, — пожал он плечами, и я залипла на этом движении.

Почему они у него такие широкие? Сколько он занимался, чтобы этого добиться? Интересно, если я попробую закинуть на них ноги, моей растяжки хватит? О чем я думаю вообще?

Кажется, я покраснела пуще прежнего.

— Я хотела поговорить, — сумела выдавить из себя хоть что-то.

Мозг был, как желе. Это было совсем мне не свойственно. И немножко ненормально.

— О чем?

— О... нас... — пискнула, запнувшись, потому что Моров придвинулся ко мне еще ближе, положив свои огромные ручищи на мои бедра, притягивая к своему телу.

— И что ты решила? — спросил он, наклоняясь и захватывая зубами мочку моего уха. А вот это совсем запрещенный прием, господин. Я ж теперь точно думать не смогу.

— Я... решила... — задыхаясь от нахлынувшего возбуждения, начала бормотать что-то бессвязное. Язык заплетался, глаза закатывались, а Илья продолжал надо мной издеваться, покрывая поцелуями все свободное пространство, не закрытое довольно просторной домашней футболкой.

Шею, ключицы, плечи... даже до небольшого выреза на груди добрался. Многострадальный костыль в очередной раз полетел на пол. Моров поднял меня над полом и усадил на какую-то поверхность, вклинившись между бедер.

— Да? — выдохнул мне на ухо, поглаживая спину, забираясь руками под футболку, обжигая своими прикосновениями.

— Что... нам... стоит... — каждое слово приходилось буквально выталкивать.

— Стоит что? — с улыбкой спросил Илья, стягивая с меня футболку и накрывая руками грудь.

— Моров... — простонала, выгибаясь, подставляя себя под его ласки.

Большими пальцами мужчина поглаживал сквозь ткань бюстгалтера напряженные соски, окончательно лишая меня способности мыслить. Даже, если бы я шла сюда для того, чтобы сказать ему, что между нами ничего не может быть, то точно не смогла бы сейчас это сделать. Илья уверенно меня соблазнял, и у него, черт бы его побрал, это очень хорошо получалось.

Илья

Моя девочка выгибалась мне навстречу, что-то тихо бормотала себе под нос, смотря на меня заплывшим от удовольствия взглядом. И от всего этого у меня просто сносило крышу.

Я пришел в свой домашний зал, чтобы отвлечься. Хоть на пару часов забыть о жившей в моем доме фее. И у меня это даже получалось.

Ровно до того момента, как я заметил стоящую в дверях Ирину, жадно пожирающую меня глазами. Она даже облизывалась, словно видела перед собой что-то жутко аппетитное. И мне было чертовски приятно, что этим чем-то был я.

От неприкрытого желания в ее взгляде, мне снесло крышу. Я забыл о том, что собирался дать ей время. Поухаживать за ней нормально. Не приставать. Но как можно держать себя в руках, когда на тебя смотрят так, словно хотят съесть? И я с радостью ей это позволю.

Освободив ее грудь от ненужной на мой взгляд одежды, громко застонал. Она была идеальная. Сделанная прямо под меня. Ни больше, ни меньше.

Наклонившись, втянул твердую горошину соска в рот, чуть поласкал его языком, ощущая нежные пальчики, зарывшиеся мне в волосы, притягивающие мою голову еще ближе.

Сжав талию Иры руками, надеясь, что не причиняю ей боли, вжался ей между ног, недвусмысленно намекая на свои желания и молясь всем богам, готовым меня услышать, чтобы она меня не остановила.

Судя по тому, что она еще шире развела ножки, подпуская меня ближе, Ира этого делать не собиралась.

— Девочка моя... — прошептал, переходя к другой груди. — Сладкая...

В ответ раздался только низкий стон. Да, правильно, стони. Наслаждайся. Я с удовольствием докажу тебе сейчас, что ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня. Ты всегда будешь довольна. Интимом уж точно.

Не давая ей времени опомниться и передумать, стянул с феи домашнюю юбку, которую ей приходилось носить из-за гипса, мешающего надеть штаны. Чему в данный момент я был несказанно рад. Если бы мне пришлось возиться со штанами, Ира могла прийти в себя. А я уже достаточно далеко зашел, чтобы остановиться.

Нет, если бы я почувствовал ее сопротивление или нежелание, то конечно же остановился бы, но этого не было. Девушка, наоборот, прижимала меня к себе, терлась о мою руку, исследующую ее, доставляющую удовольствие.

Дьявол! Какая же она была влажная. И как же мне хотелось сейчас оказаться в ней совершенно другой частью тела.

— Илья... пожалуйста... — простонала моя личная фея, еще сильнее выгибаясь, подставляя моему жадному рту свою восхитительную грудь.

— Что «пожалуйста», фея? — прошептал ей на ухо, вжимая в себя одной рукой, а второй продолжая ласкать. — Что ты хочешь?

Ира открыла затуманенные глазки и просто посмотрела на меня, издавая такие неприличные, но такие сладкие звуки, что я, окончательно потеряв голову и остатки самообладания, решил больше не мучить ни себя, ни ее.

Стянув с себя спортивные шорты, сдвинул в сторону трусики (одно название, ей богу), заглянул в глаза, прошептал:

— Останови меня...

На мое счастье, она не стала этого делать. Лишь обхватила меня одной ногой за бедро, не давая возможности отстраниться. А я и не собирался. Толчок, и тишину домашнего спортзала нарушили наши громкие стоны. Блаженство...

Когда мы пришли в себя, я, как мог, привел Иру в порядок, пригладил растрепанные волосы и усмехнулся.

— Теперь я не смогу спокойно заниматься.

— Почему? — смешно нахмурилась она, поправляя бюстгалтер и натягивая футболку.

— Каждый раз, заходя в зал, я буду вспоминать, как имел тебя на этом тренажере, — похабно ухмыльнулся, забавляясь от того, что ее щечки вновь покраснели от смущения.

Ира обернулась, чтобы посмотреть, на чем она расположилась. Покачала головой.

— Это целиком и полностью твоя вина, — заявила она, ткнув в меня пальцем.

— Почему это? — удивился, помогая ей встать и подавая костыль.

— Потому что нельзя быть таким сексуальным.

Рассмеявшись, я демонстративно поиграл мускулами, получив в ответ лишь закатанные в раздражении глаза.

— Ну, извини, — пожал плечами, ничуть не раскаиваясь в содеянном. — Ты жалеешь? — спросил, вдруг, со страхом, поднявшим свою отвратительную голову.

Даже удовольствие от произошедшего поубавилось.

— Нет, — твердо ответила фея. — Но в следующий раз будем предохраняться.

Обрадованный тем фактом, что будет следующий раз, не сразу понял, что она имела в виду. Но когда до меня дошло, мне и правда стало стыдно. И немножко неприятно.

— Ты... — хотел было спросить, почему она не хочет от меня детей, но вовремя остановился. Для этого разговора еще точно рано. — Будем, — сказал вместо этого. — Я в душ. А потом с удовольствием что-нибудь поел бы. Надеюсь, завтрак, который ты готовила, не безнадежно испорчен?

— Его надо только разогреть, — улыбнулась фея, идя вместе со мной в сторону кухни и опираясь на мою руку. Костыль она несла в другой, поскольку в данный момент в нем не было надобности.

Оставив Иришку колдовать у плиты, насвистывая бодрый мотивчик отправился на второй этаж.

Наверное, я должен ругать себя за то, что так набросился на молодую женщину. Наверное, мне должно быть стыдно, что не смог сдержать себя в руках. Наверное, мы должны с ней поговорить об этом. Наверное...

Но, блять! Я не хотел этого делать. Вот совершенно. Считал, что разговоры сейчас все только испортят. А уж сожалеть о том, что наконец исполнилась мечта моих последних месяцев жизни, я точно не собираюсь.

Надеюсь, что и Ира не скроется заново в своей раковине, и не станет меня избегать. Но, если судить, по нашему разговору сразу после, она не будет этого делать.

И почему-то я был твердо уверен, что изначально она пришла именно для того, чтобы сказать, что готова попробовать. Иначе все, что произошло, наполнялось совершенно иным смыслом. Который мне не нравился. Надо будет все-таки уточнить этот момент.

Стоя под упругими струями душа, я не переставал улыбаться. Как-то, во время нашей очередной с Максом попойки, мой друг признался, что лучший секс в его жизни был у него с

Оксаной, и в ответ на мое скептическое хмыканье добавил, что я пойму его, когда тоже найду любимую женщину. И он оказался чертовски прав. Я такого наслаждения от полового акта, как от этого с Ирой, никогда не получал. Стоит признать, что я на мгновение даже отключился, настолько мне было хорошо.

Правда, я не планировал, что наш первый раз с феей случится в зале, на одном из тренажеров. Я собирался ее медленно соблазнять, очаровывать, сводить с ума намеками и легкими прикосновениями. Чтобы она лужицей растеклась передо мной, когда я, наконец, перейду к делу. И произошло бы это у меня в комнате, при свечах, медленно, нежно, мы бы наслаждались каждой минутой, проведенной вместе. И были бы на сто процентов уверены, что этот раз — первый из множества.

Я и сейчас в этом уверен. Но вот Ира... Вряд ли. Еще раз подумал, что надо все-таки с ней все обсудить.

Выйдя из душа, наскоро вытерся, оделся и в припрыжку сбежал вниз, ведомый вновь наполнившими мой дом ароматами.

Иру опять застал у плиты, стараясь не шуметь, подошел к ней, обнял, зарывшись носом в волосы, втягивая только ей присущий запах, который уже стал моим личным наркотиком. И немножко афродизиак.

Громко заурчавший желудок не дал моим мыслям уйти не в то русло. Иришка рассмеявшись повернулась, обхватывая меня своими тонкими ручками, утыкаясь носиком куда-то в район шеи.

— Проголодался, медвежонок? — спросила так ласково, аж что-то сжалось внутри от нежности. И вовсе не обидно, оказывается, когда тебя так называют, если произносится это таким тоном.

— Есть немного, — пробормотал, прижимая ее к себе. — Нам надо поговорить? — решил спросить.

Напрямую узнать, что она обо всем этом думает, не отважился. Сыграл труса, да. Наверное, впервые в жизни в таком деле. Вот почему-то именно сейчас мне стало страшно. Не тогда, когда признавался ей в любви и предлагал попробовать построить отношения, поставив все на кон; не тогда, когда разрешал Никите папой себя называть, прекрасно осознавая, чем это грозит; не тогда, когда трахал ее у себя в зале; а именно сейчас, после всего, когда узнал, наконец, какого это — быть с ней, быть в ней. И теперь у меня чуть ли ни поджилки тряслись, в ожидании ее ответа.

— Я шла сказать тебе, что готова попробовать, — глухо призналась Иришка, утыкаясь теперь в грудь. — И если ты не заметил, то я хотела всего этого также сильно, как и ты. Ничуть не жалею.

Закончив, подняла на меня свои прекрасные глазки, в которых, к своему удовольствию, я не увидел ни капли сожаления, что полностью подтверждало ее слова.

— И впредь не пожалеешь, — прошептал севшим голосом. — Обещаю.

— Знаю, — улыбнулась.

Поцеловав девушку, отлип, наконец, от нее и сел за стол, принимаясь за самый вкусный завтракообед в своей жизни.

Ирина

А дальше потекли безмятежные, полные радости, счастья и удовольствия дни. Мороз все также каждый день с утра дарил мне шикарный букет цветов. Никитка наслаждался каникулами, играя со своими новыми друзьями.

Несколько раз в неделю Илья отвозил его на летние тренировки по хоккею, чтобы он не расслаблялся. Я хотела было начать протестовать, что ребенку стоит отдохнуть, набраться сил, но сын не возражал. Наоборот, собирался на них с удовольствием. Мужчина даже умудрился устроить его в летний лагерь на вторую и третью смены. Кит прыгал до потолка от радости, когда узнал. Еще и Строгановы решили отправить вместе с ним Кирилла.

В общем, сын был счастлив. А я? Я тоже. Даже капли сомнений не было.

Вечером того же дня, когда мы с Илей, «поупражнялись» в его домашнем зале, мне заявили, что я переезжаю к Морозу в комнату. Я и не сопротивлялась. Меня не пугало даже то, что мне теперь каждое утро и вечер приходилось преодолевать злобучие ступеньки. Лишать из-за них себя удовольствия засыпать и просыпаться в объятиях здоровяка, таких надежных, приятных, нужных, я не собиралась.

Меня даже пару раз водили на свидание в ресторан. И каждый раз был лучше предыдущего. Особенно, учитывая, что Ник в эти дни ночевал у Строгановых, и мы могли не сдерживаться, наслаждаясь друг другом в спальне (и других частях дома).

Похоже, что мой личный медвежонок задался целью влюбить меня в себя без памяти. И у него это получалось на ура. Правда, я ему об этом еще не сказала. Каждый раз, когда я открывала рот, чтобы признаться ему в своих чувствах, меня что-то тормозило. Видимо, где-то в глубине души я все еще боялась, что все, что со мной и Ником сейчас происходит — сказка, которая рано или поздно закончится. Что счастливый конец не для меня.

Я, конечно, старалась гнать от себя упаднические мысли. Но порой они не хотели уходить. В такие моменты я старалась избегать Мороза, чтобы не обидеть мужчину своими сомнениями. Ведь он не делал ничего, чтобы они стали правдой, никакими своими действиями не подпитывал их. А я все равно сомневалась. И ругала себя за это.

Сегодняшний день начался также прекрасно, как и предыдущие. Утром — ежедневная зарядка (ее самый лучший вид в мире), днем Илья должен был отвезти меня снять гипс, а вечером я планировала устроить своему любимому (в мыслях я это признавала, да) мужчине сюрприз.

Во-первых, я, наконец-то, могла надеть в постель что-то более сексуальное, чем хлопковая сорочка (по моему личному мнению, шелк и гипс — не совместимы); во-вторых, я договорилась с Оксаной, и Никитка переночует сегодня у них; в-третьих, я все-таки решила перестать быть трусихой и признаться Морозу в том, что люблю его. Пора. И будь, что будет.

Вот только моим планам не суждено было сбыться.

Первое, что пошло наперекосяк — это Никита. Он заболел, а поэтому оставить его на ночь у Строгановых не было ни малейшей возможности. Сынок был таким вареным, что я даже не хотела его оставлять и на пару часов, чтобы съездить в больницу. Порывалась перенести прием на другой день, но Оксана уговорила этого не делать.

— Ты гораздо лучше сможешь позаботиться о больном сыне, когда тебе не будет мешать при передвижениях гипс, — привела она довольно разумный довод, выпроваживая меня из

дома Морова и запихивая в машину.

Мужчина уже сидел за рулем, ухмыляясь.

— Ириш, поехали, — прокричал в открытое окно. — Ник сейчас спит, и ему не пять лет — не испугается он, когда проснется и не увидит тебя рядом, коршуном охраняющей его сон. Да и Карпин ждать не будет.

Для порядка побурчав, забралась-таки в машину.

Домчали мы быстро, гипс тоже сняли оперативно, наложив повязку, с которой мне предстояло ходить еще пару недель, но это было гораздо лучше гипса, я не жаловалась. Через два часа мы уже были дома. Никита, накачанный жаропонижающими, все еще не проснулся.

Ждущая у ворот блондинка в короткой юбке стала для нас с Моровым полной неожиданностью. Прищурившись, попыталась вспомнить, где я могла ее видеть. В голову ничего не приходило. Только услышав тихие маты сидевшего рядом мужчины, осознала — это же наша знакомая из социальной службы. Какого черта она здесь забыла?

— Илья Владимирович, — широко улыбнулась она, увидев открытое окно, когда мы подъехали ближе. — Рада встрече.

— Что вы здесь делаете? — не очень любезно ответил Моров, за что получил от меня немного возмущенный взгляд.

Со слов Никиты я знала, что в прошлый приезд этой мадам к нам домой, они с Ильей с чем-то поспорили. Но дамочка все равно осталась довольной и согласилась, что условия проживания моего сына вполне сносные, а, значит, нет причин его забирать. Сказала только, что будет периодически их навещать. И, насколько я знала, слова в жизнь не претворила. До сегодняшнего дня она в поселке не появлялась. Мы уже успели о ней забыть.

Я тоже не горела желанием ее увидеть, не понимала, зачем она здесь, но грубить ей — не самая лучшая тактика. Мало ли что ей придет в голову.

— Приехала вас навестить, как и обещала, — не растеряла жизнерадостности она и продолжала лучезарно улыбаться Морову.

На меня же не обращала внимания. От слова «совсем». Создавалось ощущение, что я не существовала. Раздраженная этим фактом, а так же тем, что Илья не сводил с блондиночки взгляда, я вылезла из машины, громко хлопнув дверью. За что получила о-о-очень недовольный взгляд от Ильи. Как и любой мужчина, он обожал свою тачку и относился к ней с излишним, как по мне, трепетом.

Скорчив извиняющуюся рожицу, послала ему свой самый невинный взгляд. Покачив головой, он тяжело вздохнул и опять повернулся к блонди. Как же ее имя? В упор не помню.

— Иру уже выписали из больницы, она живет здесь вместе со своим сыном. Нет никаких причин для вашего визита, — холодно отозвался Моров.

— Отчего же? — невинно похлопала огромными ресницами девочка. — Мне кажется, что причина есть. И довольно внушительная.

На последних словах ее взгляд прямо-таки вперился в район ширинки мужчины.

Опешившая от такой наглости, я не нашлась, что сказать. А вот Илья, наоборот, сразу как-то расслабился, ухмыльнулся. На его лице расплылась немного похабная улыбочка, которую, почему-то я была в этом уверена, он использовал для того, чтобы очаровывать дам с целью затащить их к себе в постель. -Ч-и-т-а-й- -н-а- -К-н-и-г-о-е-д-.-н-е-т-

Не понимая, почему он начал так себя вести, а еще глубоко уязвленная таким его поведением, я демонстративно прошла мимо этой парочки и скрылась за воротами. С удовольствием бы ими хлопнула изо всей силы, но это было за пределами моих

возможностей. Пришлось ограничиваться гордо поднятой головой и прямой спиной. Илья меня не остановил. И это меня задело еще больше.

Горло сдавило от сдерживаемых рыданий. Мне казалось, что привычный мир вокруг меня рушится. Такое неприкрытое предательство со стороны Морова было словно удар в спину. Уж лучше бы он меня избил, как Костя, чем вот так...

На самом деле ничего страшного Илья не сделал. И, наверное, мне стоило остаться и послушать, что он собирался сказать блондиночке. Я ведь успела его достаточно хорошо изучить и понимала, что совершенно не в характере мужчины заводить романы на стороне. Он слишком сильно себя уважает. Себя и свой выбор.

Да и если бы он хотел, он бы начал флиртовать с ней еще тогда, в палате. И вообще, верить в то, что Илья способен на измену, да такую открытую, мне не хотелось.

Проблема была в том, что даже понимая все это, я дико злилась на Морова. Мысли мои были совершенно иррациональными. И ничего хорошего мужчине не ждало, когда он, с такой широкой улыбкой, что было видно его зубы мудрости, зашел в дом.

— Все, — хлопнул он в ладоши, присаживаясь за стол, и совершенно не обращая внимание на то, что я возмущенно пыхчу, стоя у плиты. — Больше она к нам не сунется.

— Что ты ей сказал? — спросила, скрестив руки на груди и сверля его взглядом.

— Если вкратце, то посоветовал свалить в закат, — хмыкнул Моров, донельзя довольный собой.

Я не смогла сдержаться и ляпнула:

— А перед этим предложил ей потрахаться? На прощание.

И это было очень несправедливо по отношению к Илье. И очень некрасиво. И настолько далеко от реальности, что даже не смешно. Но какая-то глупая обида и ревность не дали мне вовремя заткнуться.

Лицо мужчины довольно комично вытянулось, он чуть потряс головой из стороны в сторону, потом почесал в ухе, словно проверял — все ли в порядке у него со слухом.

— Прости, что? — переспросил он.

— Что слышал, — огрызнулась, отворачиваясь.

— Ир, что за глупости ты говоришь? — возмутился Моров.

На удивление, даже не повысив голос. Он вообще стал говорить намного тише с того момента, как мы к нему переехали. До громкости обычных людей ему еще, конечно, далековато, но прогресс на лицо. Я, например, больше не подпрыгиваю, стоит ему открыть рот, как было в начале.

Не исключено, правда, что я просто привыкла, потому что Максим утверждает, что ничего не изменилось. Моров, как орал, так и орет.

— Говорю то, что вижу.

— Ириш...

Он с улыбкой поднялся со стула и хотел было подойти ко мне, обнять, но я отскочила на другой конец стола, чтобы быть в недосягаемости.

— Не подходи, — рыкнула, прожигая его максимально возмущенным взглядом. — Если тебе так сильно хочется ее трахнуть, можешь позвонить ей, телефончик-то она тебе точно оставила. А я мешать не буду, сегодня же уеду.

— Во-первых, Никита болеет, и сейчас вы никуда не поедете, — попытался возвать к моему благоразумию Моров. — Во-вторых, что за муха тебя укусила? С чего тебе вообще пришло подобное в голову?

— А не хрен потому что смотреть на нее так, будто съесть хочешь!

Последние слова я уже прокричала. В глазах стояли слезы. И совсем не от обиды на Илью, нет. Умом-то я понимала, что не права. Обидно было на себя саму, что веду себя, как полная идиотка, которая устраивает скандал мужчине на пустом месте.

— Да я ни на кого, кроме тебя так не смотрю! Что за хуйня, Ира?!

Не выдержал-таки мужчина и заорал в ответ, громко хлопнув ладонью по столу. От резкого и неожиданного звука я подпрыгнула на месте и инстинктивно сжалась, опасаясь, что следующий удар придется уже на мою бедовую голову.

Увидев мои телодвижения, Илья застыл. В любимых зеленых глазах мелькнула боль. Прикусив губу, я смотрела, как он медленно отступает от меня как можно дальше.

— Я не знаю, из-за чего ты решила устроить этот глупый скандал, — тихо сказал он, опустив голову, — но... — помолчав, невесело хмыкнул, — могу только догадываться. И догадки мои мне не нравятся. Пойду позанимаюсь, а ты... Делай, что хочешь, — махнул он рукой и скрылся в коридоре, ведущем в зал.

Через минуту оттуда донеслась громкая музыка.

Илья

На следующее утро я уехал в командировку. Ире ничего не сказал. Планировал предупредить вечером, потому что образовалась она неожиданно, но скандал спутал все планы.

Вообще, в этот раз должен был ехать уже Максим, мы договорились, что теперь будем ездить в командировки по очереди, но у друга в эти выходные день рождения, а существовал огромный риск, что встречи с заказчиками могут затянуться надолго, а пропустить праздник он не мог.

Собирался я в спешке, побросал в чемодан первое, что попало под руку. Весь тот вечер, да и всю командировку, если честно, пытался понять, что произошло между мной и Ирой. С чего вдруг моя адекватная девочка решила устроить ссору на пустом месте? Пытался и не понимал.

Но больше всего меня задела ее реакция на удар по столу. Сама мысль о том, что она просто предположила, что я могу сделать ей больно, была как удар под дых. Поэтому и сбежал, пока она спала. Не было сил на нее даже смотреть.

Фее не писал и не звонил. Пару раз разговаривал с Ником, справлялся о его самочувствии. Малой довольно быстро пошел на поправку, оказалось, что это была обычная простуда. Уже через пару дней он пришел в себя и запросился на тренировку, но Ира запретила, и я был склонен с ней согласиться. Пацан поворчал, поворчал, но смирился. Мал еще с нами тягаться.

Переписывался со Строгановыми. Обоими. Макс ничего об обстановке у меня в доме не говорил, а Оксана пыталась было намекнуть, что Ира успокоилась и хотела бы извиниться, но я не стал воспринимать ее слова на веру. Хотела бы — позвонила.

Не то чтобы я был такой гордый, поэтому не звонил первым. Совсем нет. Просто я в очередной раз играл труса с этой женщиной. Боялся, что если позвоню ей, то услышу:

— Прости, прощай, Илья Владимирович, секс был классный, но сам ты не очень, поэтому мы с Ником от тебя уезжаем.

Может, и глупо, но ведь начала же она скандалить на пустом месте по какой-то причине, правильно? Мне одновременно и хотелось знать, что же произошло тогда, и не хотелось. Опасался, что правда мне могла не понравиться.

Поэтому я и ждал окончания командировки, и не хотел, чтобы она заканчивалась. Но все вопросы с заказчиками были решены довольно быстро, день рождения Макса приближался, смысла оставаться в столице не было, а дома меня ждали. Если не Ира с Никитой, то друзья точно.

Весь полет и дорогу до дома в машине я мандражировал, как мальчишка. Боялся, что моя фея собрала вещички и свалила в закат. Хуже стало, когда, подходя к дому, не увидел ни одного горящего окна. Неужели все-таки уехала?

Осторожно открыл дверь, поставил сумку, включил свет и... меня чуть не сбил с ног вихрь по имени Никита. Мальчонка со радостным криком бросился ко мне обниматься, сжал изо всех сил, что-то пробормотал мне прямо в живот. Обняв его в ответ, радостно заулыбался. Не уехали. Ждали.

— С возвращением, — подпрыгивая на месте, прокричал пацан. — Смотри, что мы с

мамой тебе приготовили.

Я поднял голову: на всю гостиную был растянута баннер «Добро пожаловать домой!», везде висели шарик, а счастливо улыбающаяся Ира в шикарном платье стояла посреди комнаты, держа в руках торт.

— Привет, — выдохнул облегченно.

Губы сами собой растянулись в улыбке. В груди разливалось тепло. Боже, как же хорошо, когда тебя ждут. И любят. Ире даже говорить этого не надо было. Я и так это видел. В ее светящихся глазах, в ее улыбке. И чувствовал в ее поцелуе, который она мне подарила, осторожно подойдя и обняв, когда Никита от меня, наконец, отлепился.

— Привет, — прошептала в ответ, крепко прижимаясь. — Мы тебя очень ждали.

— Я вижу, — хмыкнул довольнo. — И безумно этому рад.

Вечер прошел в уютной семейной обстановке. Никита без остановки рассказывал о том, что произошло, пока меня не было. Ира его иногда поправляла, но большую часть времени сидела молча и улыбалась, глядя на нас с ним.

Мне же очень хотелось остаться с ней наедине. Желательно вдвоем в нашей спальне. Почувствовать ее под собой, вокруг себя. Вновь услышать тихие стоны, мольбы о продолжении. И самому сказать ей самое главное: что люблю ее, хочу, чтобы всегда была рядом. Даже если будет устраивать такие глупые скандалы каждый день. И задать ей самый важный вопрос, на который принимается только один ответ.

Никитос довольнo быстро сдулся и сбежал к себе в комнату, оставив нас с его мамой наедине. Мы еще какое-то время посидели в тишине, абсолютно не напрягающей, а наоборот, уютной, будто пледом накрыли в зимнюю ночь. И так хорошо было, что не хотелось ничего менять. Но у феи были другие планы.

— Прости меня, — тихо сказала она, не поднимая глаз от тарелки. — Не знаю, что на меня нашло тогда. Точнее... — закусив губу от волнения, подняла на меня полный неуверенности и легкого страха взгляд. — Я знаю. И мне стыдно.

— Что тогда случилось, Ир?

Все-таки мне надо было знать, хоть я и видел, что ей было нелегко говорить. Но как я могу избежать подобных сцен в будущем, если мне не будет известна первопричина истерики?

— Я испугалась, — пробормотала моя девочка. Да так тихо, что я не был уверен, что услышал все правильно.

— Чего?

— Тебя. Себя. Своих чувств.

Я молчал. Не стал больше ничего спрашивать и уточнять. Она все сама расскажет, надо только дать время. А его у меня было в избытке. Особенно теперь, когда я знал, что она — здесь, рядом, и никуда не ушла от меня.

— Я хотела сделать тот вечер особенным. Романтичным. Соблазнить тебя, а потом... — она глубоко вдохнула, собираясь с силами. — Сказать, что люблю тебя.

На этих словах она посмотрела мне прямо в глаза, а я, в первые за долгое время, не знал, что на это ответить. Вру, знал. Но сидел с открытым ртом, ошеломленный сказанным.

— Чего тогда ты испугалась? — нашел в себе силы спросить. — Я ведь тоже люблю тебя.

— Я знаю, — мягко улыбнулась Ира, теребя в руках салфетку. — Но осознав всю силу своих чувств, испугалась, что сказав тебе о них, потеряю тебя.

Нахмурился, не понимая ее логики. Девушка ухмыльнулась, видя мое замешательство.

— Глупо, знаю, но я же женщина, — развела она руками.

— Женщина, — проворчал. — Я чуть не поседел от беспокойства, а она — женщина!

Фея опять закусила нижнюю губку и неуверенно улыбнулась.

— И я знаю, что ты никогда не сделаешь мне больно. Правда. Прости?

— Это вопрос? — рассмеялся я, поднимаясь со своего места.

— Наверное, — рассмеялась в ответ она.

— У меня есть свой вопрос, — сказал, опускаясь перед ней на колени и беря за руки.

— Какой? — нахмурилась фея.

В любимых глазках проскочила тень страха, поэтому я не стал тянуть кота за хвост и выпалил:

— Ты выйдешь за меня?

Жестом фокусника достал из заднего кармана джинс коробочку с кольцом (весь вечер на ней сидел, как принцесса на горошине, боялся, что раздавлю), протянул ее фее, не открывая.

— Илья... — удивленно выдохнула она, трясущимися от волнения руками взяла коробочку, открыла и охнула. — Какая красота!

Я лишь передернул плечами. Ничего особенного — обычное золото и бриллиант по середине, никаких излишеств. Мне показалось, что они были бы неуместными для моей феи.

— Ваш ответ, милая леди? — приподнял одну бровь, когда стоять молча в ожидании ответа стало невыносимым.

— Да, — прошептала она, осторожно вытягивая одну руку из моего захвата, и вытирая бегущие из глазок слезы. — Конечно, да.

Вскочил с радостным криком, подхватил ее со стула, коробочка выпала из рук моей смеющейся феи, закатилась куда-то под стол, но ни один из нас не обратил на это внимания. Мы были слишком заняты друг другом.

Ирина

С того дня, когда Илья вернулся из командировки и сделал мне предложение, прошло несколько лет.

Мы сыграли шикарную свадьбу, на которую были приглашены все наши друзья, включая доктора Карпина и адвоката Андрея, который, желая в очередной раз поиздеваться над Илей, вместо поздравлений посоветовал ему крепче держать меня за руку, чтобы меня не украли у него из-под носа. Моров благодушно посоветовал ему тогда заткнуться, иначе Илья подпортит ему его смазливое личико.

После свадьбы мы отправились в свадебное путешествие по Горному Алтаю. Строгановы, обожающие море, покрутили тогда пальцами у виска, решив, что мы совсем умом тронулись. Но для нас троих активный отдых был предпочтительнее, даже Никита не слишком сильно жаловался на отсутствие интернета большую часть времени.

Ник решил-таки строить профессиональную карьеру хоккеиста. С активной поддержкой Морова и природным талантом самого Ника, у него это получалось. Тренер взялся за него всерьез, и планировал уже в следующем сезоне отдать его... куда-то... Вот хоть убейте, никак запомнить не могла. Знала только, что не в молодежку, потому что малой еще.

Илья смеялся надо мной, подтрунивал, говорил, что мне стыдно не знать такое, но что поделать? Я была абсолютно безнадежна, когда дело касалось хоккея. Не смотря на то, что мой муж раньше в него играл, а сын играет сейчас.

Я смогла-таки усмирить своих демонов и больше не вздрагивала от резких звуков, нервируя тем самым Морова. Да и глупых истерик не устраивала. Конечно, у нас были разногласия, но все они решались в течение одного дня. Не дольше. Чему я была несказанно рада.

Мне с лихвой хватило того ужаса, который я испытала, когда проснулась на следующее утро после нашей с ним ссоры, и не нашла его в доме. Пока не заметила лежащую на столе записку, успела передумать и представить всякие разные ужасы. Начиная от того, что он психанул и двинулся-таки к блондинке, и заканчивая мыслью, что сказка все-таки закончилась, и Моров меня бросил.

Осознав, что он просто отправился в командировку, выдохнула с облегчением. Правда, всю последующую неделю провела, как на иголках. Илья не звонил мне, не писал. Только Никита рассказывал, как он и чем занимается. Да Оксана периодически держала меня в курсе событий.

От Максима смогла узнать, когда он возвращается, и решила устроить сюрприз, предварительно согласовав это с Никитой. Он с радостью согласился. Мне даже казалось, что он ждал Илью, дабы порадовать его нашим сюрпризом, больше, чем я.

Но вечер приезда моего любимого превзошел все мои смелые ожидания. Я планировала только заглядеть свою вину, удостовериться, что у нас с ним все хорошо, признаться, наконец, в своих чувствах. Даже подумать не могла, что к ночи стану невестой.

Но несмотря на охвативший меня тогда шок, иного ответа, как согласиться, у меня не было. Наверное, предложи он выйти за него неделей ранее, я бы отказалась. Но проживя неделю без него, в подвешенном состоянии, не зная, есть я все еще у него, а он у меня, или нет, я очень четко осознала, что никто, кроме него мне не нужен. Никакой другой мужчина.

Только он. Громкий. Порой невозможный. Взрывной. Ревнивый. Но весь такой мой.

Поэтому, когда он спросил, я без раздумий согласилась. И ни разу не пожалела. Моя жизнь так и осталась похожей на сказку. Цветы Илья по-прежнему дарил каждый день. Иногда к ним еще присовокуплялись зайчата.

Спустя какое-то время пришлось даже целую комнату для них организовывать. Благо их в особняке было предостаточно. Вот только... похоже, скоро зайчатам придется потесниться. Уступив место другому зайчонку.

Вынырнув из своих счастливых мыслей, взяла с тумбочки рядом с раковиной тест на беременность. Две полоски.

Меня наполнила тихая радость. Прикрыв глаза, глубоко вдохнула, понимая, что держать все в себе слишком долго не смогу. Мне надо срочно поделиться новостью с мужем, иначе я лопну.

— Илья Владимирович, — прокричала, забегаю в нашу с ним спальню.

Муж резко сел, просыпаясь.

— А? Что? Что случилось?

Рассмеявшись, запрыгнула на кровать, повалив моего лохматого мишку на спину.

— А у меня хорошая новость, — пропела, пряча тест за спиной.

— Какая, малыш? — улыбнулся он, притягивая меня к себе под бочок, осыпая поцелуями плечи.

— Я беременна, — выпалила, решив долго его не мучить.

Тело, к которому я прижималась, превратилось в камень. Когда даже спустя минуты Илья не издал ни звука, я осторожно повернулась в его руках, заглядывая в глаза, пытаюсь прочитать по ним, как он отнесся к новости. Вот только понять что-либо было сложно. На лице мужа не отражались эмоции. Вообще.

— Илья? — позвала его неуверенно.

— Правда? — прохрипел он спустя еще какое-то время. — Беременна? — переспросил, сглотнув.

— Да, — кивнула, по привычке закусив губу, потому что начала нервничать, не понимая, рад муж этой новости или нет.

Даже возникла глупая мысль, что он не хочет детей и разведется со мной теперь. Ведь мы не обсуждали с ним перспективу обзавестись совместным ребенком. Нам и Ника хватало. При этом, мы ни разу не предохранялись, несмотря на мои грозные предупреждения. С того самого первого раза. Удивительно, на самом деле, что я забеременела только сейчас, а не тогда еще.

— Господи... — шумно выдохнул Мороз и расплылся в глупой счастливой улыбке. — Спасибо! Спасибо! Спасибо, родная моя!

Он осыпал меня всю поцелуями, впился в губы, без слов показывая свою радость. Я отвечала ему тем же. В какой-то момент даже расплакалась от счастья.

В итоге мы провели все утро в постели, обсуждая планы, как подготовиться к рождению малыша, на какие курсы пойти, какую комнату переделать под детскую. И как сказать об этом Никите.

Я надеялась, что он будет рад, но все равно опасалась. Вдруг, сын решит, что теперь мы будем любить его меньше.

Ник уже завтракал, когда мы спустились вниз. Муж потрепал сына по плечу, пожелав ему доброго утра, сделал себе кофе, мне — чай, и мы сели напротив Никиты, прожигая его

одновременно нетерпеливыми взглядами.

— Что случилось? — подозрительно сощурился Кит, заметив, как мы на него смотрим.

— У нас для тебя новость, — начала я, подбирая слова.

— Ты скоро станешь старшим братом, — не стал тянуть, в отличие от меня, Илья.

Никита поперхнулся хлопьями, откашлялся и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— Правда? — спросил он.

— Правда, — кивнула, теперь пытаюсь понять, как к этому отнесся он.

— Круто, — воскликнул сынок, подсакивая со стула и кидаясь ко мне с обнимашками. — А вы знаете уже, кто это?

— Нет, — облегченно рассмеялась. — Еще рано.

— Надеюсь, что брат, — посерьезнел мой маленький мужчина.

— Почему? — удивился Мороз.

— Буду учить его играть в хоккей.

— А если сестренка? — спросила, выпуская из объятий сына и потрепав его по макушке.

— Тогда придется ее защищать, — нахмурился Ник. — Но ничего, у меня клюшка есть.

Илья хмыкнул. Я же лишь улыбнулась, наблюдая за моими мужчинами, начавшими строить планы на будущее еще не родившегося, но уже такого любимого нового члена нашей семьи.

Смотрела на них и думала о том, какая я счастливая. Кто бы мне сказал, что самый ужасный вечер в моей жизни станет дверью в сказку, ни за что бы не поверила. Но оказалось именно так. Закрыв одну дверь — в несчастливое прошлое, я умудрилась открыть новую — в лучшее будущее, о котором раньше могла только мечтать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net